

ISSN 2412-6519
eISSN 2658-6231

2021

Volume 7

No 3 (27)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2021

Том 7

№ 3 (27)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240×170. Объем 122 с. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ № . Дата выхода в свет 30.09.2021. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Kazenkov O. Y.**

The feeling of timelessness: Russian right-wing radical thought of the turn of the XIX–XX centuries. between the horizons of the past and the future of Russia..... 228

Mamzelev I. A.

The overview of the technological approach to the colour revolution studies in the Russian political science..... 240

Xie Zhou, Zhang Zeming

The problem of the national image of Russia in the interpretation of Chinese scientists 256

Turovsky R. F., Lyutikova A. P.

Models of municipal management and personnel exchange with regions: are the implemented practices effective? 270

SOCIOLOGY**Min You, Kiselev I. Y.**

The structure of employment of pensioners in China in the context of reforming the pension system..... 286

Vlasova A. A., Galanova A.-A. V.

Problems of forming a regional quasi-market of social services: from paternalism to competition 304

PHILOLOGY**Antonova L. G., Ryzhenkova K. A.**

Communicative tools for organizing a dialogue in network book sand bloginge..... 318

Besogonova S. A., Fedorova E. A.

Dialogue with the reader in the journalism of F. M. Dostoevsky (on the example of the article «The Case of the Dzhunkovskys with their own children») 326

Melnikova E. M., Tomina A. S.

Spelling of complex nouns with components bio-, eco-, organic- 334

ПОЛИТОЛОГИЯ**Казенков О. Ю.**

Ощущение безвременья: русская правая радикальная мысль
 рубежа XIX – XX вв. между горизонтами прошлого и будущего
 России 228

Мамзелев И. А.

Обзор технологического подхода к изучению
 «цветных революций» в отечественной политической науке 240

Се Чжоу, Чжан Цзэмин

Проблема национального имиджа России в интерпретации
 китайских ученых..... 256

Туровский Р. Ф., Лютикова А. П.

Модели муниципального управления и кадровый взаимообмен
 с регионами: эффективны ли реализуемые практики? 270

СОЦИОЛОГИЯ**Минь Ю, Киселев И. Ю.**

Структура занятости пенсионеров Китая в условиях
 реформирования пенсионной системы..... 286

Власова А. А., Галанова А.-А. В.

Проблемы формирования регионального квазирынка
 социальных услуг: от патернализма к конкуренции..... 304

ФИЛОЛОГИЯ**Антонова Л. Г., Рыженкова К. А.**

Коммуникативные инструменты организации диалога
 в сетевом книжном блогинге..... 318

Бесонова С. А., Федорова Е. А.

Диалог с читателем в публицистике Ф. М. Достоевского
 (на примере статьи «Дело Джунковских с родными детьми»)..... 326

Мельникова Е. М., Томина А. С.

Орфография сложных существительных с компонентами био-,
 эко-, органик- 334

The feeling of timelessness: Russian right-wing radical thought of the turn of the XIX–XX centuries between the horizons of the past and the future of Russia

O. Y. Kazenkov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-228-239

Research Article
Full text in Russian

This article is devoted to the problem of the development of the Russian right-wing radical ideology before and at the beginning of the 1905 Revolution. The author analyzes the papers of some representatives of this political movement in Russia, tracing the process of evolution of their views from utopian to quite clearly politically meaningful and aimed at solving the social, political and economic problems of Russia that were relevant for that time. The purpose of the article is to show the diversity and contradictions in the system of views of right-wing radicals in Russia at the beginning of the XX century. The author comes to the conclusion that the reforms of S. Yu. Witte had a significant impact on the development of right-wing radicalism in Russia, and during the formation of oppositional views towards them, a strongly updated political platform of right-wing radicalism in Russia at the beginning of the XX century emerged. The author attributes these contradictions to the assessment of the Russian monarchy and the ways of Russia's development/.The author shows that the right-wing radicals considered Russia at the beginning of the XX century as a country with a sick economy and political system, they opposed the import of institutions from the West, considering the Russian civilization to be quite complete and self-sufficient.

Keywords: the right-wing radicalism in Russia; far-right political thought; S. Y. Witte's reforms; right-wing opposition; the 1905 Revolution; Russian conservatism; Russian nationalism; Russian political thought

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazenkov, Oleg Y. | E-mail: o.kazenkov@gmail.com

For citation: Kazenkov O. Y. The feeling of timelessness: Russian right-wing radical thought of the turn of the XIX–XX centuries. between the horizons of the past and the future of Russia // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 3. P. 228-239. (in Russ.)

Ощущение безвременья: русская правая радикальная мысль рубежа XIX – XX вв. между горизонтами прошлого и будущего России

О. Ю. Казенков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-228-239
УДК 323.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена проблеме развития правой радикальной идеологии России перед и в начале революции 1905 года. Автор анализирует труды некоторых представителей этого политического движения в России, прослеживая процесс эволюции их взглядов от утопических к вполне четко политически осмысленным и обращенным на решение актуальных для того времени социальных, политических и экономических задач России. Цель статьи заключается в том, чтобы показать разнообразие и противоречия в системе взглядов правых радикалов в России начала XX в. Эти противоречия автор относит к оценке российской монархии и путей развития России. Автор приходит к выводу, что значительное влияние на развитие правого радикализма в России оказали реформы С. Ю. Витте, в ходе формирования оппозиционных по отношению к ним взглядов возникла сильно обновленная политическая платформа правого радикализма в России начала XX в. Автор показывает, что правые радикалы рассматривали Россию начала XX в. как страну с большой экономикой и политической системой, они выступали против импорта институтов с Запада, считая русскую цивилизацию вполне состоявшейся и самодостаточной.

Ключевые слова: правый радикализм в России; ультраправая политическая мысль; реформы С. Ю. Витте; правая оппозиция; революция 1905 года; русский консерватизм; русский национализм; российская политическая мысль

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казенков, Олег Юрьевич		E-mail: o.kazenkov@gmail.com
		Почетный работник сферы образования Российской Федерации, советник ректората

Для цитирования: Казенков О. Ю. Ощущение безвременья: русская правая радикальная мысль рубежа XIX – XX вв. между горизонтами прошлого и будущего России // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 228-239.

Введение

Революции происходят отчасти от смятения интеллектуальной элиты и масс, смятения, вызванного неудовлетворенностью настоящим. Многие революционеры обращались в своих исследовательских поисках к прошлому, где они видели «золотой век», с потерей которого для общества начались его беды [1]. Но было ли это присуще только радикалам, стремившимся разрушить государственный порядок? Далеко нет,

и сам политический радикализм далеко не всегда подразумевает планирование нанести удар по государству и по его центральным органам управления. Правый радикализм во многих странах ставил и ставит задачу сотрудничества с государством, чтобы взять под контроль власть, так было в России начала XX в. [2].

Русский правый радикализм конца XIX – начала XX вв. произошел от славянофильства, но, в отличие от последнего, в нем обнаруживается фокус на негативных сторонах реформ С. Ю. Витте. По сути, правый радикализм не видел в этих реформах только отрицательные аспекты.

Цель настоящей статьи – показать разнообразие и противоречия представлений праворадикальных политических деятелей начала периода правления Николая II с точки зрения их видения развития России в политическом, историческом и экономическом аспектах, представив праворадикальную русскую мысль перед революцией 1905 г. и в ее начале в качестве сложной системы взглядов, на формирование которой оказал влияние, помимо прочих факторов, личный опыт основателей праворадикального движения в России. Это историческое время интересно для нас тем, что практически с 1897 по 1903 гг. Россия находилась, как общепризнанно, на экономическом подъеме, который не имел аналогов ранее. Но предпосылки роста российской экономики возникли еще до 1897 г. На фоне хозяйственных успехов Россия имела достижения в культуре, науке и технике, праве и других сферах. Однако именно в это время наблюдается рост левого и правого радикализма [3, с. 22] как реакция на ускорение развития, правыми это развитие воспринимается в качестве отклонения от цивилизационного пути России, левыми – как период усиления напряжения отношений между трудом и капиталом, когда общество сделало крупный шаг к социальной революции.

Современные российские консерваторы и их предшественники в 1980–1990-е гг. видели «золотой век» России именно в том времени, которое вызывало критики правых радикалов начала XX в. Анализ правой российской мысли прошлого и позапрошлого веков и периода правления Николая II имеет также особую актуальность в силу не прекращающейся в российском обществе дискуссии о цивилизационном суверенитете и особом пути России [4]. Октябрьская революция 1917 г., как и Февральская [5; 6], воспринимается российскими правыми в качестве отклонения от верного пути развития [7], в то время как их идейные коллеги более ста лет назад видели такими вехами в отклонении от истинно русского пути реформы Петра I и С. Ю. Витте, в отказе от наследия которых они видели возврат российского общества на присущий ему и, соответственно, гармоничный путь развития, правда, само развитие русские правые видели смутно.

Надо выделить умеренно правую в современной российской историографии позицию на природу Октябрьской революции и ее предысторию, отраженную в концептуальных идеях В. П. Булдакова и П. В. Волобуева, согласно которой революция была следствием разочарования масс во власти и поиска значительной частью крестьянства и пролетариата новых схем выживания, в результате этого поиска и возник наиболее близкий русскому народу по духу советский строй [8, с. 51; 9; 10]. Позиция В. П. Булдакова близка ранней евразийской социально-политической мысли, евразийцев следует отнести к русским умеренно правым. Близок к позиции В. П. Булдакова историк В. В. Зверев [11], который видит в ленинском большевизме продолжение народничества.

Задачами в настоящей работе выступают, согласно ее цели, анализ трудов идейных лидеров правого радикализма рубежа XIX–XX вв. в России на предмет видения ими

кризисов в прошлом и путей выхода из них в будущем, оценка отношения правых русских радикалов к центральной власти и, соответственно, выделение праворадикальных характеристик исторического периода начала правления Николая II. Мы акцентируем внимание на идейно-политических воззрениях основных фигур русского правого радикализма исследуемого периода.

Мы применяем следующие методы исследования: проблемно-хронологический, генетический и биографический.

Правый радикализм в России начала XX в. представляет собой феномен в том смысле, что его ядром стала русская интеллигенция, которая традиционно ассоциируется либо с либералами, либо с социал-демократией, во всяком случае, русская интеллигенция в массовом политическом сознании россиян, сформированном после 1917 г., никак не вписывается в формат ультраправых идеологических течений. Тем не менее социальный состав праворадикального движения в России был в значительной степени представлен гуманитарной интеллигенцией. В то же время правым радикалам начала XX в. нельзя отказать в революционности их идей и планов, только осуществлять они их намеревались без разрушения самого государственного механизма. В этой связи через анализ сведений о биографиях лидеров праворадикального движения в России можно понять причины формирования их философских и политических взглядов. Ближе к биографическому находится генетический метод в историческом познании, в данном случае нам важно проследить преемственность и связанность во взглядах различных представителей праворадикальной мысли в России рубежа XIX–XX вв.

Основные тенденции развития дореволюционного правого радикализма в России и концептуальные идеи С. Ф. Шарапова

Во второй половине XIX в. на Западе шел процесс формирования парламентской демократии, по поводу чего в России возникла дискуссия, которая во многом нашла отражение в трудах М. Н. Каткова [12, с. 371; 13], по поводу правого радикализма и бюрократического государства. По его мнению, бюрократия не могла выступать посредником между царем и народом, что особенно стало очевидно в ходе Великих реформ [12, с. 190].

Далее происходит интересный поворот в развитии русской праворадикальной идеологии: в мае 1882 г. министр внутренних дел и известный антисемит Н. П. Игнатьев предложил провести Земский собор (за это он лишился министерского портфеля), на котором представительствоваляли бы крестьяне, в ответ на убийство Александра II. Н. П. Игнатьев был вдохновлен письмом знаменитого мыслителя и славянофила Ивана Аксакова. У Н. П. Игнатьева был сильный оппонент – Константин Победоносцев, который в 1881 г. занял должность обер-прокурора Священного синода, на ней он проработает до 1905 г. Таким же противником соборности станет новый министр внутренних дел Дмитрий Толстой. Оба государственных деятеля будут во многом определять официальный консерватизм в Российской империи, этот тип консерватизма являлся противопоставлением государственному либерализму периода правления Александра II, который незадолго до своей гибели готовился предложить обществу проект конституции.

Русский правый радикализм в его независимой форме был отвергнут властью и в значительной степени маргинализировался. Тем не менее труды русских правых радикалов продолжали появляться и вызывать интерес общества, ярким примером

чему служат работы Сергея Федоровича Шарапова, участника Русского собрания, а затем и одного из организаторов Союза русского народа. По С. Ф. Шарапову, многие беды России начались с реформ Петра I, когда Россия утратила свою уникальную государственность, восприняв западную бюрократию. Разумеется, С. Ф. Шарапов критиковал и начавшийся с Петра I путь социально-экономического развития России [14, с. 589–596; 15]. Примечательно, что как неославянофил С. Шарапов сформировался и, соответственно, выступил с упомянутыми выше идеями после 1896 г., это стало прямым его интеллектуальным ответом на реформы С. Ю. Витте. В самом конце XIX в. С. Шарапов выступил с концептуальными идеями низкой социальной эффективности формировавшейся в России индустриальной системы. По его мнению, это выражалось в первую очередь в работе российского промышленного капитала, включая железнодорожный комплекс, на Запад, в результате чего прибыль получали западные общества. В этой связи С. Шарапов выступил за крестьянско-общинную хозяйственную систему, над которой стояла бы сильная монархия. То есть свобода русского народа виделась мыслителю в первую очередь в избавлении от гнета западного капитала, встроенного в российскую экономическую систему во многом стараниями С. Ю. Витте и всем его вестернизированным предшественникам во власти, включая Петра I.

В 1898 г. С. Ф. Шарапов выступил с идеей федерализации Российской империи, когда большинство русских правых радикалов выступали за укрепление централизма. После 1898 г. С. Ф. Шарапов публикует свои основные работы в форме литературных произведений-утопий, наиболее яркая из них была опубликована в 1902 г. под названием «Через полвека» [16].

С. Ф. Шарапов критиковал С. Ю. Витте за денежную реформу, главным пунктом которой был золотой стандарт [17, с. 130]. Как считал С. Ф. Шарапов, если Россия не избавится от золотых, или международных денег, то ее ожидает мрачное будущее – стать крупным должником и быть разоренной [Там же. С. 133]. Главной целью С. Ф. Шарапова как экономиста была разработка мер по выводу России из-под финансовой зависимости от Запада. Главным злом для России в этой связи С. Ф. Шарапов видел финансовые реформы Александра II, в результате которых государство в России утратило контроль над денежным обращением.

Либеральную теорию конкуренции (последнюю А. Смит и Д. Рикардо считали высшим благом для цивилизованного общества) С. Ф. Шарапов резко критиковал, обозначив конкуренцию как постоянную борьбу эгоизмов, которая изматывает общество. Именно конкуренция порождает борьбу социальных групп, классов и народов друг против друга, как считал С. Ф. Шарапов. В этой связи уместно вспомнить Великую депрессию как продукт слабо ограниченной конкуренции и ее последствия, которые отчасти стали причиной Второй мировой войны. Таким образом, по С. Ф. Шарапову, конкуренция провоцирует в людях пробуждение низменных диких эмоций, что ведет в итоге к распаду общества и к состоянию «войны всех против всех». России, по его мнению, такой путь должен быть противопоказан.

Идеи С. Ф. Шарапова отчасти перекликались с программными документами леворадикальной (на первый взгляд) организации Народная воля, два бывших ярких участника которой – Владимир Грингмут и Лев Тихомиров (бывший соратник П. Л. Лаврова) – стали к 1890 г. праворадикальными авторами. В 1888 г. Л. А. Тихомиров официально отрекся от революционных идей, получил помилование и незадолго после этого вернулся из политической эмиграции в Россию.

Против западных ценностей, С. Ю. Витте и революции

Нам более интересен Л. А. Тихомиров, так как в период революционных событий 1905–1907 гг. он выступал против партийной парламентской системы, предлагая заменить ее представительством гражданских групп (корпоративная модель парламентаризма). Затем совместно с П. А. Столыпиным Л. А. Тихомиров участвовал в разработке рабочего законодательства, процесс чего продолжился после гибели знаменитого российского реформатора.

Как пишет в предисловии к своей работе, подготовленной в середине 1890-х гг., Л. А. Тихомиров, идея демократии привела к парламентаризму, а затем и к распространению в западных обществах социалистических идей [18, с. 3]. В конце предисловия к упомянутой выше книге Л. А. Тихомиров формулирует одно из своих основных положений: «Правильное и гармоническое сочетание в государстве основных элементов власти, без сомнения, составляет залог полноты жизни государства. Но дело в том, что наше время именно менее всего думает о таком сочетании. Сверх того, позволю себе остаться при убеждении, что сочетание монархического, аристократического и демократического элементов никак не может быть производимо собственно в верховной власти, которая, по существу, может быть только едина и нераздельна. Это сочетание возможно лишь в организации управления, а потому наиболее достижимо, полагаю, именно при неограниченной монархии как такой форме верховной власти, которая допускает наиболее спокойное искание общественного блага при наибольшей свободе от эгоистических стремлений тех или иных классов народа» [18, с. 7].

Источником бед в историко-географическом пространстве Л. А. Тихомиров видит французское интеллектуальное либерально-демократическое движение конца XVIII в. [Там же. С. 11–12], которое опиралось на концепцию естественного права, на базе чего и возникла концептуальная идея всеобщего равенства – основной постулат Великой французской буржуазной революции. Таким образом, исторический горизонт кризиса не самой России, но христианских обществ в целом Л. А. Тихомиров отодвинул далеко от границ России на Запад и – на примерно сто лет. Однако этот кризис, по Л. А. Тихомирову, стал развиваться в направлении ухода от идеалов XVIII века в сторону социального демократизма, который готов был перейти в анархизм [Там же. С. 14].

Идеалы порочного, в понимании Л. А. Тихомирова, XVIII в. (события во Франции конца этого века он переносит почему-то на всю Европу XVIII столетия) базировались, как и само христианство, на вере, в рамках новой веры отрицался только духовный мир. Нельзя не согласиться с Л. А. Тихомировым, что понятие «народной воли» является метафизическим [Там же], очень напоминающим библейскую волю Бога. Мыслитель считает западный индивидуализм порождением социально-философской мысли Европы XVIII в., ассоциируя индивидуализм с атеизмом и рассматривая его как деструктивное явление, ведущее к распаду общества на базе роста отчужденности индивида от общества.

Суть интеллектуальной революции XVIII в. Л. А. Тихомиров видит в создании для индивидов такой установки к деятельности, как стремление к постоянному совершенствованию, что в итоге ведет к перманентной революции, как утверждал И. Аксаков. В этом смысле общество XVIII–XIX вв. является, по Л. А. Тихомирову, уникальным, и Запад этого периода совершенно не похож на античность, откуда европейцы заимствовали демократию, античный человек был консервативен, по Л. А. Тихомирову, он не стремился ничего кардинально менять [Там же. С. 20]. И далее Л. А. Тихомиров

противоречит сам себе, утверждая, что в конце XVIII в. на Западе была предпринята попытка построить новое общество, но она не удалась, так как принципы Просвещения на практике стали плохо работать, поэтому общество вернулось к старому состоянию [Там же. С. 21]. Отсюда можно сделать вывод, что нет никакой перманентной революции, которую приписывал Западу И. Аксаков.

Далее Л. А. Тихомиров в своей отрицании партийной системы опирается на слова Ж.-Ж. Руссо [Там же. С. 22], который тоже выступал против политических объединений, которые нарушают волю народа, но в то же время именно Ж.-Ж. Руссо был одним из самых главных инициаторов интеллектуальной революции XVIII в. Л. А. Тихомиров, отталкиваясь от политологических идей Ж.-Ж. Руссо, высказывает идею, что воли партий подменяют народную волю, и здесь мыслитель снова винит Великую французскую буржуазную революцию, которая заменила волю народа частной волей, то есть интересами политических партий, выросших из самой структуры Конвента [Там же]. В ходе рассуждений Л. А. Тихомирова четко прослеживается идея – отгородить Россию от западных парламентаризма и системы ценностей в целом, инструментом к чему он видел русский монархический строй.

Если Л. А. Тихомиров теоретизировал русский правый радикализм, отталкиваясь от негативного, на его взгляд, опыта Запада, то Владимир Андреевич Грингмут больше интересовался практикой и вопросами русской истории, являясь при этом профессиональным историком и филологом. В. А. Грингмут выступил основателем Русской монархической партии (образована 24 апреля 1905 г.), он считается одним из основателей черносотенного движения. В. А. Грингмут – политик необычной судьбы: он вырос в лютеранской немецкой семье, начал карьеру как преподаватель древнегреческого языка, православие принял в 1878 г., подданство – в 1876 г. Где-то на рубеже 1860–1870 гг. В. А. Грингмут познакомился с М. Н. Катковым, последний, несомненно, оказал на него сильное влияние. Считается, что правым радикалом В. А. Грингмут стал под влиянием революционных событий января 1905 г. Но обвинения С. Ю. Витте в провокации своей экономической политикой социальных кризисных процессов в российском обществе указывают на генетическую связь воззрений В. А. Грингмута с негосударственными течениями правых радикалов. Важной особенностью личности В. А. Грингмута была сильная религиозность (нетипичная даже для подавляющего большинства русских верующих интеллектуалов того времени), которая особо стала явной, когда он занял должность директора Лицея Цесаревича Николая в 1894 году.

Идеалом из числа современников был для В. А. Грингмута Александр III, которого он считал истинно русским императором [19, с. 20]. Здесь очевиден примат личности в истории, что характерно для многих консерваторов. Но, что отрывает В. А. Грингмута от старой правой радикальной традиции, он категорически отказывается отождествлять реформы Петра I с вестернизацией России и с либерализмом, утверждая вполне справедливо, что, так как Петр Великий не демонтировал самодержавие, то и такое отождествление неверно [Там же. С. 22]. В. А. Грингмуту не нравилось в российских либералах их стремление перенести в Россию политическую нестабильность [Там же. С. 23], вытекающую из самого порядка устройства европейских обществ.

Рассуждая о сущности политики Петра I, В. А. Грингмут впадает в противоречие, он пишет, сравнивая Петра Великого с Екатериной II: «Заслуга Екатерины Великой пред Россией заключается в том, что она сама, всей душой и всем умом проникшись не только государственным, но и национальным величием своего второго отечества, заставила, вместе с тем, и Европу преклониться пред этим величием и возбудила в своих подданных государственное и национальное самосознание, как необходимое условие

для существования и развития великого народа. Этим самосознанием был в свое время преисполнен и Петр Великий. Но он в России был почти одинок. Он собрал вокруг себя лишь небольшую, сравнительно, стаю птенцов, которым сообщил свою пламенную веру в великое мировое призвание России. Все почти остальные его подданные относились более или менее скептически к его великим преобразованиям, а Европа смотрела на него как на исторический курьез, как на баловня судьбы, со смертью которого Россия, забыв об его новшествах, снова вернется к своему прежнему, внеевропейскому существованию [Там же. С. 24]». Получается, что Петр I был истинно русский монарх, но понимало его меньшинство, то есть его преобразования шли вопреки воле большинства.

В. А. Грингмут четко выводит континуитет в развитии России от киевских князей до практически его времени, не видя сильных разрывов, и этот разрыв наступил при С. Ю. Витте, который усугубил, по В. А. Грингмуту, положение России, убедив Николая II выпустить Манифест 17 октября [Там же. С. 12]. Следующий, не менее тяжелый упрек В. А. Грингмута в адрес С. Ю. Витте – это «церковный переворот», то есть ослабление ограничений прав неправославных в России [Там же. С. 149]. Третье обвинение в адрес С. Ю. Витте – реформы образования, разрушившие, по мнению В. А. Грингмута, русскую школу. Почему? В. А. Грингмут считал, что правом на открытие частных школ воспользуются евреи, в руки которых попадет российское образование [Там же. С. 217]. Далее в этой связи В. А. Грингмут называет С. Ю. Витте ставленником масонов и евреев [Там же. С. 218]. Таким образом, по В. А. Грингмуту, причины леворадикального оппозиционного движения и революции не экономические по своей сути. Тем не менее В. А. Грингмут признает необходимость усовершенствования рабочего и крестьянского законодательства, соответственно, социально-экономические проблемы России и ее потребность в реформах им не отрицаются [Там же. С. 368–369]. В частности, В. А. Грингмут отмечал острую проблему малоземелья крестьянства [Там же. С. 372]. В этой связи он предлагает улучшения в сфере землепользования (мера, предлагавшаяся земством еще задолго до революции 1905 года), далее – переселение на Восток [Там же. С. 373] (инструмент, известный в Российской империи еще со времен Екатерины II). Не будучи экономистом, В. А. Грингмут все-таки понимал, почему вторая мера по борьбе с малоземельем плохо работала, основанные в периферийных регионах крестьянские хозяйства продолжали оставаться малоземельными и нетоварными в большинстве своем из-за дефицита у крестьян капитала и мотивов к созданию крупных хозяйств [Там же. С. 374]. В этой связи В. А. Грингмут предложил переселять на Восток также и помещиков.

Интересны рассуждения В. А. Грингмута, которые он делает от имени Русской монархической партии, о пути российской экономической политики и причинах кризиса российской экономики, который предшествовал революции 1905 года. 70 % населения страны было занято в сельском хозяйстве, которое оказалось перед началом XX в. в сильной зависимости от мирового рынка зерна, цены на зерновые за рубежом стали падать, что привело к затяжным кризисным процессам в аграрном секторе Российской империи. Возникший в результате данных процессов дефицит капитала на селе привел к застою в аграрном развитии России, что в итоге спровоцировало серию неурожаев [Там же. С. 375]. В этой связи В. А. Грингмут счел необходимым прямое вмешательство государства в экономику сельского хозяйства, к которому оно, по его мнению, пренебрежительно относилось из-за ориентации экономической политики на развитие промышленности.

В промышленной политике государства В. А. Грингмут в духе Фридриха Листа призывал к усиленному интернационализму, вплоть до искусственного создания новых отраслей [Там же. С. 376]. Далее В. А. Грингмут считал необходимым создание специальных банков для кредитования промышленности [Там же]. Узость кредитования промышленности, по В. А. Грингмуту, сильно ударила по малым и средним предприятиям [Там же]. Таким образом, В. А. Грингмут признавал, что Россия пришла в XX в. хозяйственно не обустроенной, реформы С. Ю. Витте только способствовали раскрепощению революционных сил, но не содействовали ее оздоровлению на фоне роста государственных расходов и, соответственно, налогообложения простых россиян, что В. А. Грингмут считал экономическим бедствием для России [Там же. С. 376–377]. То есть, период С. Ю. Витте и немного до него и уже после него и есть то безвременье, из которого России надлежало выходить посредством применения в государственной политике методик Петра I и Екатерины II.

Ярким участником праворадикального движения в России был Павел Федорович Буланцель, по профессии юрист, он работал адвокатом, явился одним из основателей Союза русского народа (СРН) и занимал должность редактора центрального печатного органа СРН – газеты «Русское знамя».

По П. Ф. Буланцелю, политика С. Ю. Витте носила характер, ущемлявший права русских [20, с. 35–38]. Манифест 17 октября 1905 г. П. Ф. Буланцель считал разрушительным для самодержавия и России актом [Там же. С. 37]. По мнению П. Ф. Буланцеля, в основе мотивов социал-демократов лежал развал государства с целью личного обогащения.

У П. Ф. Буланцеля были конкретные претензии к правительству С. Ю. Витте. Во-первых, это слишком долгое судопроизводство, по финансовым искам истцам приходилось, как он пишет, дожидаться результатов по 5–6 лет [Там же. С. 40]. Во-вторых, циркуляр Министерства юстиции, что нельзя привлекать к уголовной ответственности организаторов стачек, что противоречило законодательству Российской империи, спровоцировал усиление революционного движения [Там же. С. 41], по сути, здесь П. Ф. Буланцель напрямую обвиняет либерализм С. Ю. Витте в развитии революции 1905 года. И самого С. Ю. Витте П. Ф. Буланцель считал ставленником американских банкиров.

П. Ф. Буланцель выступал категорически против парламентской демократии и демократии в целом, опираясь при этом на английского историка Маколея, который высказал такое мнение в пересказе П. Ф. Буланцеля, что «всеобщая равная подача голов – величайшее зло, так как в каждом государстве больше недовольных дурных и глупых людей, чем довольных, умных и добрых, а поэтому, предоставляя всем без разбора право голоса, отдают судьбу государства в руки необразованного, глупого и порочного большинства [Там же. С. 48].

Наиболее полно причины своего негативного отношения к демократии П. Ф. Буланцеля отражены в следующей его цитате: «Зачем Европа нам хочет навязать свою форму правления, благодаря которой гниет и разваливается австро-венгерская монархия Габсбургов? Из любви к нам? Из желания облагодетельствовать наш русский народ? Какая наивность! Да неужели русские люди все еще не понимают, что вся эта революционная вакханалия нужна для того, чтобы вырвать у Царя конституцию, при которой всякие Ротшильды могли бы печатать у нас в России свои бумажные деньги, как они печатают их в Австрии [Там же. С. 50]». Таким образом, П. Ф. Буланцель считал демократию и демократические революции инструментом в руках интернационального капитала, примерно так буржуазную демократию представляли и большевики.

Другим достаточно интересным автором в рамках русской праворадикальной мысли был Андрей Сергеевич Вязигин, историк, руководитель фракции правых в III Государственной Думе. Как и практически все правые радикалы того времени, А. С. Вязигин считал С. Ю. Витте «злым гением», спровоцировавшим революционный процесс. А. С. Вязигин вполне справедливо считал, что С. Ю. Витте не знал и не мог знать мнения большинства русского народа, но от имени большинства проводил в жизнь свои реформы [21, с. 274].

Наиболее четко А. С. Вязигин выразил свое отношение к административной реформе С. Ю. Витте в следующих словах: ««На наших глазах происходит не освященное народным желанием преобразование России, а чисто бюрократический переворот, по свидетельству даже его виновника, не имеющий корней в народном сознании... Тяжкие испытания надвигаются благодаря этому на наше Отечество, и не общим ликованием, спутником удовлетворения чаяний подлинного большинства, а ужасами погромов, избиений, вооруженных столкновений ответила страна на первые шаги нового правительства, которое вынуждено было при содействии Св. Синода объяснять народу, что он уже «созрел и достоин свободы мужа»» [Там же. С. 275].

А. С. Вязигин считал, что демократия в России невозможна в силу уже такого фактора, как безграмотность 81 % населения, при таком условии развитие политической системы по западному пути неминуемо должно было привести, по его мнению, к смуте [Там же. С. 287].

Как и все правые радикалы, А. С. Вязигин видел вывод России из затяжного экономического кризиса в помощи крестьянству, в первую очередь это касалось наделения земель из государственного фонда малоземельных крестьян. Однако, помимо этого, он предлагал обеспечить новых поселенцев средствами производства на льготных условиях [Там же. С. 284]. А. С. Вязигин предложил также такой программный пункт оздоровления российской экономики, как обобществление природных богатств, а также ограничение доступа к ним иностранцев. Если брать во внимание и другие программные пункты в экономической сфере, предложенные А. С. Вязигиным, то его идеи по оздоровлению народного хозяйства России напоминают дирижизм во Франции незадолго до Второй мировой войны, разумеется, между ними нет прямой связи, но эти идеи, как говорится, витали в воздухе еще до Первой мировой войны. Для нас важно и другое: А. С. Вязигин считал экономику России начала XX в. больной.

Заключение

Русский правый радикализм прошел сложный путь от утопий С. Ф. Шарапова к вполне вписывавшимся в современные политические идеологические схемы идеям, которые в экономической части напоминают французский дирижизм 1930-х гг. Если левые радикалы видели выход из кризиса и отставания России в сломе всего государственного механизма, то правые радикалы считали необходимым вернуться к старой, существовавшей до С. Ю. Витте модели государственной политики. При этом правые радикалы признавали факт отставания России, однако оно не ассоциировалось у них строго с хроническим дисбалансом в народном хозяйстве в пользу сельского хозяйства, последнее они видели основой экономики.

Таким образом, реформы С. Ю. Витте разрезали российский исторический процесс на «до» и «после», второе виделось правым радикалам в мрачном свете, если правительство не остановило бы либерализацию общества и экономики. Политика С. Ю. Витте, по мнению правых радикалов, была направлена на усиление зависимости

России от иностранного капитала, в этом смысле русских правых радикалов можно считать первыми в нашей стране антиглобалистами, так как торжество рыночной экономики на Западе и за его пределами рассматривалось ими в качестве инструмента подчинения народов интернациональному капиталу, центры которого находились в Англии и США. В этом смысле и парламентская демократия, основанная на многопартийности, тоже являлась одним из инструментов в руках англо-американского капитала.

Правые радикалы верили в народ, который, по их мнению, должен был одуматься и выступить против революционеров. Но практически до начала 1905 г. праворадикальная интеллигенция была замкнута в себе, не выходя за пределы своих кружков. Здесь содержится главное уже практическое противоречие данного движения в российской политике до 1917 года, что объясняет и резкое снижение популярности его идей после Февральской революции, не говоря уже о времени Октябрьской революции. В этой связи вполне понятно, что В. А. Грингмут, будучи оторванным в силу ряда социальных причин от народа, возлагал надежды больше на монархию, чем на русских крестьян и рабочих, то же самое касается и других представителей правого радикального движения. Вполне понятно также, почему многие из них, в отличие от утописта С. Ф. Шарапова, считали эпоху Петра I великим временем, позитивным образом преобразовавшим Россию, эта часть русской гуманитарной интеллигенции была органически связана с идеалами России XVIII в. и начала XIX в.

В работах правых радикалов содержится одно важное противоречие: они признают монархию самой совершенной моделью государственного устройства, но в то же время признают, обращаясь к примеру Николая II, что самодержец способен допускать серьезные ошибки, ведущие к разрушению самого монархического строя, особенно это касается ситуации с Манифестом 17 октября 1905 года. В этой связи правые радикалы предлагали фактически ограничить власть императора совещательным органом, состоящим из лучших людей, то есть из консерваторов.

Второе крупное противоречие, содержащееся в теориях правых радикалов, выросло из славянофильства, это указание на позитивность, по сравнению с Западом, пути развития России, начиная с киевских князей, но при этом ультраправыми в начале XX в. признавался факт отставания России, которое вытекало отчасти из установившейся во время Великих реформ зависимости России от иностранного капитала. Финансовая зависимость от Запада возникла, очевидно, до Николая II, что понимали и неославянофилы, но, несмотря на это, продолжали идеализировать Александра III, как и всю русскую монархию. В этой связи праворадикальное движение фактически предлагало революцию, только националистическую, при сохранении зависимого от них института императорской власти, и здесь это политическое движение немало напоминает японских ультраправых.

Ссылки / References

1. [Куприянов В. А. Идея революции в русском и западном классическом либерализме // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 266–268.](#)
2. [Лукьянов М. Н. Российская радикальная правая накануне Первой мировой войны глазами британского историка: заметки на полях книги Джорджа Джилберта «Радикальная правая в позднимперской России: мечты о подлинном отечестве?» // Вестник Пермского университета. 2018. История. Выпуск 3 \(42\). С. 135–140.](#)

3. Возилов В. В. «Левый» и «правый» радикализм в идеософии и практике русской интеллигенции в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 22–24.
4. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / А. Л. Золкин, П. П. Марченя, С. Р. Аблеев, С. И. Кузьминская. М.: ИПЛ, 2017. 212 с.
5. Мультатули П. В. Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: АСТ, 2012. 443 с.
6. Мультатули П. В. Николай II. Дорога на Голгофу. М.: АСТ. Астрель, 2010. 637 с.
7. Litvin A., Keep J. Stalinism. Russian and Western views at the turn of the millennium. London: Routledge, 2005. 248 p.
8. Булдаков В. П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42–60.
9. Булдаков В. П. Октябрь и XX век // Международная жизнь. 1997. № 11. С. 72–88.
10. Булдаков В. П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2. С. 3–24.
11. Зверев В. В. Ленин: социализм, народники и мировая революция // Российская история. 2020. № 2. С. 31–34.
12. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1897. 841 с.
13. Измestьева Г. П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 71–92.
14. Черная сотня. Историческая энциклопедия / Под ред. О. А. Платонова. М.: Крафт+, 2008. 640 с.
15. Суслов М. Д. Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 56–65.
16. Шарапов С. Ф. Через полвека // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова [сайт]: URL: http://az.lib.ru/s/sharapow_s_f/ (дата обращения: 27.07.2021).
17. Шарапов С. Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 740 с.
18. Тихомиров Л. А. Демократия либеральная и социальная. М.: Ленанд, 2019. 200 с.
19. Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А. Д. Степанов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 544 с.
20. Булацель П. Ф. Борьба за правду / Сост., предисл., комментарии Д. И. Стогова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 704 с.
21. Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма / Сост. и комментарии А. Каплина и А. Степанова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 400 с.

The overview of the technological approach to the colour revolution studies in the Russian political science

I. A. Mamzelev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-240-255

Research Article
Full text in Russian

The article represents a review of the technological approach to the phenomenon of colour revolutions that is prevalent in the modern Russian political science. The research identifies and critically examines key points of the technological approach: absence of valuable social reasons for colour revolutions, coup d'etat as combination of political technologies, manipulative nature of non-violent protest, inspiration of revolutionary process by concealed actors, anti-Russia orientation of colour revolutions. In the author's opinion, the technological approach can be useful for studies of political technologies applied by participants of the revolutionary confrontation. At the same time, a number of statements made by representatives of the technological approach, such as possibility of colour revolutions without social factors or anti-Russia vector of colour revolutions, don't seem well-grounded. Election to the key political posts that determines further state development is a sufficient factor of colour revolutions, as it provokes politicization of the masses, competition of the regime and opposition, as well as wide media coverage of the political processes. The article also provides other approaches, such as common theory of revolution, theory of patronal presidentialism, studies of foreign influence. The author makes a conclusion of the necessity and efficiency of using analytical tools, proposed in various theories, both for educational and research purposes.

Keywords: colour revolutions; political technologies; socio-political crisis; theory of revolution; democratic transition; patronal presidentialism; revolutionary wave

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mamzelev, Iliya A. | E-mail: mamzel1207@mail.ru
| Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

For citation: Mamzelev I. A. The overview of the technological approach to the colour revolution studies in the Russian political science // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2021. Vol. 7, No 3. P. 240-255. (in Russ.)

Обзор технологического подхода к изучению «цветных революций» в отечественной политической науке

И. А. Мамзелев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-240-255
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлен обзор технологического подхода, получившего популярность в отечественной политологии, применительно к изучению феномена «цветных революций». Указываются и критически рассматриваются основные тезисы данного подхода: отсутствие значимых причин для «цветных революций», государственный переворот как комплекс политических технологий, ненасильственный протест как манипуляция, наличие скрытых инициаторов, антироссийская направленность. По мнению автора, технологический подход может быть полезен для изучения политических технологий, применяемых участниками революционного противостояния. При этом ряд утверждений представителей технологического подхода, таких как возможность проведения «цветных революций» в отсутствие социальных причин и антироссийский вектор «цветных революций», не представляется обоснованным. Достаточным основанием «цветных революций» являются выборы на ключевые политические должности, определяющие дальнейшее развитие страны, что обуславливает политизацию масс, конкуренцию режима и оппозиции, а также широкое освещение политических процессов в СМИ. В статье приводятся и другие подходы к изучению «цветных революций»: общая теория революции, теория демократического транзита, теория патрональных режимов, исследования внешнего влияния. Автор приходит к выводу о необходимости и продуктивности использования аналитических инструментов, предложенных в рамках различных теорий, как для образовательных, так и для исследовательских целей.

Ключевые слова: цветная революция; политическая технология; социально-политический кризис; теория революции; демократический транзит; патрональный президентский режим; революционная волна

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мамзелев, Илья Александрович
(автор для корреспонденции)

E-mail: mamzel1207@mail.ru
Кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий

Для цитирования: Мамзелев И. А. Обзор технологического подхода к изучению «цветных революций» в отечественной политической науке // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 240-255.

«Цветные революции» – нередкие составляющие политических процессов в разных странах с конца XX века. Их специфика как «революций с прилагательным» проявляется в том, что часто они имеют ненасильственный характер и происходят после выборов либо связаны с социально значимыми событиями, такими как приостановка подготовки соглашения об ассоциации с Евросоюзом, приведшая к Евромайдану на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг.

Необходимо отдавать отчет в том, что понятие «цветные революции» носит прежде всего публицистический характер и появилось, скорее всего, благодаря журналистам, стремящимся привлечь внимание публики броским заголовком. Не существует единого и общепризнанного реестра «цветных революций», не имеется консенсуса в отношении того, какое явление обозначается данным понятием. Чаще всего к «цветным революциям» относят события в Сербии в 2003 г., Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 и 2014 гг., в Киргизии в 2005 г., протесты в Белоруссии в 2006 и 2010 гг., «белоленточное движение» в России в 2011–2012 гг., а также «арабскую весну» в 2011 г. Очевидно, что недавние события в Армении 2018 г., Киргизии 2020 г. и продолжающееся движение в Белоруссии также можно отнести к данному ряду. Некоторые исследователи начинают историю «цветных революций» с событий на Филиппинах в 1986 г., когда ненасильственное протестное движение привело к отставке президента Фердинанда Маркоса, правившего страной с 1965 года [1, с. 147].

Революции, в том числе «цветные», как масштабные социальные процессы, затрагивающие общество и способные привести к радикальным политическим изменениям, отнюдь не всегда положительным, закономерно привлекают внимание как простых обывателей, так и специалистов. Социальные революции достаточно подробно изучены в политической науке. «Цветные революции» в связи с относительной новизной явления изучены чуть хуже, но к ним не утрачивается исследовательский интерес.

Целью данной статьи является рассмотрение и критика подхода, представленного не только в публицистике, но и в отечественной научной литературе по политологии. Считаю возможным определить данный подход как технологический, поскольку он интерпретирует «цветную революцию» как целенаправленно сконструированную и воспроизводимую в различных условиях технологию по захвату государственной власти. Для объективности обсуждения также кратко рассмотрим другие подходы, используемые при исследовании данного явления.

Определения революции и «цветной революции»

Определение революции, данное С. Хантингтоном, гласит, что это «быстрая, фундаментальная и насильственная смена доминирующих ценностей и мифов в обществе, в политических институтах, социальных структурах, лидерстве и политике государства» [2, с. 185]. Дж. Голдстоун предлагает другое определение: «революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [1, с. 15]. В обоих случаях отмечается насильственный характер революции. «Цветные революции», напротив, часто включают подчеркнута ненасильственные движения.

Если говорить о «цветных революциях», то их определение должно подчеркнуть специфику данных социальных движений. Дж. Голдстоун говорит о «цветных революциях» как о «демократических», или «электоральных», массовых протестных движениях [Там же. С. 147]. Один из первых исследователей «цветных революций» М. Макфол

в своей публикации «Пути перехода от посткоммунизма» не употребляет данное понятие, предпочитая вместо него использовать сочетание «демократический прорыв» [3]. Отечественный специалист О. Г. Харитоновна определяет «цветные революции» как пост-электоральные широкие движения оппозиции, направленные на восстановление провозглашенных режимом институциональных основ демократии, нарушенных в ходе выборов [2, с. 184].

Действительно, именно выборы на ключевые должности чаще всего представляют оптимальную институциональную конструкцию, способствующую возникновению «цветных революций»: она не только вовлекает основные политические силы с оформленными программами дальнейшего развития страны, но и мобилизует массы, а также создает лакуны в легитимности власть предержащих, когда политический статус избранных должностных лиц в основном зависит от поддержки избирателей и соблюдения процедур.

Напрашивается сходство «бархатных революций» в посткоммунистических странах в конце 1980-х – начале 1990-х годов и «цветных революций». И те, и другие имели относительно мирный, бескровный характер, но если первые привели к установлению демократических режимов и проведению либеральных экономических реформ, то вторые осуществлялись в условиях разочарования в успешности перехода к демократии, реставрации авторитарных порядков и расцвета патримониализма.

Научная разработанность темы

Как уже было упомянуто, одним из первых обратился к изучению «цветных революций» М. Макфол. Он выделяет 7 факторов, способствующих появлению и успеху «демократических прорывов» [3]:

- 1) полуавторитарный политический режим;
- 2) непопулярный инкумбент;
- 3) объединенная и организованная оппозиция;
- 4) возможность оперативно выявить фальсификации результатов голосования;
- 5) наличие независимых СМИ для информирования граждан о фальсификациях;
- 6) способность политической оппозиции мобилизовать на протест широкие массы;
- 7) раскол среди силовой опоры режима.

Обзор зарубежных и отечественных подходов к изучению «цветных революций» был сделан Н. А. Цветковой [4]. Как указывает исследователь, если для зарубежных концепций характерны мотивы ненасильственного сопротивления и демократизации режима, то для отечественных – темы внешнего вмешательства и демонтажа государственной системы. Важным отличием взгляда отечественного исследователя на проблему от зарубежного является восприятие «цветных революций» как угрозы в той или иной степени, прежде всего для России.

«Цветные революции» с точки зрения теорий демократизации рассмотрены О. Г. Харитоновой [2]. Как и Н. А. Цветкова, она выделяет:

– теорию демократического транзита, в рамках которой «цветные революции» выступают как метод перехода к демократическому режиму (Г. О’Доннелл, Ф. Шмиттер, С. Хантингтон и др.);

– теорию ненасильственных действий, рассматривающую «цветные революции» с точки зрения способов и средств ведения конфликта (Дж. Шарп, П. Аккерман, К. Шок и др.);

– структурный подход, изучающий объективные условия и структурные факторы «цветных революций»;

– процедурный подход, для представителей которого «цветные революции» являются результатом взаимодействия ключевых акторов социального процесса (оба подхода представлены в работах В. Банс, Ш. Уолчик, Г. Хейла, Л. Уэй, А. Пшеворски и др.);

– исследование внешних факторов «цветных революций» (В. Банс, Ш. Уолчик, С. Левицки, Л. Уэй и др.).

Убедительную попытку объединения подходов к изучению революций, в том числе тех, что произошли на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI веков, предпринимает Н. С. Розов [5]. Он строит динамическую модель революций, рассматривая механизмы и закономерности их развития. Среди факторов революционных процессов в постсоветских странах, помимо неспособности режима сохранить контроль над ситуацией и предотвратить формирование широкой оппозиционной коалиции, отмечается кризис клиент-патронажной сети: ослабляется гегемония властного центра, усиливается раскол элитных групп в борьбе за ренту; размывается важнейшее для режима отношение между властью и аутсайдерами (массами), позволяющее власти сохранять за собой ресурсы и статусы и не допускать к ним массы.

Таким образом, изучение «цветных революций» в современной политической науке характеризуется многообразием подходов. Вместе с тем с подачи консервативной публицистики в отечественную политологию и официальные нормативные документы попадает подход, который мы назовем технологическим.

Технологический подход к изучению «цветных революций» в отечественной политологии

Согласно данному подходу, «цветные революции» являются не «настоящими» революциями, а технологиями государственных переворотов, используемыми США для приведения к власти подконтрольных правителей, достижения глобального господства и, в конечном счете, смены власти в России. Несмотря на конспирологические нотки приведенных утверждений, технологический подход нашел свое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683: в данном документе инспирирование «цветных революций» рассматривается как одна из основных угроз государственной и общественной безопасности¹. Кроме того, рассмотрение «цветных революций» как технологии по смене власти наблюдается в учебниках, таких как «Социальные технологии» под редакцией И. Б. Орловой [6] и «Политический менеджмент. Коммуникативные технологии» С. В. Чуева [7].

Рассмотрим более подробно основные тезисы технологического подхода.

Общим местом для многих публикаций отечественных авторов является рассмотрение «цветных революций» как технологического проекта по захвату власти.

По мнению профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. В. Манойло, «цветная революция» – это технология организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которой давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное молодежное движение. [8, с. 25].

¹О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 17.01.2021).

Профессор МГИМО Е. Г. Пономарева предлагает следующее определение «цветных революций»: это государственный переворот, осуществленный с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы, силами «цветного» движения, как правило, в интересах и при непосредственном доминирующем участии в планировании, организации и финансировании со стороны иностранного государства, группы иностранных государств, общественных и коммерческих организаций [9].

Профессор Уральского федерального университета А. А. Керимов, рассматривая основные концепции «цветных революций» в отечественной политологии, заключает, что «цветные революции» «представляют собой целый спектр управляемых политических процессов и технологий, которые инициируются и внедряются извне иностранными или транснациональными заказчиками» [10, с. 7].

Далее рассмотрим основные содержательные черты технологического подхода к изучению «цветных революций» в российской политологии.

1. Отказ признать наличие действительно значимых причин для массовых протестов, являющихся движущей силой «цветных революций». Наличие таких причин отрицается, либо их значение преуменьшается. На примере украинских событий конца 2013 – начала 2014 г. А. В. Манойло говорит об «искусственно созданной политической нестабильности» [8, с. 25]. Е. Г. Пономарева обращает внимание на то, что в случае с «цветными революциями» революционная ситуация, характерная для «классических» революций, отсутствует; правда, далее специалист признает, что «для успеха «цветных революций» необходим все-таки момент наибольших трудностей» [9].

Вместе с тем в каждом случае «цветной революции» в качестве триггера мы видим событие, которое привлекает внимание значительной части граждан и порождает повышенные ожидания; от результата данного события во многом зависит дальнейшее формирование политического курса. Это выборы президента страны («бульдозерная революция» в Сербии в 2000 г., «оранжевая революция» на Украине в 2004 г., события в Белоруссии в 2006, 2010 и 2020 гг.), выборы депутатов национального законодательного собрания («революция роз» в Грузии в 2003 г., протесты в Киргизии в 2005 и 2020 гг., белоленточное движение в России с конца 2011 года в знак протеста против нарушений на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ), определение внешнеполитической ориентации страны (киевский Евромайдан в 2013–2014 гг.), нарушение президентом страны ранее данного им обещания не баллотироваться на ключевой политический пост («бархатная революция» в Армении в 2018 г.). В большинстве этих случаев события были подкреплены длительным недовольством государственной политикой как со стороны рядовых граждан, так и со стороны части политических элит и неверием в нормальную работу политических институтов, призванных обеспечивать беспристрастность и объективность процессов передачи власти и ограничивать злоупотребления.

С учетом вышесказанного следует согласиться с Н. С. Розовым, который считает революцию возможным, но не обязательным следствием социально-политического кризиса, складывающегося из совокупности структурных факторов, неудачных ответов политической системы на поставленные вызовы и событий-триггеров, активизирующих развитие революционных процессов [5, с. 102]. Несмотря на все различия в трактовке социально-политического кризиса, он невозможен без утраты режимом легитимности в глазах широких слоев населения и части элит. Социально-политический кризис может не перерасти в массовые протесты, и это возможно как путем «закручивания гаек» (нарастания авторитарных тенденций, препятствования оппозиционной деятельности, сворачивания гражданских свобод), так и путем гибкого политического курса.

Превращение кризиса в революцию – процесс, зависящий от ряда факторов. Представитель исторической макросоциологии Дж. Голдстоун выделяет пять структурных и процедурных условий возникновения революций:

1) проблемы в экономической и фискальной сферах, приводящие к непопулярным решениям власти, а также снижающие доходы широких слоев;

2) растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит, в результате чего часть элит может воспользоваться массовым недовольством, чтобы оказать давление на режим;

3) революционная мобилизация вследствие невозможности сохранять прежний образ жизни по не зависящим от людей обстоятельствам;

4) идеология, которая обосновывает требования справедливости со стороны элит и масс и обосновывает сопротивление режиму;

5) благоприятная международная обстановка, которая выражается в поддержке оппозиции [1, с. 30–35].

Наличие и действие факторов, обуславливающих возникновение революционных процессов, не всегда очевидно, что приводит к феномену «парадокса революций», когда начало и развитие волнений оказывается неожиданным для всех [Там же. С. 36–37].

Н. С. Розов, опираясь на модель функциональной причинности по А. Стинчкомбу, подробно исследует динамику революционных процессов. Согласно построениям Н. С. Розова, активность обеспечивающей структуры (в рассматриваемом случае – политического режима) по поддержанию некоей целевой переменной (стабильности системы, политической легитимности, общественного согласия, массовой уверенности в компетентности режима) сопровождается определенными издержками (расходом ресурсов). С ростом активности обеспечивающей структуры, появлением дополнительных действующих факторов растет напряжение. До определенных пределов рост напряжения не заметен и не отражается на целевой переменной. Однако с превышением пределов (резерва стабильности) напряжение прорывается, происходит обрушение стабильности системы [5, с. 107–110]. По мнению Н. С. Розова, момент «переключения» можно фиксировать по изменению общественной реакции на усилия режима, что подтверждает нашу мысль о кризисе легитимности действующей власти как ключевом элементе социально-политического кризиса.

Таким образом, внезапность революций в целом и «цветных революций» в частности не обязательно свидетельствует об искусственном характере данных социальных процессов. «Цветные революции» имеют те же основания, что и революции в целом: некомпетентность и недостаточная легитимность режима, раскол элит, политизация масс. Особенности «цветных революций» объясняются, прежде всего, конфигурацией политических институтов, социальных норм и сложившихся обстоятельств, а не хитроумной комбинацией.

2. «Цветные революции» – это комплекс политических технологий. Согласно рассматриваемому подходу, применение современных сетевых технологий и информационных манипулятивных технологий позволяет в короткие сроки, с минимальными затратами и без существенных на то предпосылок мобилизовать активные общественные силы на государственный переворот. В учебнике И. Б. Орловой отдельная глава посвящена анализу «цветной революции» как социальной технологии, «включающей разработку и последовательную реализацию научно обоснованных и скоординированных между собой этапов и соответствующих им операций и процедур для осуществления государственного переворота с целью достижения политической переориентации страны»

[6, с. 128–147]. В пособии С. В. Чуева «Политический менеджмент. Коммуникативные технологии» перечисляется перечень технологий идеологической обработки населения и организации уличных мероприятий [7, с. 322–328].

Внимание к информационным и организационным технологиям, применяемым инициаторами протеста для влияния на общественное мнение, а также к методам организации массовых протестных акций, с нашей точки зрения, следует считать сильной стороной технологического подхода. Действительно, политические деятели всего мира используют различные средства убеждения, агитации, манипуляции для привлечения и мобилизации сторонников. Анализ политических технологий, применяемых сторонами, полезен для понимания и критической оценки происходящего, а также создания приемов противодействия.

При этом надо отдавать себе отчет в том, что к политическим технологиям прибегают все участники социальных процессов – как протестующие, так и режим. Было бы более справедливо рассматривать политические технологии информирования и агитации не как технологии захвата власти, а как технологии привлечения сторонников. Отдельного упоминания заслуживают технологии уличного противостояния, не сводимые к привычному электоральному процессу, – организации протестных акций, штурма и захвата ключевых точек и административных учреждений. Вместе с тем данные методы борьбы редко являются единственными, на которые опирается протест; обычно стороны выбирают из более широкого арсенала средств в различных сферах политической борьбы, перечисленных Н. С. Розовым: институциональная сфера, сфера мирной конкуренции вне формальных институтов и сфера политической борьбы без правил [11, с. 97–98].

Выбор акцента на том или ином поле определяется, исходя из оценки ситуации и динамики противостояния. Вместе с тем обычно стороны стремятся действовать в легальном пространстве, задействуя средства институциональной среды и мирной конкуренции и прибегая к крайним мерам, только когда иные средства исчерпаны. Традиционно «цветные революции» изображаются как массы разгневанных граждан на улицах, однако уличную борьбу чаще всего сопровождают переговоры политиков, парламентские дебаты и судебные иски.

3. Интерпретация ненасильственного протеста в ходе «цветных революций» как манипулятивной технологии. Как указывается в учебнике «Социальные технологии», «значительной слабостью многих демократических государств является то, что сотрудникам государственных структур и правоохранительных органов внушается мысль о недопустимости применения силы по отношению к тем, кто не совершает насильственные действия» [6, с. 132].

Приверженцы технологического подхода связывают ненасильственный протест с популярностью творчества Джина Шарпа (см., например, его работу «От диктатуры к демократии» [12]) и объясняют сходство революционных событий в разных странах тем, что революционеры пользуются одними и теми же «методичками». На наш взгляд, влияние трудов Шарпа преувеличено: в них нет каких-либо откровений, а лишь перечислены методы мирного гражданского сопротивления («политического неповиновения»), эффективность которых зависит от многих факторов и обстоятельств и потому на практике труднодостижима. Привлекательность и эффективность ненасильственного протеста объясняется просто: это приемлемый с точки зрения законодательства и социальных норм способ давления граждан и политических организаций на действующую власть. Благодаря осознанию значимости гражданских прав для политической стабильности, гражданского мира и экономического процветания с момента завершения Второй миро-

вой войны международным сообществом была проделана большая работа по имплементации основных прав и свобод человека, включая возможность мирных собраний, в ключевые международные нормативные документы и конституции большинства стран (см., например, ст. 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека¹). Чем выше в обществе доверие к политическим институтам и значимость демократических ценностей, тем с большей вероятностью протест будет мирным. Ненасильственный протест – это технология не смены власти, а политического давления на власть, предполагающая учет выраженного мнения при формулировании дальнейшего политического курса. Закрепление в законодательстве права на мирные акции протеста способствует тому, что они являются обычной практикой политического поведения во многих странах, не угрожают политической стабильности, а, напротив, способствуют снятию политического напряжения и обеспечивают функционирование всей политической системы. Препятствование данной практике путем введения избыточных норм, бюрократизации процесса организации акций, уголовного и политического преследования активистов – всё это в современных условиях само по себе является угрозой политической стабильности.

Следует также обратить внимание на монографию С. Пинкера, согласно которой снижение уровня насилия является долговременной глобальной тенденцией [13]. Данная тенденция не проявляется автоматически, но можно утверждать, что с повышением грамотности и развитием уровня образования, совершенствованием эффективности правоохранительной и правоприменительной системы, технологическим прогрессом, ростом уважения к ценностям и интересам женщин, применением научных подходов к решению социальных проблем в каждом конкретном обществе шансы на то, что мы увидим повторение кровавых событий революций 1789 или 1917 годов, существенно снижаются.

Почему во многих случаях «цветных революций» ненасильственный протест сопряжен с государственным переворотом? Следует отметить, что большинство рассматриваемых случаев, за исключением Евромайдана на Украине в 2013–2014 гг. и «бархатной революции» в Армении 2018 г., – это постэлекторальные революции, которые вызваны прошедшими избирательными кампаниями. Легитимность избранной в ходе выборов власти является, во-первых, процедурной, а во-вторых, опирается на концепцию народного суверенитета: власть достается тем, кто был поддержан большинством голосов. Именно процедурная легитимность оказывается под ударом, когда действующая власть обвиняется в фальсификации голосования, т. е. искажении волеизъявления народа. Эффект такого обвинения зависит от степени доверия к политическим силам, СМИ, общественным и политическим деятелям, иностранным государствам и международным организациям, которые заявили или поддержали данное обвинение, а также от имеющегося восприятия действующей власти: если она воспринимается как несправедливая, коррумпированная и неэффективная, то шансов на деятельную поддержку у нее будет немного.

Нетрудно заметить, что предпочтение ненасильственных методов с точки зрения их эффективности может противоречить целям захвата власти. Если абстрагироваться от соображений нравственности, подчас гораздо проще физически устранить сторонников режима, чтобы реализовать задуманное. Вместе с тем с точки зрения динамики политических процессов большое значение имеет легитимность их участников: в современном мире тот, кто первый прибег к насилию, может оказаться проигравшей стороной. Можно утверждать, что нахождение оптимального размещения на шкале

¹Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций: сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.01.2021).

между ненасилием и инструментальной эффективностью является тактическим выбором участников революционного конфликта.

4. Наличие скрытых инициаторов «цветных революций». Гражданскому обществу в технологическом подходе отводится роль манипулируемого «пушечного мяса» – рычага, с помощью которого происходит смена власти. Агентами манипуляций выступают политические партии, некоммерческие организации и СМИ. Конечными же бенефициарами и авторами «цветных революций» называются прежде всего США, которые используют их для достижения цели глобального господства. Как указывает Е. Г. Пономарева, «огромную роль <...> играет финансовая и организационно-информационная поддержка антисистемным силам из-за рубежа. При этом давлению подвергаются режимы лишь тех стран, в ресурсах, стратегическом или геополитическом положении которых заинтересован Запад» [9]. «Мягкая сила», концепция которой была предложена американским политологом Дж. Наем, рассматривается отечественными исследователями как механизм закрепления и расширения гегемонии Запада. С ракурса данной позиции социальные сети называются Е. Г. Пономаревой инструментом «цветных революций» [Там же]. В учебнике И. Б. Орловой «Социальные технологии» упоминается ряд американских организаций, которые содействуют распространению демократии в мире или которым «приписывают участие в разработке стратегии цветной революции и координации всех действий» [6, с. 133].

Истоки данного мнения следует искать в советско-американском противостоянии прошлого и высказанных Збигневом Бжезинским в 90-е гг. XX в. идеях о контроле над Евразией как основе глобального американского господства [14]. В период холодной войны США считали возможным военное вторжение в другую страну для установления дружественного режима: например, в 1983 г. произошла интервенция в Гренаду, в 1989 г. – в Панаму [15, с. 35]. Кроме того, известно, что уже в 2005 году президент США Дж. Буш-младший охарактеризовал меры по вестернизации захваченного войсками НАТО Ирака как «пурпурную революцию» [16].

Вместе с тем данная позиция имеет несколько слабых мест. Во-первых, деятельность по продвижению демократии не обязательно предполагает организацию государственного переворота. В первую очередь это поддержка некоммерческих организаций и гражданское просвещение. Во-вторых, финансовая поддержка не обязательно делает некоммерческие организации иностранными агентами, так как они могут использовать финансирование для достижения своих собственных целей. Исследовательница «цветных революций» В. Банс скептически рассматривает данный тезис: «Соединенные Штаты, конечно же, помогают организовать эту оппозицию. Но теперь я вам открою самый страшный секрет, который я установила во время своих поездок в эти страны. Я никогда не видела, при всем бюрократическом головотяпстве американкой федеральной администрации, я никогда не видела настолько дурацки организованной программы, как программа распространения демократии по всему миру» [17].

Поиски американского вмешательства в честные демократические выборы в странах постсоветского пространства, как нам кажется, отвлекают от исследования внутренних причин происходящих в них процессов. На наш взгляд, «цветные революции» вызваны не столько стремлением США к мировому господству, сколько действием внутренних факторов: ухудшение положения широких масс населения, недовольство коррупцией в органах власти, националистические настроения и т. д. Здесь еще раз надо повторить основную мысль: внутренние процессы в обществе гораздо важнее внешних, хотя и испытывают их влияние. Обычно движущей силой «цветной революции» становились легальные участники избирательных кампаний, которые выражали требования различных слоев населения и были связаны с теми или иными политическими элитами

и контрэлитами. Наличие таких сил обеспечивало институционализацию протеста, трансляцию требований в конвенциональное политическое пространство. Напротив, отсутствие представителей интересов протестующих в Белоруссии в августе 2020 года стало одним из факторов, препятствовавших успеху протестного движения.

Что касается рассмотрения «мягкой силы» как информационного инструмента доминирования Запада, то подобные интерпретации были подвергнуты критике профессором МГИМО М. М. Лебедевой. Она вслед за автором концепции Дж. Наем различает собственно «мягкую силу», предполагающую привлекательность той или иной страны, и пропаганду, о которой обычно говорят исследователи реалистского толка [18]. По мнению М. М. Лебедевой, в отличие от пропаганды, «мягкая сила» не предполагает навязывания и манипулирования, а потому не может сама по себе рассматриваться как инструмент информационной политики. Это скорее конкурентное преимущество, обусловленное технологическим развитием или институциональными особенностями.

5. Антироссийская направленность «цветных революций». «Цветные революции» подрывают власть России на территории ее исконных интересов и, в конечном счете, преследуют цель дестабилизации политической ситуации и смены власти в нашей стране. По мнению заместителя директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН Н. С. Данюка, «цветные революции» используются США для оказания давления на Россию, которая является сдерживающим фактором, не позволяющим США добиться глобального доминирования [19]. Как утверждает А. В. Манойло, «волна «цветных революций» не стала форматировать мусульманский Восток, а неожиданно проявилась на Украине – непосредственно у границ России. <...> Цель новой волны «цветных революций» не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность» [8, с. 26].

Данная позиция отнюдь не бесспорна. Более обоснованным представляется подход, согласно которому «цветные революции» вызваны внутренними структурными и процедурными факторами и направлены на решение вопросов, стоящих перед обществом соответствующих стран. Отношение к России, скорее всего, присутствует в повестке дня, однако в большинстве случаев не является ключевым вопросом. Как для широких слоев населения, так и для политических игроков первоочередным пунктом повестки в случае с «цветными революциями» является требование компетентного, справедливого, эффективного государственного управления. Вопросы отношения к России были в центре внимания, пожалуй, только событий на Украине в 2004 г., когда Россия поддерживала инкубента и одного из участников президентских выборов, и 2013–2014 гг., когда поводом к событиям Евромайдана стало давление на президента Украины В. Януковича с целью достижения отказа от договоренностей об ассоциации с Евросоюзом.

При этом в формировании текущей практики отношений стран Центральной и Восточной Европы с Россией учитывается как опыт взаимодействия в рамках Организации Варшавского договора и СССР, а он скорее негативный, так и неоднозначный опыт событий последних лет. Отношение к данным странам как к территории исключительных российских интересов само по себе ущемляет их политическую субъектность и вредит задачам построения конструктивного и долгосрочного сотрудничества.

Таким образом, технологический подход, как нам представляется, существенно ограничивает возможности адекватного анализа событий цветных революций. Суммируя, можно назвать следующие наиболее очевидные его слабости:

1. Недооценка значения анализа политической ситуации, складывающейся в стране под воздействием структурных факторов и избираемых политическими субъек-

тами стратегий и тактик поведения. Сложно предположить, что в благополучном обществе возможны такие масштабные потрясения, как революции и массовые протесты. В то же время, как мы знаем из достаточно недавнего опыта, даже при таких неблагоприятных факторах, как долговременное снижение доходов граждан, проблемы с легитимностью власти и враждебное внешнее окружение, революции не происходят или заканчиваются поражением. Поэтому полноценный структурный и ситуационный анализ необходим для корректного понимания обстоятельств, причин, механизмов и последствий революций.

2. Внимание к агентам, а не к факторам. Представители технологического подхода видят угрозу в политических субъектах. Для того чтобы устранить угрозу политической дестабилизации, достаточно разобраться с деструктивными силами. Представляется, что такая позиция может привести к «охоте на ведьм» и нарушению гражданских прав. Перезапуск каналов обратной связи с гражданским обществом, формирование устойчиво работающих политических институтов, допуск к благам, ресурсам и статусам широких общественных слоев, внедрение принципов достойного правления – вот какие шаги способны предотвратить социально-политический кризис.

3. Не всегда оправданное стремление искать «длинную руку» Запада. Роль внешних факторов в «цветных революциях» достаточно велика. Однако эти факторы не сводятся к финансированию государственных переворотов или военному вторжению. Это может быть дипломатическая поддержка, это могут быть акции солидарности, публикации в СМИ или общая привлекательность культуры и образа жизни другого государства. Внешнее влияние может даже тормозить революционные процессы, как это происходит в случае с современными протестами в Белоруссии. Кроме того, действительность того или иного воздействия требует объективной оценки. Обвинение внешних врагов в инспирировании «цветных революций» хорошо работает как риторический прием, но не годится в качестве аналитического инструмента.

Обзор других подходов к изучению «цветных революций»

Кратко рассмотрим другие подходы к исследованию «цветных революций», представленные в политической науке.

1. Общая теория революции. Исследователи указывают на несколько этапов развития общей теории революции, спровоцированных политическими событиями в мировой истории. Обзор развития концепций представлен в статьях Дж. Голдстоуна и Э. Э. Шульца [20; 21]. Дж. Голдстоун рассматривает «цветные революции» в общем ряду революций, объясняя их специфику действием таких факторов, как изменение глобальных стандартов легитимности, требующих проведения выборов; технологический прогресс, расширивший возможности оппозиции по распространению своих взглядов; формирование международной сети активистов, обучающих методам ненасильственного сопротивления; ослабление мотивации держав к военному вмешательству во внутреннюю политику других государств с завершением «холодной войны» [1, с. 146–147].

Э. Э. Шульц скептически относится к предложенной Дж. Голдстоуном классификации историографии революций, справедливо указывая на искусственный характер ее критериев. Вместе с тем исследования «цветных революций» он считает возможным отнести к 5-му поколению работ, появление которого было вызвано необходимостью «переварить» фактологический материал событий начала XXI в. [21, с. 172].

Изучение общей теории революции позволяет оценить различные концептуальные построения исследователей и проследить развитие научной мысли. Важным пред-

ставляется то, что обращение к общей теории революции позволяет рассмотреть «цветные революции» как отдельную группу общего рода явлений, чья специфика обусловлена изменением международного контекста, распространением информационно-коммуникационных технологий и усилением взаимодействия неправительственных организаций.

2. Теория демократического транзита. Данная теория трактует «цветные революции» в духе глобальной тенденции демократизации. Здесь надо отметить, что еще С. Хантингтон рассматривал «замену» (приход к власти бывших оппозиционных групп) как один из форматов третьей волны демократизации [15, с. 156].

В своей статье «Пути перехода от посткоммунизма» М. Макфол отмечал значимые отличия «цветных революций» в Сербии, Грузии и на Украине от более ранних демократических переходов: фальсификации на национальных выборах как повод для смены режима; использование оппозицией внеконституционных средств для защиты конституции; конкуренция оппозиции с инкумбентом за суверенную власть; неприменение массового насилия [1, с. 6].

С конца 1990-х годов оптимизм по поводу всеобщего неизбежного перехода к демократии угас. Это отразилось и на применении теории демократического транзита к изучению «цветных революций». Б. В. Грызлов закономерно указывал на сомнительность демократического характера постреволюционной ситуации в странах, в которых произошли цветные революции [22].

Действительно, «цветные революции» не всегда приводят к демократии, и в фокус дальнейших научных изысканий приверженцев данного направления входит изучение факторов, влияющих на результаты транзитов. А. Ю. Мельвилъ указывает на наличие двух альтернативных объяснительных моделей перехода к демократии. Первая, «структурная» модель предполагает для успешного демократического перехода наличие «объективных» процессов и предпосылок, таких как относительно высокий уровень экономического развития, политическая культура «гражданского» типа, отсутствие в обществе непримиримых или острых расколов, религиозные традиции протестантизма и католицизма, качество институтов и т. д. [23, с. 165–167]. Вторая модель («процедурная») акцентирует внимание на таких субъективных факторах, как расклад политических сил, решения и действия политических субъектов: характер и особенности «выхода» из авторитаризма, роль и влияние институционального дизайна, взаимодействие между ключевыми политическими игроками, сохранение старых элит, отношение власти к политическому плюрализму, качество проводимых выборов, использование властью или оппозицией насилия и т. д. [23, с. 168].

Таким образом, теория демократического транзита может быть полезна для исследователей «цветных революций», так как она обращает внимание на структурные и процедурные факторы, влияющие на специфику как хода, так и результата «цветных революций».

3. Теория патрональных режимов. Данная теория представляет собой развитие режимного подхода с учетом критики утверждений о демократизации режимов в результате цветных революций. В частности, Г. Хейл указывает на формирование в большинстве бывших советских республик системы патронального президентского правления, которая характеризуется как значительными формальными полномочиями у президента по сравнению с другими ветвями власти, так и широким набором неформальных полномочий, основанных на патрон-клиентских отношениях между президентом и элитами [24].

Патрон-клиентские отношения в условиях широких полномочий президента обеспечивают лояльность элит действующей власти – до того момента, пока не появляется

вероятность ухода президента-патрона с должности, в результате чего у элит появляется возможность связать свое будущее с возможными преемниками или конкурентами. Это может привести к нарастанию внутриэлитного соперничества, в ходе которого стороны могут воспользоваться и таким инструментом, как массовая мобилизация и организация протестных митингов, и появлению революционной ситуации. Г. Хейл обращает внимание на то, что «цветные революции» 2003–2005 гг. развивались вскоре после того, как инкумбент давал понять об отсутствии планов на переизбрание, после чего запускался механизм поиска элитами нового потенциального «патрона».

А. А. Фисун продолжил применение теории патрональных режимов к исследованию цветных революций [25]. По его мнению, ключевой предпосылкой «цветных революций» следует считать неспособность интегрировать в клиент-патронажную сеть значительные сегменты элит, что приводит к постепенной утрате режимом поддержки большинства. Главным результатом цветных революций является изменение политики распределения ресурсов в пользу победителей.

Н. С. Розов считает неопатримониальные (патрональные) режимы довольно устойчивыми, а возможности их демократизации незначительными и требующими наличия внушительного перечня условий:

- 1) делегитимация представителей режима и принципов его функционирования;
- 2) неприменение в ходе политической борьбы крайних и затяжных форм насилия;
- 3) выход победившей коалиции за рамки клиент-патронажной сети;
- 4) формирование «пакта элит» в условиях отсутствия доминирующего лидера, способного подавить остальных;
- 5) успешное проведение не менее 2 избирательных циклов со сменой власти по результатам выборов и т. д. [5, с. 74–75].

Таким образом, теория патрональных режимов углубляет исследование институциональных предпосылок «цветных революций» концепцией клиент-патронажных сетей, вовлекающих сильного президента и элитные группы в неформальные отношения: протяженность сетей и регулярность предоставления благ со стороны власти обеспечивают лояльность вовлеченных элит, а сужение сетей и возникновение сомнения в дееспособности инкумбента заставляют элиты конкурировать между собой и искать новых потенциальных «патронов».

4. Исследования внешнего влияния. Процессы глобализации, происходящие в современном мире, не позволяют преуменьшать влияние внешних факторов на внутреннюю ситуацию в стране, в том числе на «цветные революции». Международное сообщество направляет наблюдателей для контроля над ходом голосования, освещает информацию в СМИ, оказывает политическое давление на стороны конфликта (в большинстве рассмотренных случаев – на представителей действующей власти), часто поддерживает оппозицию. Всё это является значимыми факторами, влияющими на поведение режима и протестующих. Вместе с тем, на наш взгляд, следует дифференцировать влияние в зависимости от формы поддержки или противодействия. Кроме того, согласно исследованию С. Левицки и Л. Вэя, значение имеет плотность связей гибридного режима с Западом: тесная интеграция обеспечивает постепенную демократизацию, в то время как слабость связей с Западом наряду с высокой внутренней организацией способствует дрейфу в сторону стабильных автократий, а слабость внутренней организации приводит к зависимости от более сильного соседа [26, с. 26].

Альтернативным подходом можно считать теорию революционных волн. Безусловно, государства не существуют в полном вакууме, а внутренние политические процессы никогда не были абсолютно внутренними и всегда испытывали влияние извне.

Особенно это справедливо для современности. С конца XX в., в том числе благодаря цветным революциям, в центре внимания исследований оказываются революционные волны – серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг друга или имеют общие причины. Так, коллектив специалистов под руководством Н. С. Розова рассматривает такие виды революционных волн, как домино-волны (обусловлены сильным эмоциональным эффектом), индуцированные (обусловлены переносом технологий организации, литературы, революционеров), полемогенные (причиной которых становятся вооруженные конфликты), идейные (вызываются общностью лозунгов, идей, идеологий) и структурные волны (активируются общими базовыми причинами) [27].

Выводы

На наш взгляд, технологический подход к изучению «цветных революций» имеет право на существование, однако нуждается в расширении перечня объектов и глубины анализа, а также в исключении априорных суждений.

Целесообразно, помимо технологического, предлагать в учебных пособиях по политологии другие подходы к анализу рассматриваемой темы, чтобы студенты и заинтересованные лица могли сравнить ставящиеся различными подходами вопросы и получаемые ответы, критически подойти к их оценке и выбрать наиболее подходящую для себя позицию.

Что касается непосредственно анализа «цветных революций» и социально-политических кризисов, то для их корректного и беспристрастного изучения технологический подход следует применять совместно с методологическими инструментами, предлагаемыми различными теориями и подходами.

Ссылки / References

1. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
2. Харитоновна О. Г. Цветные революции в контексте теорий демократизации // Политическая наука. 2014. № 3. С. 184–210.
3. McFaul M. Transitions from Postcommunism // Journal of Democracy. July 2005. Vol. 16. № 3. P. 5–19.
4. Цветкова Н. А. Дискурс «цветных революций» // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 940–950.
5. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: КРАСАНД, 2019. 336 с.
6. Социальные технологии: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Под ред. И. Б. Орловой. М.: Юрайт, 2019. 174 с.
7. Чуев С.В. Политический менеджмент. Коммуникативные технологии. М.: Издательство Юрайт, 2017. 364 с.
8. Манойло А. В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // Власть. 2014. № 4. С. 24–28.
9. Пономарева Е. Секреты «цветных революций» // LiveJournal: сайт. URL: <https://imhotype.livejournal.com/150888.html> (дата обращения: 27.12.2020).

10. Керимов А. А., Вербицкая Т. В. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 6–15.
11. Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108.
12. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
13. Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 952 с.
14. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 1998. 254 с.
15. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 368 с.
16. Пурпурная революция // Википедия: сайт. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%83%D1%80%D0%BF%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 17.01.2021).
17. Банс В. Цветные «революции через выборы»: почему они произошли и кто следующий? // Институт общественного проектирования: сайт. URL: <http://www.inop.ru/reading/Bunce/> (дата обращения: 09.11.2020).
18. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
19. Данюк Н. С. «Цветные революции» как внешнеполитический инструмент США для обеспечения глобального доминирования в контексте формирования нового миропорядка // Вестник КГУ. 2017. № 2. С. 46–51.
20. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (56). С. 58–103.
21. Шульц Э. Э. Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2015. № 1 (198). Вып. 33. С. 167–172.
22. Грызлов Б. В. «Цветные революции»: имел ли место «демократический прорыв»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2006. Вып. 3. С. 64–69.
23. Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 164–183.
24. Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Полит.ру: сайт. URL: <https://polit.ru/article/2008/05/26/hale/> (дата обращения: 10.01.2021).
25. Фисун А. Политическая экономия «цветных» революций: неопатримониальная интерпретация // Прогнозис. Осень 2006. № 3 (7). С. 211–244.
26. Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. М.: АСТ, 2018. 320 с.
27. Революционные волны в Европе и мире как следствия и факторы глобальной модернизации / Н. С. Розов, Ю. А. Пустовойт, С. И. Филиппов, В. В. Цыганков // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 102–111.

The problem of the national image of Russia in the interpretation of Chinese scientists

Zhou Xie¹, Zeming Zhang¹

¹Southwest University, Chongqing, China

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-256-269

Research Article
Full text in Russian

The article examines the main trends in the study of the theory of national image by Chinese scientists and the problems of the national image of Russia in the eyes of the PRC public, discusses the prerequisites for the study of the theory of national image, compares the definitions of Chinese scientists, examines their contribution to the theory of national image and the evolution of the national image of Russia in the consciousness of Chinese society in the period from the formation of the PRC to the end of the first decade of the XXI century. The authors state that the national image of Russia in China is formed under the influence of many factors (the political situation in Russia and China, the state of bilateral relations, the degree of awareness in China about Russia) and come to the conclusion that a positive image can improve relations between the two countries. Studying the Chinese perception of the national image of Russia will allow you to learn about the values, moral norms, psychology and mentality of the Chinese themselves. In addition, the transformation of Russia's national image in China depends not only on the changes in Russia and the complex bilateral relations of both countries, but also reflects social changes in China. The improvement of Russia's national image in China contributes to the development of strategic partnership and cooperation between the two countries and the stability of bilateral relations, allows it to increase its "soft power". Creating harmonious relations between countries, strengthening mutual trust, expanding economic and trade exchanges and cultural exchanges are important ways to create a positive and bright national image.

Keywords: Russian-Chinese relations; national image; "soft power"; "hard power"; public opinion; image formation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Xie, Zhou
(correspondence author)

E-mail: xiezhou1234@163.com
ORCID 0000-0001-8753-7182
Doc. Sc. (Philology), Professor, director of the center for Russian-Speaking Countries Studies in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China, Dean of the Faculty of the Russian Language of the Institute of Foreign Languages of Southwest University in Chongqing.

Zhang, Zeming

E-mail: 745725097@qq.com
ORCID 0000-0002-6692-544X
Master Degree Candidate of the Southwest University Southwest University

Funding: Center for Russian-Speaking Countries Studies of the Southwest University under the Ministry of Education of the People's Republic of China.

For citation: Xie Zhou, Zhang Zeming The problem of the national image of Russia in the interpretation of Chinese scientists // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 256-269. (in Russ.)

Проблема национального имиджа России в интерпретации китайских ученых

Чжоу Се¹, Цзэмин Чжан¹

¹Юго-Западный университет, ул. Тяньшэн, д. 2, район Бэйбэй, Чунцин, 400715, КНР

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-256-269
УДК 301.085(510)(092)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются основные тенденции в изучении китайскими учеными теории национального имиджа и проблем национального имиджа России в глазах общественности КНР, обсуждаются предпосылки исследования теории национального имиджа, сопоставляются определения китайских ученых, рассматривается их вклад в теорию национального имиджа и эволюция национального имиджа России в сознании китайского общества в период с образования КНР до конца первого десятилетия XXI в. Авторы констатируют, что национальный имидж России в Китае складывается под воздействием множества факторов (политическая ситуация в России и Китае, состояние двусторонних отношений, степень осведомлённости в Китае о России), и приходят к выводу, что положительный имидж может улучшить отношения между двумя странами. Изучение представления китайцев о национальном имидже России позволит узнать о ценностях, моральных нормах, психологии и менталитете самих китайцев. Кроме того, трансформация национального имиджа России в Китае не только зависит от изменения России и сложных двусторонних отношений обеих стран, но и отражает социальные изменения в Китае. Улучшение национального имиджа России в Китае способствует развитию стратегического партнерства и сотрудничества между двумя странами и стабильности двусторонних отношений, позволяет нарастить свою «мягкую силу». Создание гармоничных отношений между странами, укрепление взаимного доверия, расширение экономических и торговых обменов и культурных обменов – важные способы создания позитивного и яркого национального имиджа.

Ключевые слова: российско-китайские отношения; национальный имидж; «мягкая сила»; «жесткая сила»; общественное мнение; формирование имиджа

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Се, Чжоу
(автор для корреспонденции)

Е-mail: xiezhou1234@163.com
ORCID 0000-0001-8753-7182
Доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета

Чжан, Цзэмин

Е-mail: 745725097@qq.com
ORCID 0000-0002-6692-544X
Магистрант Юго-Западного университета

Финансирование: Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики.

Для цитирования: Се Чжоу, Чжан Цзэмин Проблема национального имиджа России в интерпретации китайских ученых // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 256-269.

1. Введение. Предпосылки изучения национального имиджа

С развитием науки и техники в современную эпоху глобализации конкуренция государств за всестороннюю национальную силу становится все более жесткой. Укрепление всеобъемлющей национальной мощи неотделимо от укрепления так называемой национальной «мягкой силы». И этот процесс является важным аспектом для конкуренции стран на мировой арене. В качестве важной части «мягкой силы» национальный имидж привлекает к себе все большее внимание в разных странах. Американский ученый Джошуа Купер Ремо (Joshua Cooper Ramo) отметил, что «хороший национальный имидж может снизить огромные трения до маленьких масштабов, в то время как плохой национальный имидж может в несколько раз усилить конфликты. Национальный имидж с непоследовательными внутренними и внешними стратегиями также приведет к аналогичным результатам, что приведет к увеличению рисков» [1, с. 23] (*здесь и далее перевод наш – С.Ч., Ч.Ц.*). Китайский учёный Ли Вэй считает, что «хороший имидж страны и «мягкая сила» страны будут играть позитивную роль в содействии пониманию и доверию, признанию и поддержке других стран и установлению долгосрочных дружественных национальных отношений с другими государствами; в противном случае, негативный национальный имидж сделает восприятие и оценку людьми всей соответствующей информации и поведения этой страны и ее народа намеренно или непреднамеренно враждебными».[2, с. 2] Таким образом, с одной стороны, национальный имидж играет важную роль в улучшении «мягкой силы» страны. С другой стороны, качество национального имиджа также будет влиять на долгосрочное развитие международных отношений и распространение иностранной культуры. Исходя из этого, китайские учёные-политологи уделяют все больше внимания изучению проблемы «национального имиджа», углубленному обсуждению того, как формировать и распространять свой собственный имидж, понимать и принимать национальные имиджи других стран.

Как развивающаяся дисциплина имиджология впервые появилась в Европе в прошлом веке и актуализировала широкий спектр исследований, касающихся психологии восприятия имиджа, разнообразных методов наблюдения, когнитивных функций имиджа, знаков и символов имиджа, коллективного бессознательного, идеологии, исторических концепций, иерархических отношений, типов мышления, языков, художественной литературы, теорий воображения и т.д. Французский ученый Даниэль-Анри Пажо объяснял это следующим образом: «Имиджология не ограничивается изучением литературного замещения того, что называется просто «реальностью». Она должна изучать, как различные образы образуют конкретные описания в определенный исторический период, и изучать линии власти, которые управляют общим воображением общества и его литературной системой» [3, с. 154].

В настоящее время исследование «национального имиджа» стало актуальной темой для китайских ученых, которые активно изучают исследования российских и западных политологов, посвященные данной проблеме, и разрабатывают свои концепции структуры национального имиджа.

2. Концепция и структура национального имиджа

Национальный имидж – это комплекс различных аспектов деятельности страны. Качество национального имиджа влияет на статус страны на международной арене, а также на внешнюю политику других стран в отношении с этой страной. Еще в начале 1970-х годов ученый Кембриджского университета Элан Кельман (Ian Kelman) отметил, что «исследования в области принятия решений во внешней политике должны проводиться в более широком контексте национального имиджа» [4, с. 1]. Важность национального имиджа очевидна: западные ученые начали обсуждение «национальной репутации», «международного престижа» и «национальной идентичности» очень рано, а позже появился термин «национальный имидж», но унифицированного значения для понятия национального имиджа исследователи еще не выработали. Хотя китайские ученые позднее начали изучение данной проблемы, они разработали множество разнообразных и взаимосвязанных концепций, представляющих разные точки зрения на сущность национального имиджа. Китайский ученый Ли Шоуянь в своей книге «Международные отношения и китайская дипломатия – уникальный ландшафт СМИ», основываясь на внешних факторах, определил национальный имидж так: «Форма и внешний вид суверенной страны и нации в мире и общественное мнение в международной среде» [5, с. 305]. Гуань Вэньху дал следующее определение национального имиджа в «Теории национального имиджа»: «Национальный имидж носит комплексный характер, и это общая оценка и выявление специфики внешней и внутренней общественности страны в отношении самой страны, поведения государства, деятельности страны и ее результатов» [6, с. 23]. Ли Яньбин в своей книге «Построение национального имиджа Китая в перспективе политической коммуникации» предлагает такое определение данного понятия: «Это субъективное восприятие страны людьми на основе объективной реальности страны и результат передачи этого восприятия через средства массовой информации» [7, с. 26].

Значительное количество ученых рассматривают концепцию национального имиджа с международной точки зрения. Так, Ян Вэйфэнь считает, что национальный имидж является «общей оценкой широкой публикой относительной стабильности страны» [8, с. 25]. Чжан Кунь в своей книге «Национальная имиджевая коммуникация» констатирует, что «национальный имидж – это проекция различных объективных условий страны в общественном мнении международного сообщества, отражение характеристик национального поведения, «духовного облика» страны в сознании международного сообщества и общая оценка соответствующей страны общественностью» [9, с. 180].

Все вышеприведенные определения национального имиджа свидетельствуют о том, что интерпретация исследователями данного феномена осуществляется в основном в аспектах внешних показателей национальной силы (политика, экономика, вооруженные силы и т. д.) и внутреннего проявления национальной силы (культура, традиции, национальный дух, воля и т. д.), которые ученые называют «твёрдой силой» и «мягкой силой».

Что касается направленности национального имиджа, то вышеупомянутые исследователи придерживаются почти одинаковых взглядов. Большинство учёных считает, что национальный имидж – это реакция, оценка, идентификация и восприятие людьми своей страны и других стран. Однако некоторые учёные сводят

направленность национального имиджа к «национальному менталитету и воле» и рассматривают его с иной точки зрения. Китайский ученый Чэн Манли пишет об этом так: «Национальный имидж – это субъективное сознание и «точка вспышки» в национальном или государственном духе. Он основан на исторических и культурных традициях, интегрирован с современными элементами, извлечен и усовершенствован, и является концентрированным выражением национального духа и воли» [10, с. 5].

Исходя из всего вышесказанного, очевидно, что для китайских политологов понятие национального имиджа складывается из следующих аспектов:

1. Национальный имидж – это целостный и комплексный имидж страны.
2. Необходимо рассматривать национальный имидж в международном сообществе и исследовать имидж иностранных государств.
3. Национальный имидж относительно стабилен в течение определенного периода времени.

4. Существует частичное совпадение национального имиджа и национальной мощи, но они не равны. Национальная мощь подчеркивает совокупность национальной силы во всех аспектах, а национальный имидж подчеркивает впечатление от страны у людей других стран. Национальная мощь – это объект; национальный имидж – тень, отражающая мягкую силу страны. Национальная мощь отражена в национальном имидже, но в то же время национальный имидж может стать компонентом расширения национальной мощи.

5. Национальный имидж должен включать политические, экономические, военные, культурные, географические, исторические, традиционные и другие факторы. Внешняя оценка страны может исходить из одного фактора или нескольких факторов. Например, страна может рассматриваться как демократическое или централизованное государство, как развитая или отсталая страна, в зависимости от точки зрения людей. Обычный человек может уделять больше внимания экономике и культуре оцениваемой страны, в то время как военный может уделять больше внимания вооруженным силам оцениваемой страны, а государственные служащие и чиновники могут уделять больше внимания политике и политической системе оцениваемой страны. Что касается ученых, то они должны оценивать страну всесторонне.

6. Одни элементы, которые составляют имидж страны, являются константными, другие – переменными, третьи могут быть и постоянными, и переменными. Множество различных факторов оказывает влияние на формирование образа страны. Китайские ученые вслед за профессором Э. А. Галумовым выделяют три группы факторов, влияющих на формирование имиджа страны. Первая из них почти не поддается манипуляции, а две другие могут корректироваться.

1. «Условно-статичные» факторы формирования образа государства.
2. «Корректируемые условно-динамичные» социологические факторы.
3. «Корректируемые условно-динамичные» институциональные факторы [11, с. 202].

Образ государства складывается из «объективных», «постоянных» факторов (географическое положение, площадь государства, территориальные границы, выход к морям и т. п.). Также сюда можно отнести культурное и национальное наследие страны, исторические события, имена выдающихся деятелей, которые вошли в историю государства. К следующей группе факторов, формирующих образ

страны, относятся социально-психологические настроения общества, общественно-политическая интеграция населения, моральное и нравственное развитие людей. Институциональные факторы характеризуются устойчивостью экономики (в эту группу входят показатели ВВП, уровень доходов на душу населения, привлекаемые инвестиции и др.), соответствием правовых норм международным требованиям, механизмами государственного регулирования. Улучшение и изменение национального имиджа во многом зависит от изменения переменных элементов.

На основе анализа вышеперечисленных проблем можно определить национальный имидж как сложившуюся в массовом сознании устойчивую совокупность рациональных и эмоциональных представлений о стране, формирующихся у людей на основе собственного опыта и имеющейся информации, полученной из различных источников.

Понятие, тесно связанное с национальным имиджем, – это «структурная модель имиджа страны». Структурные элементы имиджа страны включают географию, жителей, культуру, традиции, политическую систему, стратегические цели и другие аспекты. Некоторые из этих элементов постоянны и в основном остаются неизменными, другие являются переменными, но они остаются неизменными в течение определенного периода времени. Если эти элементы останутся в основном неизменными, национальный имидж обретет относительно стабильную структуру. Например, структурный элемент имиджа Китая «Китай – это страна с большим населением» основан на объективных фактах и поэтому в основном стабилен. Структурный элемент «Китай является социалистической страной» или, как часто говорят на Западе, «Китай является коммунистической страной» также основан на объективных факторах, отражая реальную ситуацию: Китай не является капиталистической страной и не имеет демократии западного образца. Сегодня, когда социализм и капитализм по-прежнему противостоят друг другу, базовое понимание социализма или коммунистического Китая на Западе кардинально не изменится. В глазах представителей Запада «социалистический Китай» или «коммунистический Китай» – это устойчивые элементы структурной модели национального имиджа Китая. Другим примером является структурная модель имиджа России в Китае. Большинство китайцев считает, что «Россия – это западная страна», и этот компонент структуры национального имиджа оказывает решающее влияние на общий имидж страны.

3. Исследование теории национального имиджа в Китае

Исследования национального имиджа в Китае и за рубежом проводились достаточно активно и имели хорошие результаты, многие исследования дали инновационные и ценные результаты в области изучения национального имиджа. Основные исследования национального имиджа в основном сосредоточены на его концептуальном осмыслении и существенных характеристиках.

В Китае данная область науки фокусируется на таких областях, как журналистика и коммуникация, международные отношения и политика. Сюй Сяогэ был первым ученым, который обратил внимание на проблему национального имиджа, его определение национального имиджа относится к категории медиаимиджа. Он считает, что национальный имидж – это «образ, сформированный страной

в международном потоке новостей, или имидж страны в новостных и речевых отчетах других стран» [12, с. 35]. Гуань Вэньху как ученый, специализирующийся на исследованиях национального имиджа, опубликовал книгу «Теория национального имиджа», и данное им в этой книге определение национального имиджа имеет большое влияние в академической среде. Учёный считает, что национальный имидж является комплексным и представляет собой общую оценку и признание мнения народа страны о политике, деятельности страны и ее результатах [6, с. 23–24]. Анализируя структурную модель национального имиджа, китайский политолог Ли Чжи утверждает, что имидж страны – это продукт, созданный («структурированный») в долгосрочном и постоянном взаимодействии между отечеством и другими странами [13, с. 25]. Ян Вэйфэнь определил национальный имидж как «общую оценку относительной стабильности государства международной широкой общественностью» [8, с. 25]. Это определение похоже на точку зрения Тан Гуанхуна: «Национальный имидж – это общая и социальная оценка страны внешней и внутренней общественностью» [14, с. 19].

В исследованиях китайских ученых теория национального имиджа в основном изучается в следующих трех аспектах:

Академическая интерпретация и исследования на макро-стратегическом уровне построения национального имиджа. Вот примеры некоторых определений или заглавий статей китайских политологов. Хэ Хуэй: «Создание национального имиджа в новой медиа-среде должно соответствовать закону о коммуникации» [15, с. 45], Чен Манли: «Массовая коммуникация и формирование национального имиджа» [16, с. 6], Лю Хуэй: «Создание национального имиджа: невыносимый вес массовой коммуникации» [17, с. 46], и Сяо Чуньфэн: «Визуальная коммуникация национального имиджа в эпоху всех медиа» [18, с. 124]. Все эти утверждения ориентированы на новую ситуацию построения национального имиджа и выдвигают государственные стратегии, которые помогают реализовать и использовать имидж страны. В определенной степени это дальнейшая систематизация теории построения национального имиджа для руководства практикой построения национального имиджа.

Углубление и интерпретация теоретического когнитивного уровня построения национального имиджа. Китаю, который первоначально сосредоточился на «твёрдой» пропаганде и развитии «твёрдой» силы национального имиджа, необходимо иметь более систематическое и научное понимание «мягкой» тенденции построения национального имиджа в новую эпоху, чтобы руководить крупномасштабными ответственными практиками. Ученые усвоили зарубежные передовые теории построения национального имиджа, а также объединили их с типичными китайскими установками, чтобы создать собственную уникальную систему теории построения национального имиджа в Китае, что нашло отражение в исследованиях Чжана Куна «Обсуждение национального имиджа» и Чжао Сюэбо «Понимание концепции национального имиджа».

Акцент на оперативном уровне построения национального имиджа и выдвижении соответствующих контрмер для решения конкретных проблем. Модель мирового общения и коммуникации продолжает развиваться и обновляться. Создание национального имиджа должно быть оптимизировано различными способами. И в этом отношении китайские ученые предпринимают анализ конкретных собы-

тий или исследовательских объектов, чтобы решить некоторые локальные проблемы, выявив таким образом универсальные принципы, этому посвящены множество работ китайских политологов: Ли Цзяньсинь, Ли Синвэй «Создание имиджа китайской инициативы «Один пояс, один путь» в сообщениях российских СМИ»; О. А. Бакулин, Шэнь Син: «Имидж Китая в российских средствах массовой информации на примере Олимпийских игр в Пекине»; Сюй Хуа «Проблемы национального имиджа современной России»; Ке Хуэйсинь «Российский национальный имидж в китайских СМИ: анализ содержания «Молодежной ежедневной газеты Китая» и т. д.

4. Исследование национального имиджа России в Китае

Имидж России в Китае представляет собой относительно стабильную общую оценку России (Советского Союза) китайским народом, отражающую китайское восприятие России и взгляды Китая на Россию. Несомненно, это новый и важный аспект для изучения китайско-российских отношений.

Академик С. Л. Тихвинский, один из самых авторитетных советских и российских китаеведов второй половины XX – начала XXI века, еще в 2008 году опубликовал свою книгу «Восприятие в Китае образа России» [19, с. 244]. Это исследование содержит первый подробный обзор эволюции имиджа России в Китае с XVII по начало XXI века. Однако следует отметить, что, поскольку академик Тихвинский занимал пост заместителя министра иностранных дел Советского Союза во время китайско-советской конфронтации, он получил большой опыт в китайско-советских дебатах. Поэтому эта книга несколько односторонне показывает отношения между двумя странами, в ней множество предрассудков, резких заявлений по отношению к Китаю, сильна авторская симпатия по отношению к Советскому Союзу. Кроме того, эта книга не объясняет, а порой игнорирует некоторые проблемы.

Попытку разрешения этих проблем осуществил в своем исследовании А. В. Лукин, изучавший имидж России в Китае в одно время с академиком С. Л. Тихвинским. В 2007 году А. В. Лукин опубликовал свою книгу «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках» [20, с. 675]. Книга, написанная на основе сбора большого количества исторических материалов, представляет, обсуждает и оценивает эволюцию китайского имиджа в России с XVII по XX век на основе большого количества исторических данных и пытается объяснить влияние этого образа на внутреннюю и внешнюю политику России с точки зрения истории и современного состояния китайско-российских отношений. В то же время автор рассматривает эволюцию имиджа Китая в России в качестве примера для обсуждения развития и изменения российских политических концепций. В исследовании также анализируются исторические противоречия восприятия Китая в России, сделана попытка объективно отразить реальное состояние китайско-советских и китайско-российских отношений в исторических условиях той или иной эпохи.

Очевидно, что исследования проблемы имиджа России в Китае, предпринятые русскими учеными, опережают работы китайских политологов по аналогичной проблематике. Тем не менее в последние годы в связи с постоянным развитием китайско-российских отношений в академических кругах Китая постепенно усиливается изучение национального имиджа России, и в этой области уже существует множество результатов исследований.

Одно из ключевых исследований в этом направлении – «Образ России в Китае (1949–2009)» китайского русиста Ли Суйяня, где всесторонне анализируются изменения в представлении об имидже России в Китае и взаимное непонимание между Китаем и Россией. Автор использует статьи в СМИ, научные публикации в Китае и России, интернет-источники – блоги, форумы – и даже стихи китайских поэтов и выделяет в эволюции образа России в Китае за эти 60 лет три этапа: «положительный образ («медовый период» 1949 – начало 1960-х), отрицательный образ (период противостояния, начало 1960-х – 1989 год), относительно объективный образ (с 1989 г. – по время написания книги)» [21, с. 479]. Анализируя образ России (Советского Союза) на каждом этапе, автор исходит из следующих аспектов: отношения между двумя странами на данном этапе; какой образ России (Советского Союза) Китай хочет сформировать и как его формировать; каков образ России (Советского Союза) в китайских учебниках; каков образ России (Советского Союза) в китайских литературных произведениях; какова сущность «советского комплекса» в сознании китайцев.

В работах китайских политологов, посвященных исследованию имиджа России в Китае, выделяются следующие направления. В ряде работ рассматривается политический имидж России с момента распада Советского Союза до нынешнего этапа, анализируется, как Россия использует свой имидж великой державы в сложной ситуации на международной арене, обсуждается проблема национального имиджа России на политическом уровне (Ли Суйянь «Изменение русского имиджа в Китае за последние полвека», Ян Цин: «Эволюция русского имиджа в Китае с точки зрения конструктивизма» и Сюй Хуа: «Проблема современного имиджа России»). В других работах производится анализ имиджа России в Китае с опорой на китайские СМИ, главным образом на такие издания, как «Жэньминь Жибао (The People's Daily)» и «Китайская молодежная газета (China Youth Daily)», в этих исследованиях рассматриваются репортажи о России в течение нескольких лет и объективно анализируется внутреннее восприятие Китаем национального имиджа России в политической, военной и других областях, связанных с национальной безопасностью (Чжуан Янь «Анализ российских репортажей в основных китайских СМИ», Ке Хуэйсинь «Российский национальный имидж в китайских СМИ»). Третья группа исследований ориентирована на восприятие российского национального имиджа в Китае, основанного на опросах общественного мнения: «Исследование дружественных отношений между Китаем и Россией» Пан Дели и «Образ другой страны в глазах китайской и российской молодежи» Ян Синьмо. В первой статье описан и проанализирован опрос общественного мнения людей в некоторых районах Китая под названием «Россия глазами китайского народа». Другая статья анализирует национальный имидж России в глазах китайского народа на основе анкетного опроса 2008 года о том, как видят Китай молодые жители российского Дальнего Востока. Несмотря на то, что оба исследования основаны на опросах общественного мнения, очевидно, что фокусы исследований различны, выбраны различные типы электората и сделанные в работах выводы не универсальны в силу ограниченности выбора регионов.

Вышеназванные работы обсуждают текущее состояние и проблемы национального имиджа России с разных точек зрения. Некоторые ученые излагают свои собственные взгляды относительно продвижения и распространения национального имиджа, другие систематически анализируют, как Россия распространяет свой

национальный имидж. По мере углубления исследований национального имиджа России достижения российской национальной имиджевой коммуникации будут постепенно расти, а конкретные стратегии и эффекты ее национальной имиджевой коммуникации будут постепенно становиться более понятными в ходе непрерывного обсуждения в академическом сообществе.

5. Изменения специфики национального имиджа России в Китае

В структуре национального имиджа можно выделить внутренний имидж и внешний, международный имидж. Основное различие внешнего и внутреннего имиджа – это аудитория, с которой осуществляются коммуникации. Внутренний имидж – это представление страны о себе, он формируется в общественном мнении граждан этой страны и включает в себя национальную идентичность, статус государства в международной среде, ситуативные образы, привносимые правительством, которые транслируются широкой общественности. Внешний имидж – это представление о стране, которое складывается у населения других государств. Основными проводниками имиджа страны за рубежом выступают субъекты международных сфер: дипломатии, внешнеэкономической деятельности (включая финансовую сферу), туризма, транспорта, гостиничного дела и другие. За прошедшее столетие имидж России в китайских СМИ пережил эволюцию, отраженную в таких формулах, как «СССР – старший брат», «Советский ревизионизм», «Страна в хаосе и упадке после распада СССР», «Стратегический партнер» и «Всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие в новую эпоху». Каждый вариант имиджа, который полностью представлен в китайских СМИ, является проявлением русско-китайских двусторонних отношений в международной системе, а также демонстрирует эволюцию этих отношений в условиях смены исторических парадигм.

5.1. «Старший брат»: положительный имидж

На протяжении XX века имидж «Советский Союз как старший брат» или как глава большой социалистической семьи существовал в Китае в течение почти пятидесяти лет, с 1949 г. до начала 1960-х гг., и по праву может считаться самым выдающимся вариантом русского имиджа в глазах китайского народа в прошлом веке. В 1949 году Коммунистическая партия создала Новый Китай, а китайское правительство осуществило внешнюю политику «склонения в сторону» к Советскому Союзу. С подписанием «Советско-китайского договора о дружбе и взаимной помощи» имидж «Старший брат» появился у Советского Союза прежде всего в средствах массовой информации. В журнале «Народная литература» с 1949 по 1959 годы авторы публикаций часто использовали такие слова, как «счастливая страна и счастливые люди», «богатая страна», «край», «большой брат» и «великий», чтобы описать позитивный имидж «СССР – старший брат».

5.2. «Советский ревизионизм»: имидж СССР после разрыва между СССР и Китаем

В 1956 году после 20-го съезда Коммунистической партии Советского Союза китайско-советские отношения начали ухудшаться, и в 1958 году Советский Союз

выступил против Великой китайской коммунистической кампании «Большой скачок». В 1969 году между Китаем и Советским Союзом произошел вооруженный пограничный конфликт на острове Чжэньбао (Даманский остров). После этих событий отношения между Китаем и Советским Союзом были полностью разрушены. Имидж «Старший брат» сменился противоположным: «Советский ревизионизм», «Повстанческая группа советских ревизионистов» и «Социальный империализм» стали репрезентативными словами национального имиджа Советского Союза в Китае. В то время в китайских СМИ было слишком много сильных оскорбительных высказываний против Советского Союза, позиционируемого как сверхдержава, угрожающая безопасности Китая. Это видно из заголовков соответствующих сообщений в печатных СМИ Китая с 1960 по 1980 годы: «Сговор между СССР и США в соответствующих учреждениях ООН», «Советский ревизионизм сломался и перевернулся», «Как Советский Союз выродился и стал социал-империалистической страной», «Ревизионистский Советский Союз – это бумажный тигр» и т. д. Такой же характер носили и культурные обзоры, как, например, в статье «Современные ревизионистские образцы искусства – фильмы Г. Чухрая» [22, с. 11], и так далее. В этот период слова «обратное и неправильное», «откровенная ложь», «бесстыдный» и «абсурдный» были общими словами, использовавшимися в статьях для критики Советского Союза. Говоря о лидерах Советского Союза, в китайская пресса тех лет называло их «лидерами советского ревизионизма».

5.3. «Хаотичная и постепенно слабеющая страна»: имидж России после распада СССР

В течение 10 лет после распада Советского Союза в конце XX века «Хаотичная и постепенно слабая страна» и «Нестабильная и спорная страна» были основными характеристиками имиджа России в китайских СМИ. В конце 1980-х годов с восстановлением китайско-советских отношений имидж «Советский ревизионизм» в китайских СМИ больше не существовал. После распада Советского Союза имидж России в Китае постепенно ухудшался, чему способствовала социально-политическая обстановка в стране: конфликт России и Украины из-за Крыма; гражданские войны в Грузии и Молдове; конфликты в Центральной Азии; две чеченские войны, рост организованной преступности, террористические акты и т. д. Однако с учетом идеологических факторов и объективной силы России имидж России в восприятии Китая имел и свои положительные стороны: люди классифицировали Россию как одну из «наиболее сильных» стран: «Ни одна страна в мире не может игнорировать существование России и ее большое влияние, несмотря на ее временный упадок» [23, с. 74].

5.4. «Россия – дружеский партнер по стратегическому взаимодействию»: объективный имидж России в конце XX – начале XXI века

В конце XX – начале XXI века двусторонние отношения между Россией и Китаем активно развиваются, и российский национальный имидж, представленный в китайских СМИ, приобретает позитивные характеристики (в отличие от негативного имиджа России в США и других западных странах, характеризуемого опреде-

лениями «Регресс демократии» и «Авторитаризм») и определяется формулой «Стратегический партнер». Китайское правительство и ученые считают, что «контролируемая государством демократия» и «контролируемая государством рыночная экономика» соответствуют ее национальным условиям. «С одной стороны, для России невозможно иметь такую форму демократии, как в западных странах; с другой стороны, Россия не может повторить ошибку прежнего политического хаоса и пожертвовать экономическим развитием для политической борьбы, следовательно, установление относительно централизованной «управляемой демократии» может быть лучшим выбором для страны» [24, с. 65].

Таким образом, китайские ученые, изучающие эволюцию национального имиджа России в глазах общественности КНР, приходят к выводу, что он складывается под воздействием множества факторов (политическая ситуация в России и Китае, состояние двусторонних отношений, степень осведомленности в Китае о России), положительный имидж может улучшить отношения между двумя странами. Кроме того, изучение представлений китайцев о национальном имидже России позволит узнать о ценностях, моральных нормах, психологии и менталитете самих китайцев, иначе говоря, трансформация национального имиджа России в Китае не только зависит от изменения России и сложных двусторонних отношений обеих стран, но и отражает социальные изменения в Китае, собственное развитие китайцев.

Заключение

В 2019 году исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя странами, и это событие торжественно отмечалось в России и Китае. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин по приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина с 5 по 7 июня 2019 года посетил Российскую Федерацию с государственным визитом и принял участие в XXIII Петербургском международном экономическом форуме. В Москве состоялись переговоры глав государств, а также встреча Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина с Председателем Правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым. В «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» говорилось о том, что российско-китайские отношения вышли на самый высокий уровень, демонстрируя пример добрососедского сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества, они являются устойчивыми и стабильными, не подвержены влиянию извне, обладают огромным внутренним потенциалом, имеют широкие перспективы развития и характеризуются:

- высокой степенью политического доверия;
- насыщенными контактами на высшем и высоком уровнях, разнообразными механизмами сотрудничества в различных областях;
- богатым по содержанию и стратегическим по значению практическим взаимодействием;
- прочной общественной базой двусторонних отношений, опирающихся на традиции дружбы между народами России и Китая, передаваемой из поколения в поколение;

- тесной и эффективной координацией на международной арене [25, с. 2].

Улучшение национального имиджа России в Китае способствует развитию стратегического партнерства и сотрудничества между двумя странами и стабильности двусторонних отношений. Активное участие России и Китая в деятельности по формированию своего положительного образа в другой стране позволяет нарастить свою «мягкую силу» и развить двусторонние отношения. Создание гармоничных отношений между странами, укрепление взаимного доверия, расширение экономических и торговых обменов и культурных обменов – важные способы создания позитивного и яркого национального имиджа, это сложный и планомерный проект, требующий совместных усилий России и Китая.

Ссылки / References

1. Образ Китая: Китай глазами зарубежных ученых / Джошуа Купер Ремер и др.; перевод Шен Сяолей. Пекин: Social Sciences Archives Press, 2008. 360 с. (на кит. языке).
2. Ли Вэй. Образ Китая глазами россиян. Пекин: Peking University Press, 2016. 328 с. (на кит. языке).
3. Мэн Хуа. Сравнительное литературное воображение. Пекин: Peking University Press, 2001. 282 с. (на кит. языке).
4. Лю Яньфан. Стратегия национального имиджа Китая на фоне глобализации: исследовательская перспектива, основанная на национальных интересах. Пекин: Central Compilation and Translation Press, 2016. 265 с. (на кит. языке).
5. Ли Шоюань. Международные отношения и китайская дипломатия: уникальный ландшафт массовой коммуникации. Пекин: Beijing Broadcasting Institute Press, 1999. 317 с. (на кит. языке).
6. Гуань Вэньху. Национальная теория изображения. Чэнду: University of Electronic Science and Technology Press, 2000. 613 с. (на кит. языке).
7. Ли Яньбин. Построение национального имиджа Китая в перспективе политической коммуникации. Пекин: China Social Sciences Press, 2014. 253 с. (на кит. языке).
8. Ян Вэйфэнь. Проникновение и взаимодействие: радио, телевидение и международные отношения. Пекин: Beijing Broadcasting Institute Press, 2000. 230 с. (на кит. языке).
9. Чжан Кун. Национальная имиджевая коммуникация. Шанхай: Fudan University press, 2005. 558 с. (на кит. языке).
10. Чэн Манли. Массовые коммуникации и формирование национального имиджа // Международная журналистика. 2007. № 3. С. 5–10 (на кит. языке).
11. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. 446 с.
12. Сюй Сяогэ. Проблема национального имиджа в международной новостной коммуникации // Журналистика и коммуникационные исследования. 1996. № 2. С. 35–48 (на кит. языке).
13. Ли Чжи. Национальный имидж Китая: интерпретация конструктивизма в эпоху глобальной коммуникации. Пекин: Xinhua Publishing House, 2011. 153 с. (на кит. языке).
14. Тан Гуанхун. О национальном имидже // Международные исследования. 2004. № 4. С. 19–46.

15. Хэ Хуэй, Хуан Дяньлинь, Лю Пэн. Построение национального имиджа в среде новых медиа должно соответствовать закону коммуникации // *External Communication*. 2007. № 7. С. 44–47 (на кит. языке).
16. Чэн Манли, Массовые коммуникации и формирование национального имиджа // *Международная журналистика*. 2007. № 3. С. 5–10 (на кит. языке).
17. Лю Хуэй. Формирование национального имиджа: невыносимая тяжесть массовой коммуникации // *Современные коммуникации (Журнал Коммуникационного университета Китая)*. 2015. Том 37, № 12. С. 46–50 (на кит. языке).
18. Сяо Чуньфэн. Характеристики и мышление визуальной коммуникации национального имиджа в эпоху всех медиа // *Новые медиаисследования*. 2019. Том 24, № 5. С. 124–127 (на кит. языке).
19. Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. 244 с.
20. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 598 с.
21. Ли Суйань. Образ России в Китае: 1949–2010. Харбин, 2012. 487 с.
22. Чжан Гуаньянь. Художественный образец современного ревизионизма: дискуссия о фильмах Григория Чухрая // *Shandong Literature*. 1964. № 2. С. 2–22 (на кит. языке).
23. Чжан Вэньвэй. Анализ международного статуса России после холодной войны // *Журнал учительского колледжа Шанграо*. 1998. № 1. С. 74–79 (на кит. языке).
24. Ши Тяньцзин. Путинская «управляемая демократия» и российские СМИ // *Молодежный репортер*. 2006. № 19. С. 63–65 (на кит. языке).
25. Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 04.05.2021).

Models of municipal management and personnel exchange with regions: are the implemented practices effective?

R. F. Turovsky¹, A. P. Lyutikova¹

¹National Research University "Higher School of Economics", 20 Myasnitckaya str., Moscow 101000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-270-285

Research Article
Full text in Russian

The reform of the municipal system carried out since 2010 has revealed changes in the models of power organization and the growing interest of the federal authorities in the formation of reliable managerial personnel at the local level. The analysis of biographies of heads of municipalities in 80 subjects of the Federation, conducted by the authors of the article, showed that the state authorities actively use the municipal level as a personnel reserve. The study systematizes data on the choice of municipalities of one of the three main management models – the model of an elected head, a single-headed model of a city manager and a two-headed model. The article shows that the process of recruiting the municipal elite in Russia since 2010 has been intertwined with the formation of the state bureaucracy and the deputy corps, and the regional and municipal elite have become inseparable from each other, which corresponds to the peculiarities of the functioning of regional political regimes in Russia, where there are no two independent levels of power. The paper uses statistical methods to confirm the expediency of switching to non-electoral models for determining municipal heads from the point of view of stabilizing the political regime. The authors conclude that the reform of local self-government contributed to the formation of a unified system of public power in Russia before the constitutional reform of 2020, and the merging of the regional and municipal elite has a stabilizing political effect, playing an important role in strengthening the existing political regime.

Keywords: local self-government; local self-government reform; vertical of power; municipal heads; local elites; personnel policy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Turovsky, Rostislav F. | E-mail: RTurovsky@hse.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Politics), Professor

Lyutikova, Alina P. | E-mail: ap.lyutikova@gmail.com
| Student

Funding: RFBR, project 20-011-31200

For citation: Turovsky R. F., Lyutikova A. P. Models of municipal management and personnel exchange with regions: are the implemented practices effective? // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 270-285. (in Russ.)

Модели муниципального управления и кадровый обмен с регионами: эффективны ли реализуемые практики?

Р. Ф. Туровский¹, А. П. Лютикова¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-270-285
УДК 321.02

Научная статья
Полный текст на русском языке

Проводимое с 2010 года реформирование муниципальной системы выявило смену моделей организации власти и возрастающую заинтересованность федеральных властей в формировании надежных управленческих кадров на местном уровне. Анализ биографий глав муниципалитетов в 80 субъектах Федерации, проведенный авторами статьи, показал, что государственная власть активно использует муниципальный уровень в качестве кадрового резерва. В исследовании систематизируются данные о выборе муниципалитетами одной из трех основных моделей управления: модели выборного главы, одноглавой модели сити-менеджера и двуглавой модели. В статье показано, что процесс рекрутирования муниципальной элиты в России с 2010 года переплетен с формированием государственной бюрократии и депутатского корпуса, региональная и муниципальная элита стали неотделимыми друг от друга, что соответствует особенностям функционирования региональных политических режимов в России, где не возникло двух самостоятельных уровней власти. В работе с помощью статистических методов подтверждается целесообразность перехода к невыборным моделям определения муниципальных глав с точки зрения стабилизации политического режима.

Авторами делается вывод о том, что реформирование местного самоуправления способствовало формированию в России единой системы публичной власти до проведения конституционной реформы 2020 года, а сращивание региональной и муниципальной элиты имеет стабилизирующий политический эффект, играя важную роль в укреплении существующего политического режима.

Ключевые слова: местное самоуправление; реформа местного самоуправления; вертикаль власти; муниципальные главы; локальные элиты; кадровая политика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Туровский, Ростислав Феликсович (автор для корреспонденции)	E-mail: RTurovsky@hse.ru Доктор политических наук, профессор департамента политики и управления
Лютикова, Алина Павловна	E-mail: ap.lyutikova@gmail.com Студентка магистратуры

Финансирование: РФФИ, проект № 20-011-31200 «Регионально-локальные отношения в условиях формирования единой системы публичной власти в современной России: теория и практика».

Для цитирования: Туровский Р. Ф., Лютикова А. П. Модели муниципального управления и кадровый обмен с регионами: эффективны ли реализуемые практики? // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 270-285.

Проблематика организации местного самоуправления и эффективности его устройства давно находится в фокусе внимания исследователей. На протяжении последних двух десятилетий в субъектах Федерации происходит активное реформирование муниципальной системы, в частности, в 2010-е годы наблюдался рост числа случаев смены моделей организации власти на локальном уровне. Кроме того, из-за институциональных особенностей действующего политического режима, среди которых важны ориентированность на предсказуемые результаты выборов и иерархизация территориальной системы, все больше возрастает заинтересованность федеральных властей в формировании надежных управленческих кадров на местах. Закономерным становится вопрос о том, насколько целесообразными и эффективными являются реализуемые реформы местного самоуправления и каковы реальные политические основания для их проведения.

Создание современной системы местного самоуправления в России происходило в несколько этапов. Основы были заложены еще в начале 1990-х гг., в период, характеризующийся стихийностью процесса формирования демократического самоуправления на фоне распада СССР и стремлением организовать новую систему по подобию западных федераций. С точки зрения классической теории федерализма, каждый уровень власти, не исключая местный, обладает собственными источниками доходов и имеет возможность, например, самостоятельно определять направления реализации расходной политики [1]. Так, принятый в 1995 г. закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» становится основой для формирования нормативно-правовой базы о местном самоуправлении на федеральном уровне, на уровне субъектов Федерации и, собственно, на муниципальном уровне¹. Особенностью данного этапа является преобладание прямых выборов глав муниципальных образований, что соответствует и концепции федерализма, предполагающей децентрализацию процесса принятия политических решений и распределение власти между ее разными уровнями.

В начале 2000-х гг. в рамках общефедерального курса на рецентрализацию политической системы был запущен очередной процесс административного реформирования. Ключевым моментом стало принятие в 2003 г. нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», имплементация которого в первой его версии происходила вплоть до 2009–2010 гг.² Основное назначение реформы заключалось в разграничении полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти, упорядочивании функций и приведении ресурсов МСУ в соответствие с объемом возлагаемых на него обязательств [2]. Однако фактически с помощью данной реформы федеральные власти стремились сформировать условия для обеспечения контроля политического процесса на всех уровнях системы.

Исследователи авторитарных режимов отмечают, что выборы на субнациональном уровне, в частности на локальном, могут способствовать консолидации авторитарного режима [3]. Например, с 2001 по 2012 гг. выборы мэров городов чаще

¹Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8267/print> (дата обращения: 25.02.2020).

²Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035> (дата обращения: 25.02.2020).

всего обеспечивали лояльность элит и позволяли федеральному центру задействовать их ресурсы, поскольку региональные и локальные режимы оказываются кооптированными во властную вертикаль [4]. Формирование иерархии не стоит рассматривать исключительно с точки зрения контроля федерального центра или же губернаторов за ситуацией на низовых уровнях. Для акторов локального уровня участие в данном процессе также выгодно в силу наличия доступа к благам, которые в ином случае оказываются недоступными. Важно, что интересы нижестоящих агентов не должны идти вразрез с общим политическим курсом. Так, в частности, из-за распространенности в прошлом конфликтов по линии «губернатор – мэр» к началу 2010-х гг. возникает запрос, во-первых, на пересмотр моделей управления МСУ и способов отбора глав муниципальных образований и, во-вторых, на обращение к кадровой политике, способствующей кооптации местных акторов в рамках консолидированного режима власти.

С 2014 г. вносятся многочисленные изменения в действующее законодательство, регулирующее устройство МСУ¹. В частности, региональные органы государственной власти получают право единолично определять порядок формирования органов местного самоуправления на территории субъекта. Процесс трансформации муниципальной системы в начале 2010-х гг. демонстрирует появление двух ключевых развилок. Заметим, что смена модели предполагает не только изменение способа избрания главы муниципального образования, но и формирование новой институциональной модели управления, пересмотр устройства локальных режимов. Первая развилка заключается в необходимости выбора между системой прямых выборов главы муниципалитета и отказом от подобной практики. Вторая подразумевает установление единоличной модели муниципального управления или же формирование двоецентричной муниципальной власти. Таким образом, для России 2010-х гг. становится характерным наличие трех основных моделей МСУ – модели прямых выборов мэра, предполагающей единоначалие муниципальной системы, одноглавой модели сити-менеджера (главы администрации), а также двуглавой модели (в лице главы представительного органа, официально руководящего муниципалитетом, и главы администрации).

Распространенная в начале 2010-х гг. на замену прямым выборам практика формирования двуглавой модели подразумевает, что руководство муниципалитета представлено как главой муниципалитета, так и главой администрации (сити-менеджером). При двуглавой модели власть главы муниципального образования обычно является номинальной [5]. По инициативе федерального центра муниципалитеты стали менять уставы, в которых отражалась ориентация на отмену прямых выборов. Вместе с тем начинает развиваться институт сити-менеджеров, работающих по контракту с советами муниципалитетов.

Согласно первоначальным положениям муниципальной реформы, треть членов конкурсных комиссий, отвечающих за отбор кандидатур сити-менеджеров, должна была определяться региональными администрациями. В дальнейшем про-

¹Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38501> (дата обращения: 27.02.2020).

цент представителей региональных администраций был увеличен до 50, что значительно усилило региональный контроль. Соответственно, формирование конкурсной комиссии попадает в ведение губернатора, а значит, справедливым будет заключить, что реформа МСУ привела к укреплению вертикали власти. Такая система виделась как более эффективный способ найма квалифицированного управленческого персонала, а также налаживания отношений между местной администрацией и исполнительной властью региона. Позитивной стороной подобных изменений среди прочих аспектов, таких как оптимизация финансовых расходов, обычно считается рост эффективности управления МСУ в силу повышения уровня профессионализма глав.

В свою очередь, возникшая позднее в связи с запросом на укрепление вертикали власти со стороны губернаторов одноглавая модель сити-менеджера подразумевает, что глава администрации назначается по конкурсу и является главой муниципального образования. При этом спикер представительного органа не является главой муниципального образования. Представляется, что именно эта модель больше всего отвечает интересам региональных властей, так как из ее наличия следует концентрация муниципальной власти в руках сити-менеджера, что закрепляет статус-кво с доминированием исполнительно-распорядительного органа власти в условиях снижения контроля со стороны муниципальной ассамблеи (поскольку ее председатель больше не глава муниципалитета) и роста контроля со стороны губернатора (с его преобладающим влиянием на состав конкурсной комиссии). Так решается задача управленческой оптимизации вертикали.

Таким образом, для российского квазифедерализма становится свойственным иерархический характер организации политического процесса в логике принципал-агентских отношений, при котором нижние уровни попадают в зависимость от вышестоящих акторов [6]. Ранее нами уже проводилось рассмотрение иерархической системы взаимоотношений между разными уровнями власти в России в рамках теории принципал-агентских отношений, и данный подход продемонстрировал свою состоятельность [7; 8]. Одной из задач выстраиваемой системы является обеспечение агентами на местах удовлетворительных для принципала электоральных результатов, но при этом отношения между принципалами и их агентами в целом характеризуются расхождением интересов и тенденцией со стороны агента уклоняться от ответственности, установленной принципалом.

В силу территориальных масштабов России осуществление контроля требует институционального закрепления. Как принятие местным руководством решения об отмене прямых выборов глав МСУ, так и реализация кадрового обмена между уровнями власти являются закономерными инструментами для обеспечения контроля деятельности местных органов власти, которые, в свою очередь, находясь на самом низовом уровне, напрямую взаимодействуют с населением, а значит, и потенциальным электоратом. В частности, в соответствии с теорией патрон-клиентских отношений, доминирующая ранее модель прямых выборов, при которой главы муниципалитетов избираются населением, становится неудобной для обеспечения контроля над ресурсами и регулирования локальной политики, и предпочтение отдается моделям, при которых главы муниципалитетов тем или иным способом назначаются. Возможной является и «компромиссная» модель сити-менеджера, при которой глава муниципального образования избирается населением, но является спикером представительного органа. Подобная модель позволяла региональной

элите влиять на администрации муниципалитетов, как например, в случае Екатеринбурга в 2013 г. Более надежные патрон-клиентские сети тем не менее складываются при классической модели сити-менеджера, которая не предполагает прямых выборов глав МСУ. Закономерным представляется и сценарий, при котором на пост сити-менеджера назначается актер, связанный с губернаторской клиентелой.

Несмотря на заключения ряда исследователей о том, что российская муниципальная система оказалась встроенной в единую властную вертикаль, наблюдение результатов реформы все еще представляется актуальной задачей. Научное сообщество неоднократно обращалось к анализу реорганизованной муниципальной системы, в частности, к подробному описанию данной реформы МСУ и наблюдению за динамикой установления вариативных моделей управления муниципальными образования [9; 10; 11], однако открытым остается вопрос о том, какие эффекты имели рассматриваемые преобразования на действующую политическую систему. Что примечательно, эмпирического подтверждения эффективности реформы с точки зрения поддержания действующего политического режима не было. В качестве исключения можно указать на близкую по проблематике работу А. Трудолюбова и М. Экбы, которые с опорой на статистический анализ установили факт бесполезности реформы МСУ с точки зрения вопроса территориального деления субъектов [12]. Кроме того, эти авторы отметили отсутствие значимой динамики в исследованиях данной реформы. Таким образом, настоящая работа является новой попыткой поиска объективных оснований для утверждений о том, что реализуемая центром реформа МСУ привела к ожидаемым результатам с точки зрения сближения двух уровней власти и усиления иерархического политического контроля.

Ключевой вопрос данного исследования состоит в следующем: какой эффект оказывает консолидация публичной власти в регионах (через кадровый взаимообмен и через укрепление и упрощение управленческой вертикали) на электоральную эффективность всей действующей власти. В силу того, что политический режим в России принято рассматривать через призму критической важности выборов для сохранения политической стабильности, для ответа на поставленный вопрос мы обратимся к наблюдению за поддержкой президента страны населением с акцентом на то, как влияет реформирование муниципального уровня власти на способность системы обеспечивать ожидаемые центром результаты. Иными словами, нам необходимо установить, насколько результативны меры по иерархизации политической системы и, в частности, инкорпорированию МСУ в эту систему.

Цель данного исследования состоит в необходимости проанализировать распространенность различных практик управления муниципалитетами на территории регионов России с определением их влияния на устойчивость действующего политического режима, а также обозначить связанные с этим тенденции в кадровой политике муниципального уровня. Анализ кадровой политики на муниципальном уровне и процессов рекрутирования муниципальных акторов, наблюдение за хронологией реформирования системы управления муниципальными районами и городскими округами на территориях разных субъектов Федерации могут позволить сделать заключения о том, насколько эффективной оказывается политика федеральных властей по реформированию МСУ.

Эмпирическая часть исследования состоит из нескольких разделов. Во-первых, проводится биографический анализ, целью которого является поиск основа-

ний для объективных заключений о процессе сближения регионального и муниципального уровней власти через наблюдение переходов акторов между уровнями. На основе данного анализа мы намереваемся продемонстрировать наиболее характерные случаи обмена кадрами на примере нескольких регионов. Биографический анализ предусматривает изучение корпуса муниципальных руководителей (глав муниципальных образований и/или глав администраций, в зависимости от модели местного самоуправления) с точки зрения наличия определенных биографических характеристик, значимых для данного исследования: опыт работы в органах государственной власти (федеральных и региональных органах), опыт работы в органах муниципальной власти, в т. ч. представительной (законодательной) власти регионального и муниципального уровня, органах региональной исполнительной власти, муниципальных администрациях; опыт партийной деятельности и партийная принадлежность.

Во-вторых, производится анализ сменяемости моделей МСУ в разных субъектах страны. Актуальность наших подсчетов основывается на том, что если ранее экспертами и делались заключения о тенденциях развития данных процессов, то они основывались преимущественно на данных о региональных центрах, то есть выборка ограничивалась примерно 80 наблюдениями. В данной работе проводится изучение более широкой совокупности муниципальных образований с последующими заключениями о том, в какие годы происходила трансформация системы в разных субъектах и какая доминирующая модель устанавливалась в том или ином регионе. Осуществляется анализ нормативно-правовых актов муниципальных образований и региональных СМИ на предмет того, в какой период происходила смена модели МСУ, какая модель имела место до перехода и после.

В-третьих, мы осуществляем построение простой линейной регрессии для проверки влияния смены моделей на политическую эффективность действующей власти. Иными словами, мы стараемся определить, влияет ли консолидация двух уровней публичной власти в регионах на поддержку действующего президента.

Наше исследование охватывает период с 2005 по 2020 гг. Особенностью данного периода является то, что в эти годы происходит, продолжаясь и по сей день, имплементация реформы МСУ 2003 г. Выбранные хронологические рамки позволяют делать заключения о том, с какой интенсивностью происходила консолидация политической системы в разных субъектах Федерации.

Анализ кадровой политики, основанный на рассмотрении биографий более 2000 глав муниципалитетов в России, продемонстрировал наличие схожей траектории профессионального продвижения муниципальных глав, которую можно описать, как кадровый лифт. Наиболее распространенной практикой является переход муниципального руководства в представительные органы власти вышестоящего, т. е. регионального и федерального уровня. Закономерно и то, что большинство акторов являются аффилированными с партийными организациями, преимущественно с «Единой Россией». В качестве примера можно привести Б. Хохрякова – главу города и главу администрации Нижневартовска с 2003 по 2011 гг. До момента вступления на пост главы Нижневартовска он возглавлял одноименный район в Ханты-Мансийском АО, а после стал председателем Думы региона. В. Волончунас, глава Ярославля с 1995 по 2012 г., после отставки стал депутатом областной Думы.

Наибольший интерес представляют случаи, когда мэры городов становятся главами регионов. Можно отметить А. Козлова, который стал губернатором Амурской области, до этого возглавляя администрацию Благовещенска. Начав политическую карьеру на посту заместителя министра строительства, архитектуры и ЖКХ и продолжив ее в качестве министра в Амурской области, А. Козлов после отставки с губернаторского поста переходит на федеральный уровень и занимает позицию министра по развитию Дальнего Востока и Арктики, а затем – главы Минприроды. Показательна также биография Д. Азарова, занимавшего в 2010–2014 гг. пост главы городского округа Самары. С 2018 г. Д. Азаров становится губернатором Самарской области, однако в данном случае показательна не только формирование тесной связи между муниципальным и региональными уровнями. В 2014–2017 гг. этот политик был членом Совета Федерации, успев, таким образом, поработать и на федеральном уровне.

В качестве ярких примеров также стоит упомянуть А. Кокорина, Д. Кобылкина и С. Носова. А. Кокорин, ранее глава администрации г. Шадринска Курганской области, впоследствии занимал пост губернатора данного региона. Аналогичным образом Д. Кобылкин, являясь экс-главой Пуровского района Ямало-Ненецкого АО, переходит на позицию главы региона, а затем – министра природных ресурсов и экологии РФ. А С. Носов, мэр Нижнего Тагила, становится губернатором уже совсем другого региона – Магаданской области. Есть и другие случаи, когда мэры, становясь губернаторами, покидали свои субъекты Федерации. Например, А. Травников в 2012 г. стал мэром Череповца, а в 2016 г. возглавил администрацию Вологды. После этого он назначается губернатором Новосибирской области. Примечательно, что политическая карьера обозначенных политиков изначально напрямую не связана с работой в региональных центрах. Справедливым будет заключить, что руководство муниципалитетом вне региональных столиц также может восприниматься в качестве источника пополнения кадров для управления субъектами Федерации, несмотря на, казалось бы, более низкий статус этих муниципальных образований.

Конечно, не все муниципальные главы достигают позиции главы исполнительной власти субъекта Федерации, но тем не менее большой ряд политиков, возглавлявших ранее муниципальные администрации, впоследствии был инкорпорирован в региональные органы власти. Например, Ю. Маков, глава городского округа Волгореченск, и А. Резунов, глава администрации Красногорского района, были назначены заместителями губернаторов Костромской и Брянской областей соответственно. С. Бидонько, глава администрации Карпинска, также имел схожий путь продвижения по службе в Свердловской области.

Еще один важный процесс – это обратные перетоки кадров с регионального на муниципальный уровень. Например, П. Березовский, ставший в 2016 г. мэром Шимановска, до этого являлся советником губернатора Амурской области. Еще один интересный пример – Е. Никора, глава администрации Мурманска. Его биография примечательна тем, что, являясь председателем Мурманской областной думы в 2008–2011 гг., а затем заместителем губернатора данного региона в 2016–2019 гг., он после этого возглавляет ключевую муниципальную администрацию в регионе, таким образом становясь связующим звеном между разными уровнями политической системы.

Как нами уже отмечалось, консолидация регионального и местного уровней власти не только основывается на кадровом взаимообмене, но и регламентируется

институциональными ограничениями. В случае анализа изменения моделей формирования местных органов власти стоит отметить исследование А. Трудолюбова, в котором автор делает вывод о наличии тенденции в пользу отказа от модели прямых выборов на примере поселений в регионах ЦФО [13]. В рамках нашего исследования мы расширяем географические рамки и рассматриваем 2058 кейсов на предмет изменения или же сохранения в них системы управления МСУ в 80 субъектах РФ. Исключение составили города федерального значения Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, а также Московская и Ленинградская области, т. е. субъекты без областных центров. В 1471 случае, то есть в подавляющем большинстве, наблюдалась смена управленческих моделей в муниципальном образовании, в остальных – сохранение ранее установленной системы формирования органов власти. Важно отметить, что часть рассмотренных кейсов отражает последовательный «двойной» переход. Так, например, в Барнауле и Нижнем Новгороде в 2010 г. произошел переход от модели выборного главы к двуглавой модели, а в 2018 г. она сменилась на одноглавую модель сити-менеджера. Аналогичная ситуация последовательно наблюдалась в 2010 и 2014 гг. в Великом Новгороде, в 2010 и 2015 гг. в Оренбурге и Челябинске, в 2011 и 2016 гг. в Петропавловске-Камчатском и Ханты-Мансийске, в 2011 и 2018 гг. в Ульяновске, в 2014 и 2015 гг. в Самаре. Уже при первом рассмотрении становится очевидным, что смена моделей на территории Российской Федерации не была синхронной.

Примечательно, что выборка кейсов за период начала реформы с 2005 по 2009 гг. включает только 31 случай смены моделей. Например, за это время произошел переход от прямых выборов глав к двуглавой модели в 6 муниципалитетах Карачаево-Черкесской республики, а также в 14 муниципалитетах Алтайского края. Единичные случаи наблюдались в республиках Дагестан, Карелия и Чувашия, Красноярском крае, Курганской, Самарской, Нижегородской, Тамбовской и Тверской областях. Во всех указанных случаях смена моделей происходила в муниципальных районах и также в трех городах – Новоалтайске, Сызрани, Минусинске, но процесс смены моделей МСУ в интересах губернаторов в более крупных муниципальных образованиях начался с заметным запозданием.

В то же время основной массив собранных нами данных содержит информацию по кейсам гораздо более активной смены системы муниципального управления между 2010 и 2020 гг., что совпадает и с интенсификацией кадрового обмена между региональным и местным уровнями власти. Стоит отметить общую тенденцию сменяемости моделей с переходом от модели выборного главы муниципалитета к двуглавой модели, а после (но еще далеко не везде) – к одноглавой модели сити-менеджера. Однако в разных субъектах Федерации процесс смены моделей тем не менее имеет свои особенности. Для установления того, как он протекал в отдельных муниципалитетах, нами был проведен анализ нормативно-правовых актов муниципальных районов и городских округов, а также изучались данные о проведении муниципальных избирательных кампаний. Нами фиксировались, во-первых, модель МСУ, действующая на конец 2020 г., и, во-вторых, модель (или модели в случае повторного «перехода»), которая действовала ранее, при обнаружении факта смены процедуры формирования органов власти муниципалитета. Соответствующие изменения, как правило, отражаются в виде поправок к документам и отмечаются экспертами в региональных СМИ. На основе проведенного анализа релевантным представляется выделение несколько тенденций:

I. Сохранение модели выборного главы и отсутствие смены модели

Напомним, что модель прямых выборов глав предполагает избрание главы муниципалитета на прямых выборах, по итогам которых избранный кандидат становится главой администрации. Подобная практика была распространенной в России до 2009–2010 гг., однако, как показал наш анализ, даже после очередного реформирования системы в 2014 г. и массового перехода значительного числа муниципальных образований к иным процедурам определения своих глав модель прямых выборов все же сохранилась в ряде субъектов. Например, преобладание прямых выборов глав наблюдается в муниципалитетах Якутии, Чукотского АО и Псковской области. Примечательно, что в Псковской области только в двух основных городах – Пскове и Великих Луках – действует более удобная для губернатора двуглавая модель сити-менеджера. На обозначенных территориях в период с 2005 по 2020 гг. факты смены моделей случаются в единичных случаях. Кроме того, можно отметить Архангельскую, Амурскую, Вологодскую и Костромскую области, в которых около трети муниципалитетов первого уровня сохранили практику прямых выборов.

II. Сохранение двуглавой модели сити-менеджера

Процесс смены выборной модели на двуглавую между 2005 и 2020 гг. не был зафиксирован по причине отсутствия документального подтверждения смены модели в уставах муниципалитетов и иных сведений о трансформации системы, находящихся в открытом доступе. Поэтому мы считаем справедливым заключить, что на территории следующих регионов практика двоецентриа муниципальной власти имеет достаточно продолжительную историю. Муниципалитеты с двуглавой системой преимущественно расположены в республиках, в частности в Башкортостане, Кабардино-Балкарии, Марий Эл, Северной Осетии, Татарстане, Туве. В данную группу также можно включить Брянскую, Владимирскую, Пензенскую, Тульскую и Ульяновскую области.

III. Переход от модели выборного главы к двуглавой модели

В ряде случаев обращение к двуглавой модели стало промежуточным этапом на пути к обращению к одноглавой модели сити-менеджера. Однако в значительной части регионов после отмены прямых выборов сохраняется система управления муниципалитетами как главой муниципального образования, так и сити-менеджером. В группу таких субъектов на основе нашего анализа вошли Карачаево-Черкесия, Карелия (частично), Республика Коми (частично), Чеченская Республика, Чувашия, Хабаровский край, Амурская, Архангельская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Курганская, Липецкая, Мурманская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Тульская, Ульяновская области. Переход в регионах не происходил одновременно. В каждом регионе наблюдалась особая траектория формирования доминирующего принципа организации МСУ.

IV. Переход от модели выборного главы к одноглавой модели сити-менеджера

В числе субъектов, в которых наблюдался непосредственный переход от модели выборного главы к системе единоличного правления сити-менеджером, можно обозначить следующие территории: республики Адыгея и Алтай, Краснодарский край, Свердловская, Челябинская, Оренбургская, Новосибирская, Омская, Новгородская, Томская, Сахалинская области.

V. Переход от двуглавой модели к одноглавой модели сити-менеджера

Как в случае территорий, где сохраняется двуглавая модель, в данной группе субъектов Федерации до 2010-х гг. также действовал принцип двоецентриа муниципальной власти. Переход к одноглавой модели впоследствии наблюдался нами в муниципалитетах в республиках Мордовия и Дагестан, а также в Саратовской и Смоленской областях.

VI. Переход от выборной модели главы МСУ к двуглавой и затем к одноглавой модели сити-менеджера

Ряд регионов за последние десятилетия переживал особенно частые изменения в организации муниципальной власти. В частности, в Алтайском и Красноярском краях, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Тамбовской, Тверской областях и Ханты-Мансийском АО в муниципалитетах система выборного главы сменилась на двуглавую, а затем – на одноглавую. При этом на некоторых территориях, например в Самарской области, модели сменялись с разницей в 1–2 года (2014–2016 гг.), в то время как в других двуглавая система устанавливалась в 2010 г., а одноглавая постепенно принималась муниципалитетами между 2015 и 2018 гг.

В целом процесс преобразования системы МСУ в разных субъектах, независимо от группы, в которую они были нами включены, происходил вариативно, т. е. где-то модели МСУ менялись повсеместно и одновременно, а где-то хаотично распространялись на территории субъектов. Например, в Вологодской области в части муниципалитетов модель прямых выборов сменялась двуглавой моделью, в других сохраняется выборная модель, а в редких случаях закрепляется одноглавая модель. Кейс Камчатского края демонстрирует, что в регионе происходит активная смена моделей, но выборная модель может сменяться как одноглавой, так и двуглавой моделью. В Костромской области, напротив, в редких случаях происходит смена моделей, но наблюдается сохранение либо выборной модели, либо двуглавой. Практически идентичная ситуация в Курганской области: в данном субъекте не обнаружено доминирующей модели, распространенными являются и двуглавая модель, и модель выборного главы. В Ингушетии в ряде муниципалитетов сохранялась одноглавая модель, в другой части – двуглавая сменялась на одноглавую. При этом для Ингушетии становится характерной именно одноглавая модель сити-менеджера.

В рамках нашего анализа было выявлено, что одноглавая модель сити-менеджера была принята в 938 из рассмотренных кейсов, двуглавая – в 918 кейсах, при

этом в 280 случаях двуглавая модель являлась переходной, то есть в ряде муниципальных образований после нее была внедрена модель, при которой власть концентрируется в руках одного политического актора, то есть сити-менеджера.

Важным аспектом нашего наблюдения сменяемости моделей МСУ является определение интенсивности данного процесса (рис. 1).

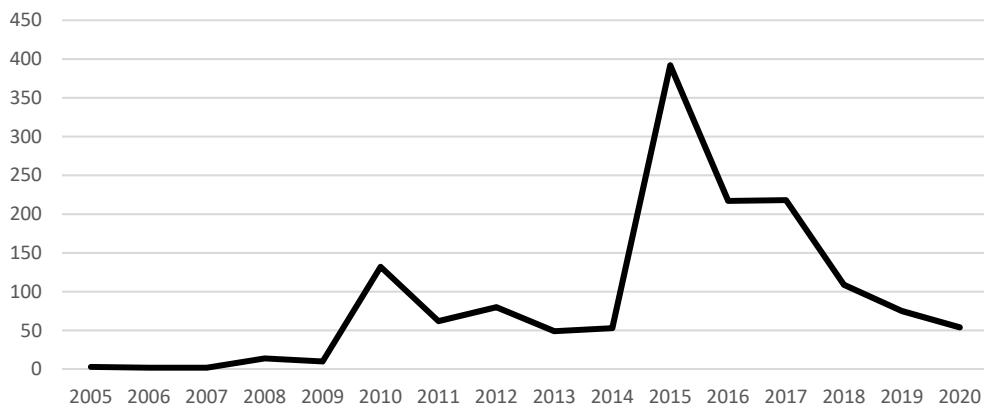

Рисунок 1. Интенсивность смены моделей МСУ, 2005–2020 гг.

Можно заметить, что пики интенсивности смены моделей приходятся на 2010 и 2015 гг. До 2010 г. включительно в основном наблюдается переход от выборной модели к двуглавой модели сити-менеджера. Яркими примерами являются Чувашия, Красноярский край и Нижегородская область. Массовый переход к одноглавой модели сити-менеджера начинается в 2015 г., после изменения многими муниципалитетами в 2014 г. своих уставов и накануне думских выборов 2016 г. В этот период как муниципалитеты, в которых прежде функционировала двуглавая модель, так и те, в которых глава определялся на прямых выборах, стали переходить на одноглавую модель управления.

В 2015 г. наиболее интенсивная смена моделей происходила в Дагестане, Красноярском крае, Оренбургской, Ростовской, Самарской, Смоленской, Челябинской областях. Напомним, что в Оренбургской и Челябинской областях осуществлялся переход от модели выборной непосредственно к одноглавой, а в Дагестане и Смоленской области – от двуглавой к одноглавой, в то время как в остальных упомянутых регионах до 2015 г. происходила отмена прямых выборов глав в пользу двуглавого управления мэром и сити-менеджером одновременно. Затем в 2016 г. одноглавая модель устанавливается в большинстве муниципалитетов Мордовии, Удмуртии, Саратовской области и Ханты-Мансийского АО. В 2017 г. муниципалитеты Алтайского края переходят с двуглавой модели на одноглавую, в Ярославской и Сахалинской областях отменяются прямые выборы глав и также устанавливается модель сити-менеджера. В Курганской области реформирование МСУ происходит преимущественно в 2019 г. В Нижегородской и Томской областях переход от двуглавой модели к одноглавой стал происходить недавно, стартовав в 2019 г. и продолжаясь в 2020 г.

Стоит заметить, что в ряде регионов смена моделей происходила более интенсивно: в Орловской области и Ханты-Мансийском АО – в 2015–2016 гг., в Свердловской области и Забайкальском крае – в 2016–2017 гг., в Сахалинской области – в 2017–2019 гг., в Томской и Нижегородской областях – в 2019–2020 гг. В других субъектах данный процесс происходил постепенно, растягиваясь на несколько лет: в Тамбовской области он протекал между 2015 и 2018 гг., в Краснодарском крае и Новгородской области – дольше на один год, между 2015 и 2019 гг., в Тверской области – с 2015 по 2020 гг., в Липецкой области – с 2016 по 2019 гг.

В рамках проверки влияния реформирования муниципальной системы в России на электоральную эффективность мы обратились к тестированию простой линейной регрессии, в которой в качестве отклика принимается доля голосов за В. Путина на президентских выборах 2018 г. (табл. 1). В выборку попали 88 наблюдений, преимущественно по региональным столицам и нескольким другим крупным городам (например, Нижний Тагил, Тольятти, Сургут и т. д.). В качестве ключевых независимых переменных использовались закодированные нами данные по моделям МСУ и факту их сменяемости. Так, модели выборного главы соответствовало значение категориальной переменной, равное 1 (при тестировании регрессионной модели категория является базовой, в табл. 1 представлена в виде константы), одноглавой модели сити-менеджера – 2, а двуглавой – 3. Для контролирования внешних эффектов нами принимались во внимание показатели, полученные в рамках проекта Агентства политических и экономических коммуникаций с его ежегодными рейтингами эффективности городского управления. Использовались оценки политической эффективности муниципальной власти, эффективности бюрократического аппарата и эффективности социально-экономической политики.

Тестирование модели продемонстрировало состоятельность утверждений о влиянии принципов организации МСУ на электоральные результаты действующей федеральной власти. В частности, коэффициенты при переменных дают основания говорить о том, что при выборной модели главы в среднем уровень поддержки В. Путина муниципалитетами составляет сравнительно невысокие 57 %. В данном случае стоит принимать во внимание и специфику выборки, а именно – рассмотрение преимущественно региональных центров, которые, как правило, характеризуются более протестным голосованием. Но и в этих условиях справедливым будет сказать, что установление в муниципалитете как одноглавой, так и двуглавой модели сити-менеджера способствует росту поддержки президента на 7,5–8 п.п. При этом переменная, фиксирующая факт сменяемости модели МСУ в период с 2005 по 2017 гг. включительно, имеет значение, но политическая турбулентность, вызванная сменой модели, приобретает негативные последствия для поддержки президента. Кроме того, на поддержку президента позитивно влияет политическая эффективность городской власти (что может казаться очевидным), но при этом эффективность городской бюрократии (рассчитываемая по другим критериям) оказывает отрицательное воздействие¹.

¹Показатели бюрократической эффективности в данном случае связаны главным образом с оптимизацией численности городской бюрократии и бюджетных расходов на нее, что, как видно, не способствовало росту электоральной поддержки федеральной власти. На самом деле это даже подкрепляет тезис о позитивном влиянии политической эффективности городской власти на поддержку президента страны: эта поддержка растет также в случае более мощного и обильно финансируемого бюрократического аппарата на местах.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа

	<i>Зависимая переменная:</i>	
	Поддержка В.Путина (2018,%)	
Одноглавая модель	7.987***	(2.546)
Двуглавая модель	7.515***	(2.373)
Смена модели	-3.695**	(1.654)
Эффективность политики	43.393***	(9.309)
Эффективность бюрократии	-38.356***	(12.951)
Эффективность соц.эконом. политики	16.521	(15.520)
Константа	57.085***	(8.500)
Наблюдения	88	
R ²	0.309	
Adjusted R ²	0.257	
Residual Std. Error	6.742 (df = 81)	
F Statistic	6.023*** (df = 6; 81)	
<i>Примечание:</i>	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01	

Таким образом, наше исследование показало, что инициированное центром в начале 2000-х гг. реформирование муниципальной системы управления, а также последовавший за этим в 2010-е гг. повторный пересмотр принципов организации управления на локальном уровне приносят свои плоды для политического режима в России. Кроме того, несмотря на формальное отделение местного самоуправления от государственной власти, процесс рекрутирования муниципальной элиты в России с этого времени тесным образом переплетен с формированием государственной бюрократии и депутатского корпуса.

С опорой на анализ биографий глав муниципалитетов в 80 изученных субъектах Федерации было установлено, что федеральный уровень власти активно использует муниципальный уровень в качестве кадрового резерва. Наиболее интенсивным с точки зрения частоты наблюдаемых случаев является обмен кадрами между муниципальными администрациями, местными и региональными парламентами. Одним из направлений карьерного развития политиков местного уровня является переход со службы в качестве главы муниципального района или городского

округа в корпус депутатов. Но более важным политическим лифтом представляется переход муниципальных кадров в органы управления субъектами Федерации. Как показал наш анализ, подобная практика обозначилась в 2010 г. и продолжается до настоящего момента. Наблюдаются и обратные случаи, когда не только главы региональных столиц, но и руководители районных администраций приходят из регионального правительства. Кроме того, некоторые муниципальные руководители перемещаются в Федеральное правительство, а также становятся депутатами Госдумы или членами Совета Федерации. Примечательно, что циркуляция элит происходит в обоих направлениях, с муниципального на региональный и с регионального на муниципальный. Таким образом, происходит укрепление патрон-клиентских сетей в регионах, что консолидирует региональную управленческую систему, преодолевая прежние конфликты между губернаторами и мэрами.

Также исследование продемонстрировало целесообразность перехода к невыборным моделям определения муниципальных глав с точки зрения стабилизации политической системы. Регрессионный анализ является эмпирическим подтверждением того, что новая организация системы управления на локальном уровне способствует укреплению политического режима, что в значительной мере проявляется в поддержке действующего президента населением на выборах. При этом мы обнаружили, что как обращение к одноглавой модели сити-менеджера, так и установление двуглавой модели повышает электоральную эффективность существующего режима. Но при этом муниципальные реформы могут иметь и негативные эффекты, связанные с временным ростом политической турбулентности в период смены модели МСУ.

Итак, мы можем заключить, что в современной России региональная и муниципальная элита стали неотделимыми друг от друга, что соответствует особенностям функционирования региональных политических режимов в России, где не возникло двух самостоятельных уровней власти. Конвергенция региональной и муниципальной элиты в условиях муниципальной реформы, стартовавшей с принятием федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в 2003 г., взаимосвязана с выросшей потребностью в тесной кооперации региональной и муниципальной власти. Муниципальная элита является важным кадровым резервом для органов государственной власти. Даже при наличии политических издержек в виде потери автономии локального уровня можно говорить о том, что реформа способствовала формированию в России единой системы публичной власти, а фактическое сращивание региональной и муниципальной элиты имеет стабилизирующий политический эффект в регионах, играя важную роль в укреплении существующего политического режима.

Ссылки / References

1. Rodden J. A. *Federalism // The Oxford handbook of political economy*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2006. P. 357–373.
2. Гельман В. Я. *От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et contra*. 2007. Т. 11. № 1. С. 6–18.
3. Reuter O. J. *Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections // Comparative Political Studies*. 2016. № 49 (5). P. 662–697.

4. Гельман В., Рыженков С. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 4. С. 130–151.
5. Young J. F. Russia's elusive pursuit of balance in local government reform // *Federalism and Local Politics in Russia*. Cameron Ross und Adrian Campbell (eds.). London and New York: Routledge, 2009. P. 248–262.
6. Faure-Grimaud A., Laffont J. J., Martimort D. Risk averse supervisors and the efficiency of collusion // *Contributions to Theoretical Economics*. 2002. Vol. 2. № 1. Available at: London: LSE Research Online http://eprints.lse.ac.uk/20/2/A_Faure-Grimaud.pdf
7. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 12 (058). С. 159–167.
8. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // *Pro nunc. Современные политические процессы*. 2015. № 1 (14). С. 82–98.
9. Лапин В. А., Челпан П. И. Самокупаемая реформа? На пути к устойчивому развитию // *Полития*. 2003. № 4. С. 91–108.
10. Campbell A. Vertical or triangle? Local, regional and federal government in the Russian Federation after Law 131 // *Federalism and Local Politics in Russia*. Cameron Ross und Adrian Campbell (eds.). London and New York: Routledge, 2008. P. 279–299.
11. Wollmann H., Gritsenko E. Local Self-Government in Russia-between de-centralisation and re-centralisation // *Federalism and local politics in Russia*. Cameron Ross und Adrian Campbell (eds.). London and New York, 2009. P. 227–248.
12. Трудолюбков А. С., Экба М. А. Опыт реформирования административно-территориального деления на поселенческом уровне в современной России // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. № 3. С. 177–196.
13. Трудолюбков А. С. Эволюция моделей местного самоуправления на поселенческом уровне в современной России // *Политическая наука*. 2019. № 2. С. 95–123.

The structure of employment of pensioners in China in the context of reforming the pension system

You Min¹, I. Yu. Kiselev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-286-305

Research Article
Full text in Russian

In the article the results of sociological research, directed to the study of pensioners' employment structure in China under the situation of pension system's reformation and gradual increase of retirement age, are presented. It is demonstrated that the level of pensioners' employment in China remains relatively low. The major incentives to continue labor activities are of economic origin and deal with the low pension and desire to have savings for the future.

Low wages and unfavorable terms of work are becoming the main barriers to employment of working pensioners. As the reason for their unemployment the non-working pensioners name the absence of vacancies, corresponding to their qualifications. It is established that the further labor activities for almost half of the pensioners is accompanied by a change of place of work and / or profession. There is an outflow of pensioners from such spheres of employment as power structures (army, security agencies), government bodies, finance and insurance, and industry. Agriculture is becoming the "accepting" industry for pensioners. After retirement, the number of employees in state-owned enterprises is reduced. Simultaneously, there is an increase in the share of pensioners in private enterprises; they become entrepreneurs or the self-employed. At the same time, pensioners are often employed in low-skilled labor. In this regard, the reform of China's pension system, including raising the retirement age, should be accompanied by the development of measures to promote the employment of the elderly, taking into account both quantitative and qualitative aspects. Among them are: the subsidizing employment for pensioners, promoting the education of the elderly, developing measures for additional social support for working pensioners.

Keywords: employment; raising the retirement age; pensioners; motives for labor activities; working conditions; China

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

You, Min | E-mail: 261747567@qq.com
Graduate student

Kiselev, Igor Y. | E-mail: igkisselev@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Sociology), Professor, Head of the department of sociology

For citation: Min You, Kiselev I. Y. The structure of employment of pensioners in China in the context of reforming the pension system // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 286-305. (in Russ.)

Структура занятости пенсионеров Китая в условиях реформирования пенсионной системы

Ю Минь¹, И. Ю. Киселев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-286-305
УДК 316.334.22, 316.346.32-053.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение структуры занятости пенсионеров Китая в условиях реформирования пенсионной системы, в том числе постепенного повышения пенсионного возраста. Показано, что уровень занятости пенсионеров в Китае остается достаточно низким. Основные мотивы продолжения трудовой деятельности пенсионеров имеют экономический характер и связаны с низким размером пенсии и желанием сделать сбережения на будущее. Низкий размер оплаты труда и невыгодные условия найма становятся главными барьерами занятости работающих пенсионеров. Неработающие пенсионеры в качестве причины незанятости называют отсутствие вакансий, соответствующих их квалификации. Установлено, что продолжение трудовой деятельности почти для половины пенсионеров сопровождается сменой места работы и/или профессии. Наблюдается отток пенсионеров из таких сфер занятости, как силовые структуры (армия, органы безопасности), органы управления, финансы и страхование, промышленность. «Принимающей» отраслью для пенсионеров становится сельское хозяйство. После выхода на пенсию сокращается количество занятых на государственных предприятиях. Одновременно наблюдается увеличение доли пенсионеров на частных предприятиях, занятых предпринимательской деятельностью, самозанятых. При этом пенсионеры зачастую заняты низкоквалифицированным трудом. В связи с этим реформирование пенсионной системы Китая, в том числе повышение пенсионного возраста, должно сопровождаться разработкой мер содействия занятости пожилых с учетом как количественных, так и качественных аспектов. Среди них: субсидирование занятости для пенсионеров, содействие образованию пожилых людей, разработка мер дополнительной социальной поддержки работающих пенсионеров.

Ключевые слова: занятость; повышение пенсионного возраста; пенсионеры; мотивы трудовой деятельности; условия трудовой деятельности; Китай

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Минь, Ю | E-mail: 261747567@qq.com
| Аспирант кафедры социологии

Киселев, Игорь Юрьевич | E-mail: igkisselev@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор социологических наук, профессор, заведующий
кафедрой социологии

Для цитирования: Минь Ю, Киселев И. Ю. Структура занятости пенсионеров Китая в условиях реформирования пенсионной системы // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 286-305.

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение структуры занятости пенсионеров Китая.

Актуальность исследования определяется особенностями социально-демографической ситуации в Китае, характеристиками пенсионной системы в этой стране, состоянием рынка труда и положением пенсионеров в его структуре.

Влияние первого фактора связано с тем, что Китай, начиная со второй половины XX века, переживает демографические изменения, связанные с ростом численности пожилого населения. Согласно данным ООН, к 2050 году Китай войдет в число стран, в которых доля населения старше 65 лет составит свыше 15 % [1, с. 9].

Старение населения стало следствием проведения демографической политики «одна семья – один ребенок». В результате в Китае получила распространение модель семьи «4-2-1», в которой один ребенок, став взрослым, вынужден заботиться о двух своих родителях и четырех бабушках и дедушках [2, с. 27]. Подобная структура семьи оказывает долгосрочное влияние на развитие рынка труда и систему социального обеспечения. Так, меняется соотношение количества пенсионеров и работающих жителей Китая. Если в 1978 году на 1 пенсионера приходилось 30 работающих, то в 2001 году подобное соотношение составляло 1:3,5, а к 2050 году прогнозируется соотношение – 1:1,69 [Там же. С. 24]. В результате Китай стал одной из стран с самым высоким уровнем занятости – 80 % [3, с. 1]. Как мужчины, так и женщины работают большую часть взрослой жизни.

Сложившаяся в результате демографической политики структура семьи привела к переосмыслению функции семьи как института заботы о пожилых. Учитывая возросшую нагрузку на работающих членов семьи, данный институт не способен нести бремя заботы о пожилых родственниках. Как следствие, подобную функцию должно взять на себя государство посредством развития системы пенсионного обеспечения.

Однако сложившаяся в настоящий момент пенсионная система Китая не способна в полной мере выполнить функцию социального обеспечения растущего пожилого населения страны. В качестве «слабых мест» пенсионной системы эксперты называют недоступность пенсий для сельского населения, привязку пенсионного обеспечения к системе прописки, существование отличающихся пенсионных планов для разных категорий населения [4, с. 51–52]. Пенсия по старости в Китае остается довольно маленькой и не соответствует уровню экономического развития страны. Кроме того, в Китае сохраняется низкий возраст выхода на пенсию: 45–60 лет в зависимости от пола, состояния здоровья, сектора экономики и профессии. Отмеченные особенности системы пенсионного обеспечения не способствуют снижению демографической нагрузки на работающее население.

В результате эксперты говорят о необходимости реформирования пенсионной системы Китая [4]. В частности, власти Китая объявили о постепенном повышении пенсионного возраста в период с 2021 по 2025 годы [5].

Реформирование пенсионной системы, в том числе повышение пенсионного возраста, требует оценки последствий подобных изменений для рынка труда. Для этого, в свою очередь, необходимо проанализировать существующую структуру занятости пенсионеров Китая. Данная проблематика не получила систематического изучения: имеются лишь отдельные примеры исследований, проведенных в разные годы [3; 6, с. 89–108].

В связи с этим задачи социологического исследования структуры занятости пенсионеров Китая состоят в следующем:

- 1) выявить социально-демографические характеристики работающих пенсионеров;
- 2) установить мотивы продолжения трудовой деятельности;
- 3) описать условия занятости пенсионеров;
- 4) выявить субъективно определяемые барьеры занятости пенсионеров;
- 5) описать структуру доходов работающих пенсионеров.

Положение пенсионеров на рынке труда: социально-экономический контекст

Согласно результатам социологического лонгитюдного исследования старения в Китае (CLASS), полученным в марте 2016 г., 85,9 % пожилых людей охвачены системой пенсионного страхования. При этом доля мужчин, получающих пенсии, составляла 89,08 %, доля женщин – 82,76 %. Существует неравенство в сфере пенсионного обеспечения городского и сельского населения. Так, доля пожилого городского населения, получающего пенсии, составляет 91,25 %, в то время как доля пожилых сельских жителей – 70,79 % [7, с. 22].

Вследствие неравномерного распределения пенсионных выплат они чаще всего не рассматриваются китайцами в качестве основного источника дохода после выхода на пенсию. Согласно результатам исследования CLASS 2016 г., китайские пенсионеры называли три основных источника дохода: собственная пенсия (46,18 %), помощь детей (21,68 %) и доход от трудовой деятельности (16,12 %). При этом доля пожилых, полагающихся на свои пенсии как источник дохода, в городах выше, чем в сельской местности: 71,90 % и 17,22 % соответственно. Для сельских жителей основной источник дохода – это помощь детей и трудовой доход [Там же. С. 20].

Таким образом, неравномерность распределения пенсий, уровень пенсионных выплат, не позволяющий рассматривать их как основной источник дохода, могут мотивировать пенсионеров на продолжение трудовой деятельности.

Вместе с тем анализ положения пенсионеров на рынке труда Китая не позволяет сделать однозначный вывод в пользу данного утверждения.

Ситуация в сфере занятости в Китае достаточно противоречива. Так, Ли Чун-линг со ссылкой на результаты китайского социального исследования (CSS) 2013 г., проведенного Институтом социологии Китайской академии общественных наук (ИС КАОН), отмечает, что уровень незанятости среди представителей старшего возраста (51–60 лет) довольно высок и составляет 26,3 %. При этом лишь 2,1 % пенсионеров хотели бы работать и 1,4 % – ищут работу [6, с. 93].

Согласно результатам социологического лонгитюдного исследования старения в Китае (CLASS), полученным в марте 2016 г., 19,25 % пожилых людей продолжают работать. При этом уровень занятости среди пожилых мужчин выше, чем среди женщин: 23,33 % и 15,32 % соответственно. Кроме того, наблюдаются очевидные различия в уровне занятости пожилых людей, живущих в городах и сельской местности. Так, доля работающих пожилых людей в городах составляет 10 %, а доля работающих пожилых людей в сельских районах составляет 29,67 %. С увеличением возраста доля работающего пожилого населения снижается. Чаще всего работают

пожилые люди в возрасте 60–64 лет, то есть 5–10 лет (в зависимости от пола)¹ после выхода на пенсию. После 75 лет количество работающих пожилых людей резко сокращается. Вместе с тем доля пожилых людей в возрасте до 80 лет, продолжающих трудовую деятельность, среди сельских жителей выше, чем в городе [7, с. 25–26]. С одной стороны, это может быть связано с тем, что в сельской местности нет обязательного пенсионного возраста. Пока пожилые люди здоровы, они продолжают работать. С другой стороны, необходимость продолжения трудовой деятельности в пожилом возрасте обусловлена низким уровнем жизни и социальной защищенности данной категории граждан Китая.

Анализ профессий работающих пожилых людей отражает отмеченные выше различия в занятости городских и сельских пенсионеров. Согласно результатам социологического лонгитюдного исследования старения в Китае (CLASS), полученным в марте 2016 г., пожилые люди заняты² прежде всего в сельском хозяйстве, животноводстве, рыболовстве. Они работают как фрилансеры, трудятся в качестве профессионального технического персонала, разнорабочих в торговле, в сфере обслуживания и производства. Реже всего пожилые работают на должности управленцев разного уровня [Там же. С. 26].

Завершая краткий обзор, можно сделать вывод, что существование разных пенсионных планов, зависимость размера пенсии от проживания в городе или на селе мотивируют пенсионеров на продолжение трудовой деятельности. В то же время процент работающих пенсионеров не высок. С чем это связано – с низкой мотивацией трудовой деятельности, обусловленной недостаточностью пенсии для самообеспечения, или невозможностью найти работу? На эти вопросы необходимо ответить в ходе проводимого социологического исследования.

Методика исследования

С целью изучения структуры занятости пенсионеров Китая в период с 13.01.2021 по 04.02.2021 проведено социологическое исследование методом анкетирования. В качестве респондентов выступили жители Китая, которые относят себя к категории пенсионеров.

В исследовании применена квотная выборка. Квоты заданы, во-первых, в зависимости от места жительства респондента в одном из четырех регионов Китая (восточный, северо-восточный, западный, центральный). Во-вторых, установлены квоты для жителей провинций, которые относятся к каждому из регионов Китая³.

Всего опрошено 400 респондентов: 29,3 % – мужчины и 70,7 % – женщины. Распределение респондентов по возрасту следующее: 50–54 года – 19,5 %; 55–59 лет – 25,8 %; 60–64 года – 30 %; 65–69 лет – 16,5 %; 70 лет и старше – 8,3 %.

¹В Китае установленный законом пенсионный возраст составляет 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин.

²В порядке снижения частоты.

³Для расчета квот применялись данные о численности населения в провинциях по данным Национального статистического бюро Китая: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm>

В исследовании приняли участие респонденты с разным уровнем образования: с начальным и неполным средним – 32,5 %; средним и средним специальным – 40,8 %; высшим – 26,8 %.

Участники социологического исследования живут в мегаполисах¹ – 8,8 %; столицах провинций² – 34,5 %; городах окружного значения³ – 22 %, уездных городах⁴ – 19,3 %; селах⁵ – 15,5 %.

Большинство респондентов проживает вместе с супругами (40,3 %) или с супругами и детьми (33,8 %); 10,5 % – с детьми; 2,3 % – с внуками; 1,5 % – с другими родственниками; 11,8 % – одиноки.

Эмпирическую базу исследования составили также данные анкетирования пенсионеров, проведенного в рамках того же временного периода в двух регионах Китая – северо-восточном⁶ (n = 1190) и восточном⁷ (n = 517) – с целью выявления региональной специфики структуры занятости пенсионеров.

Для сбора первичных эмпирических данных применялась анкета, содержащая следующие смысловые блоки для работающих и неработающих пенсионеров. Неработающим пенсионерам были заданы вопросы о том, работали ли они раньше, будучи пенсионерами, и хотели бы работать снова, если бы у них была такая возможность, о причинах прекращения трудовой деятельности. Работающие пенсионеры отвечали на вопросы о мотивах продолжения трудовой деятельности, о возможностях сохранить работу, будучи пенсионерами. Отдельный блок анкеты содержит вопросы об условиях трудовой деятельности пенсионеров (продолжительность рабочего дня, сфера занятости, удовлетворенность условиями труда и т. д.). В анкету включен и общий блок вопросов, на которые отвечали все респонденты: об источниках дохода пенсионеров; о чувствах, которые переживают респонденты (уверенность в будущем, страх перед будущим и т. д.). Анкета также содержит блок вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов.

Сбор первичных социологических данных проведен дистанционно посредством программы для онлайн-опросов «Wenjuanxing» с помощью мобильного приложения WeChat.

Математико-статистическая обработка данных опроса проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26 посредством составления частотных распределений и таблиц сопряженности с применением критерия непараметрической статистики χ^2 Пирсона.

¹Численность населения более 10 миллионов человек.

²Численность населения 5–10 миллионов человек.

³Численность населения от 1 миллиона до 5 миллионов человек.

⁴Численность населения от 200 тыс. до 1 миллиона человек.

⁵Численность населения менее 200 тыс. человек.

⁶Включает провинции Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь.

⁷Включает провинции Шаньдун, Пекин, Шанхай, Хайнань, Хэбэй, Гуандун, Цзянсу, Чжэцзян, Тяньцзинь, Фуцзянь.

Мотивы пенсионеров продолжить трудовую деятельность

Большинство опрошенных респондентов не работают сейчас и не работали ранее после выхода на пенсию. Так, в настоящее время работают 22 % опрошенных пенсионеров, не работают – 78 %¹. В рассмотренных регионах доля работающих пенсионеров сопоставима с той, которая получена по стране в целом: в северо-восточном регионе – 24,2 %; в восточном – 19 %.

Из тех, кто не работает в настоящий момент, ранее работали 30,1 % опрошенных². В северо-восточном регионе опыт работы на пенсии имели 25,4 % опрошенных, в восточном – 27,1 %.

Вместе с тем в ходе исследования выявлена проблема безработицы среди пенсионеров. Согласно определению Международной организации труда (МОТ), безработным считается человек, если он трудоспособен, но не работает, находится в поиске работы и готов к ней приступить достаточно быстро, если появится подходящая вакансия [8]. В соответствии с приведенным определением респондентам были заданы вопросы об их действиях на рынке труда (см. таблицу 1).

Таблица 1

Уровень безработицы среди пенсионеров в Китае (в процентах)

Вопрос	По стране в целом	Северо-восточный регион	Восточный регион
Вы еще намереваетесь работать?	15,7	20,3	14,3
В настоящее время Вы занимаетесь поиском работы?	9,3	13,3	10,3
Если бы у Вас сейчас появилась работа, Вы смогли бы на нее выйти в течение двух недель?	19,9	24,9	20,8

Установлено, что 15,7 % респондентов – неработающих пенсионеров – еще намерены работать. Поиском работы занимаются 9,3 % опрошенных. Приступить к работе в течение двух недель, если бы появилась подходящая вакансия, готовы 19,9 % опрошенных. В восточном регионе ситуация напоминает ту, которая сложилась по стране в целом. Уровень безработицы среди пенсионеров в северо-восточном регионе выше.

Представленные данные позволяют заметить, что, во-первых, среди опрошенных существенно преобладают пенсионеры, которые не намерены продолжать трудовую деятельность, не ищут доступные вакансии и не готовы приступить к работе даже при наличии рабочего места. В связи с этим важно определить, что именно мотивирует пенсионеров продолжить трудовую деятельность. Во-вторых, тех, кто намерен работать и готов приступить к работе в течение двух недель, больше, чем тех, кто занимается активным поиском работы. Можем предположить, что существуют барьеры, препятствующие трудовой деятельности пенсионеров.

¹Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=1} = 125,44$; $p = 0,001$.

²Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=1} = 49,282$; $p = 0,001$.

Среди мотивов продолжения пенсионерами трудовой деятельности наиболее часто упоминается маленькая пенсия (см. таблицу 2). Подчеркнем, что такой ответ дали, преимущественно, респонденты с пенсией до 2000 юаней (61,3 %) и 2001–4000 юаней (50 %). Данную причину не назвали респонденты с пенсией выше 6000 юаней и отметили 9,1 % респондентов с пенсией 4001–6000 юаней¹.

Таблица 2

**Мотивы продолжения пенсионерами трудовой деятельности
(процент наблюдений²)**

Мотив	По стране в целом	Северо-восточный регион	Восточный регион
Маленькая пенсия	47,7	57,5	70,4
Желание сделать сбережения на будущее	55,7	60,2	60,2
Стремление материально помочь детям и/или другим членам семьи	26,1	31,6	29,6
Привычка работать	28,4	25,9	22,4
Возможность общаться с людьми	21,6	18	19,4
Стремление быть полезным	17	15,6	12,2
Интерес к выполняемой работе	26,1	23,8	23,5

Маленькая пенсия как доминирующий мотив продолжения пенсионерами трудовой деятельности подкрепляется еще одним мотивом. Пенсионеры работают с целью сделать сбережения на будущее. Респонденты отмечают его чаще других или упоминают его вторым по частоте. Доля респондентов, выбравших данный ответ для описания причин продолжения трудовой деятельности, последовательно уменьшается с ростом размера получаемой пенсии. Чаще всего этот ответ выбирают опрошенные с пенсией менее 2000 юаней (71 %) и от 2001 до 4000 юаней – 52,3 %. В свою очередь, мотив сбережений называет каждый третий респондент с пенсией 4001–6000 юаней (36,4 %). Данный мотив не называют респонденты с пенсией выше 6000 юаней³.

Респонденты связывают продолжение трудовой деятельности и с рядом других причин: привычкой работать, возможностью материально поддержать детей и других членов семьи, интересом к выполняемой работе, возможностью общаться с людьми, стремлением быть полезным. Однако можно заметить, что частота упоминания этих мотивов существенно ниже как по стране в целом, так и в исследуемых регионах Китая.

Полученные результаты подтверждаются выводами более ранних исследований китайских ученых. Так, Ван Шусинь описывает четыре категории мотивов занятости пожилых людей: экономические потребности, потребности в работе, наличие опыта и духовная поддержка. В системе мотивов работающих пенсионеров

¹Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=3} = 10,785$; $p = 0,013$.

²Респонденты могли выбрать любое количество ответов.

³Различия не достигают уровня статистической значимости: $\chi^2_{df=3} = 7,312$; $p = 0,062$.

они имеют разную представленность: экономические – 71,23 %; потребность в работе – 13,25 %; наличие опыта – 9,33 %; духовная поддержка – 6,19 %. Можем заметить, что основной причиной трудоустройства пожилых людей в Китае является стремление улучшить материальное положение, нежели стремление к удовлетворению духовных потребностей [9, с. 38–39]. Сделанный вывод согласуется с результатами исследований других авторов [10, с. 24–25].

Таким образом, мотивы продолжения трудовой деятельности у китайских пенсионеров имеют скорее экономический, нежели социальный характер.

Особенности трудовой деятельности работающих пенсионеров: возможность найти и сохранить работу

Согласно результатам опроса, работающие пенсионеры планируют работать от трех до пяти лет. При этом более 50 % опрошенных планируют достаточно продолжительную трудовую деятельность на пенсии: от 3–5 до 6–10 лет.

В связи с этим важно рассмотреть, с какими возможностями и ограничениями сталкиваются пенсионеры на рынке труда.

Работающие пенсионеры с оптимизмом оценивают перспективы сохранить рабочее место на тот срок, который они планируют посвятить трудовой деятельности. Так, 78,4 % респондентов по стране в целом полагают, что им удастся (38,8 %) и скорее удастся (38,6 %) сохранить работу на планируемый срок¹. В северо-восточном регионе подобное мнение разделяют 71,8 % респондентов; в восточном – 72,4 %.

При этом занятость работающих пенсионеров имеет стабильный характер. Почти половине опрошенных работающих пенсионеров (48,9 %) за последние 5 лет не приходилось менять место работы; еще 25 % меняли место работы один раз. Вместе с тем 25,1 % респондентов за последние 5 лет меняли работу более двух раз².

Несмотря на то, что большинство респондентов не меняли место работы, 67 % искали работу, будучи пенсионерами. При этом большинство столкнулись с рядом проблем (см. таблицу 3).

Чаще других работающие пенсионеры отмечали наличие вакансий с маленькой зарплатой; нежелание работодателей принимать на работу пенсионеров; заключение трудового договора на срок до 1 года; работу без трудового договора.

Иначе выглядит распределение ответов на те же самые вопросы среди неработающих пенсионеров. Так же, как и работающие пенсионеры, среди основных препятствий к трудоустройству они отметили наличие вакансий с маленькой зарплатой и нежелание работодателей принимать на работу пенсионеров. Однако, в отличие от работающих пенсионеров, они почти в три раза чаще отмечали отсутствие вакансий, соответствующих их квалификации.

Таким образом, неработающие пенсионеры мотивированы отказаться от трудоустройства по причине отсутствия вакансий, которые соответствуют квалификации соискателя, и ожидаемой низкой оплаты труда. В свою очередь, работающие пенсионеры имеют негативный опыт низкой оплаты труда и трудоустройства на невыгодных условиях в рамках краткосрочного контракта.

¹Различия статистически значимые: χ^2 df= 3 = 33,545; p = 0,001.

²Различия статистически значимые: χ^2 df= 3 = 32,818; p = 0,001.

Таблица 3

**Трудности, с которыми пенсионеры столкнулись при поиске работы
(процент наблюдений¹)**

Трудности при поиске работы	По стране в целом		Северо-восточный регион		Восточный регион	
	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры
Нежелание работодателей брать на работу пенсионеров	35,3	30	33,8	38,7	21,9	26,6
Доступность вакансий с маленькой зарплатой	45,9	33,4	52,4	37,3	52,1	30,3
Заключение временного договора на срок до 1 года	18,8	5,6	10	4	12,5	2,3
Работа без оформления трудового договора	11,8	9,1	14,8	12	12,5	8,9
Нет вакансий, соответствующих моей профессиональной квалификации	8,2	32,1	10	25,8	9,4	33,4
Не было трудностей	20	23,7	21	19,8	21,9	27,7

Условия занятости работающих пенсионеров

Значимость отсутствия вакансий, соответствующих квалификации, в качестве причины незанятости пенсионеров подтверждается распределением ответов на вопросы о занятости до выхода на пенсию и после выхода на пенсию. Так, 75 % опрошенных по стране в целом отметили, что после выхода на пенсию у них изменилось или место работы (14,8 %), или профессия (5,7 %), или и то, и другое (54,5 %). В северо-восточном регионе доля таких респондентов составила 76,2 %; в восточном – 71,4 %.

Сравнение сфер занятости до и после выхода на пенсию позволяет заметить следующие тенденции (см. таблицу 4).

¹Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 4

Сферы занятости респондентов до и после выхода на пенсию (в процентах)

Сфера занятости	По стране в целом		Северо-восточный регион		Восточный регион	
	До вы- хода на пенсию	После вы- хода на пенсию	До выхода на пенсию	После вы- хода на пенсию	До выхода на пенсию	После вы- хода на пенсию
Промышленность	11,4	9,1	13,6	15,0	8,2	10,2
Строительство	2,3	1,1	2,4	1,0	2	1
Транспорт, связь	5,7	5,7	4,4	3,7	4,1	3,1
Сельское хозяйство	15,9	29,5	15,6	21,8	19,4	28,6
Образование, наука, культура, здраво- охранение	2,3	4,5	2,4	2,0	0	0
Армия, МВД, органы безопасности	19,3	8,0	20,1	10,9	25,5	9,2
Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	10,2	10,2	5,1	4,8	7,1	7,1
Органы управления, финансы и страхова- ние	13,6	6,8	17,0	13,9	6,1	7,1
Другое	19,3	25,0	19,4	26,9	27,6	33,7

Чаще всего после выхода на пенсию респонденты меняли сферу занятости на сельское хозяйство: разница занятых в данной области до и после выхода на пенсию по стране в целом составляет 13,6 процентных пунктов, в восточном регионе – 9,2, в северо-восточном – 6,2. Одновременно наблюдается отток из таких сфер, как силовые структуры (армия, органы безопасности), органы управления, финансы и страхование, промышленность.

Изменение отрасли занятости выглядит закономерным. Наблюдается отток пенсионеров из тех отраслей, которые предъявляют требования к здоровью, а также владению компетенциями, соответствующими уровню развития технологий в финансовой сфере и в области обеспечения безопасности. В свою очередь, максимальный приток наблюдается в сельское хозяйство – в отрасль, которая менее чувствительна к изменениям компетенций сотрудников.

После выхода на пенсию меняется и принадлежность респондентов к категориям работников (см. таблицу 5).

Данные, представленные в таблице, позволяют заметить сокращение количества пенсионеров, занятых на государственных предприятиях. При этом речь идет как о руководящем составе, так и о специалистах, служащих, рабочих. Одновременно наблюдается небольшое увеличение занятых на частных предприятиях. Самый большой прирост наблюдается в категории «индивидуальный предприниматель». Увеличивается количество самозанятых.

Таблица 5

Категории работников, к которым принадлежат респонденты до и после выхода на пенсию (в процентах)

Категории работников	По стране в целом		Северо-восточный регион		Восточный регион	
	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию
Государственные служащие или персонал государственных учреждений	13,6	6,8	15,6	13,33	4,1	4,1
Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии	35,2	15,9	38,1	15,16	39,8	13,3
Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, в организации	22,7	25,0	17,7	27,41	30,6	33,7
Индивидуальный предприниматель	3,4	14,8	10,9	17,78	7,1	16,3
Самозанятый	25,0	33,0	17,7	26,32	18,4	24,5

На фоне подобной трансформации структуры занятости пенсионеров в отдельных провинциях Китая появляются программы, направленные на поддержку предпринимательской активности пожилых с целью обеспечения их занятости. В качестве примера может служить «План развития народонаселения провинции Ляонин (2016–2030 годы)» [11].

Рассмотрим условия занятости пенсионеров Китая.

Почти половина работающих пенсионеров по стране в целом оценивает условия труда как очень хорошие (26,1 %) и хорошие (20,5 %). Еще 50 % отмечают наличие как хороших, так и плохих условий. О наличии плохих и очень плохих условий труда заявили 3,4 % опрошенных¹. Схожие данные получены в результате анализа ответов на вопрос «Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы». Плохие условия труда называют 3,13 % опрошенных (см. таблицу 6).

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать вывод, что на рабочем месте работающие пенсионеры прежде всего обращают внимание на проблемы, связанные с оплатой труда и отсутствием социальных льгот.

¹Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=4} = 70,750$; $p = 0,001$.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие проблемы в первую очередь Вас волнуют по месту работы?» (процент наблюдений¹)

Проблема по месту работы	Доля респондентов, называвших проблему		
	По стране в целом	Северо-восточный регион	Восточный регион
Отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания	37,8	38,5	41
Низкая оплата труда	31,3	43,1	44,9
Неясность в оплате труда	29,7	30,5	30,8
Опасения потерять работу	21,6	21,3	15,4
Удаленность места работы от дома	17,6	13	15,4
Нет перспектив в профессиональной карьере	9,5	6,3	5,1
Плохая организация труда	8,1	12,6	14,1
Напряженные отношения с руководством	5,4	5	6,4
Плохие условия труда	5,4	6,7	5,1
Плохие отношения в коллективе	4,1	3,3	1,3
Работа не нравится	2,7	4,6	0

Можем заметить, что выявленные проблемы соотносятся с мотивами продолжения трудовой деятельности пенсионеров. Поскольку основной мотив связан с получением дополнительного дохода, который позволит сделать сбережения и повысить уровень жизни на пенсии, в числе основных проблем на рабочем месте работающие пенсионеры по стране в целом и в исследуемых регионах называют низкую оплату труда и непонятные для них правила ее формирования. Кроме того, респонденты отмечают отсутствие социальных льгот, медицинского обслуживания. При этом социальный аспект трудовых отношений (взаимоотношения с коллегами, с руководством) меньше беспокоит респондентов, чем экономические аспекты занятости.

Работающие пенсионеры подчас высказывают опасение потерять работу. Возможно, именно данное обстоятельство служит причиной негативных эмоциональных переживаний респондентов. Доминирующая эмоция, которую переживают работающие пенсионеры, – уверенность в своем будущем (55,7 %). В то же время у 35,2 % работающих пенсионеров присутствует страх перед будущим, 25 % – ощущают беспомощность и невозможность повлиять на происходящее². Неработающие

¹Респонденты могли выбрать любое количество ответов.

²Респонденты могли выбрать любое количество ответов.

пенсионеры чаще испытывают уверенность в своем будущем – 67,3 %. В то же время они реже испытывают страх перед будущим – 19,6 % и ощущение неспособности повлиять на происходящее – 19,9 %.

Связи между переживаемыми эмоциями и наличием работы можно объяснить двояко. С одной стороны, страх перед будущим обуславливает необходимость поиска работы. С другой стороны, сама работа может быть источником негативных эмоций. Опасение потерять работу, тревоги, связанные с оплатой труда, прибавляют неуверенности в будущем именно среди работающих пенсионеров.

Таким образом, наличие работы не делает китайских пенсионеров счастливее. Как показал в своем исследовании Лянь Цяньпин на примере опроса пенсионеров в городе Чжуншань (провинция Гуандун, восточный регион), если позволяют экономические условия, большинство пожилых людей надеется, что после выхода на пенсию они смогут заниматься тем, что им интересно, а не продолжать работать [12, с. 77].

Вместе с тем работа обеспечивает работающим пенсионерам повышение дохода.

Структура доходов работающих и неработающих пенсионеров

Согласно результатам опроса, медианный заработок работающих пенсионеров составляет от 2001 до 4000 юаней в месяц. По стране в целом 84 % опрошенных зарабатывают в месяц до 4000 юаней. В северо-восточном регионе доля получающих такую зарплату составляет 94 %; в восточном – 76,8 %.

При этом 56,8 % опрошенных работающих пенсионеров по стране в целом отметили, что оплата их труда стала существенно выше (20,5 %) или немного выше (36,4 %) той, которая была до выхода на пенсию. В то же время 32,9 % опрошенных заметили незначительное (19,3 %) и существенное (13,6 %) снижение оплаты труда. Лишь 9 % респондентов считают, что размер оплаты труда не изменился¹.

Снижение оплаты труда можно объяснить сменой не только места работы, но и профессии, а значит – неизбежной потерей квалификации и как следствие – снижением зарплат. Кроме того, после выхода на пенсию увеличивается количество занятых в сельском хозяйстве – сфере с традиционно более низкой оплатой труда. Наряду с этим снижение размера оплаты труда объясняется оттоком пенсионеров на частные предприятия, где, согласно данным Национального бюро статистики Китая, зарплата ниже, чем на государственных предприятиях [13].

Объяснить повышение оплаты труда после выхода на пенсию сложнее. Возможно, оно связано с расширением предпринимательской деятельности пенсионеров. Вместе с тем нельзя исключать, что пенсионеры, суммируя пенсию и зарплату, субъективно ощущают рост доходов.

Структура доходов работающих пенсионеров включает следующие источники (см. таблицу 7).

¹Различия статистически значимые: χ^2 df=4 = 17,795; p = 0,001.

Таблица 7

Распределение ответов работающих пенсионеров на вопрос «Из каких источников формируются Ваши доходы?» (процент наблюдений¹)

Источник дохода	По стране в целом		Северо-восточный регион		Восточный регион	
	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры
Пенсия	87,5	94,9	91	98	90,7	99
Заработная плата на основном месте работы	44,3	2,9	31	4,3	42,3	2,9
Подработка, совместительство	20,5	1,9	22,1	3,4	22,7	1,2
Помогают родственники	9,1	17	12,2	13,3	12,4	12,9
Сдаю в аренду жилье, иную недвижимость	2,3	7,4	3,7	2,8	4,1	1,9
Получаю проценты от сбережений, акций	4,5	10,9	5,1	7,2	5,2	11,9
Собственный бизнес	5,7	2,9	4,4	1,7	4,1	0,7

Можно заметить, что структура доходов у двух категорий респондентов отличается. Так, основные источники дохода работающих пенсионеров представлены пенсией и зарплатой по основному месту работы или совместительству. В свою очередь, основные источники дохода неработающих пенсионеров – пенсия и проценты от сбережений, акций.

Связь структуры доходов и статуса пенсионера можно трактовать двояко. С одной стороны, отсутствие других доходов, кроме пенсии, мотивирует пенсионеров продолжить трудовую деятельность. С другой стороны, возможность жить на сбережения или получать помощь от родственников позволяет пенсионерам не работать.

Выводы и рекомендации

Рассмотренные характеристики структуры занятости пенсионеров Китая позволяют сделать следующие выводы.

Уровень занятости китайских пенсионеров невысок. При этом если рассмотреть ситуацию в динамике, то можем прийти к заключению, что занятость пенсионеров снижается. Так, согласно результатам пятой и шестой национальных переписей населения Китая 2015 года, уровень занятости пожилых людей старше 60 лет

¹Респонденты могли выбрать любое количество ответов

снизился с 28,56 % в 1990-е годы до 26,83 % в 2015 году [14, с. 120]. По результатам проведенного исследования данная цифра еще более уменьшилась. Отмеченная тенденция не отвечает целям социально-экономического развития государства на фоне стремительного старения населения Китая и растущей демографической нагрузки на трудоспособное население.

Работающие пенсионеры вынуждены менять место работы. Согласно полученным результатам, чаще всего в качестве «принимающей» отрасли выступает сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, строительство, сфера обслуживания. Однако, как подчеркивают эксперты, чаще всего пенсионеры заняты низкоквалифицированным трудом [Там же]. Можно предположить, что основная причина состоит в отсутствии у большинства пенсионеров образования, которое соответствовало бы уровню технологического развития одной из ведущих экономик мира. В результате возникает проблема не только количественных показателей занятости пенсионеров в Китае, но и качества занятости.

В связи с этим повышение пенсионного возраста должно сопровождаться разработкой мер содействия занятости пожилых с учетом как количественных, так и качественных аспектов.

Анализ содержания барьеров занятости, названных респондентами, позволяет предложить следующие меры, которые могли бы содействовать занятости пенсионеров.

Отмечаемое и работающими, и неработающими пенсионерами нежелание работодателей брать на работу пожилых может быть преодолено посредством государственных программ, которые поощряли бы работодателей создавать рабочие места для пенсионеров. Фактически речь идет о политике «субсидирования» занятости для пожилых людей.

Кроме того, важно инвестировать соответствующие средства в создание системы службы занятости, чтобы обеспечить более широкие каналы для трудоустройства пожилых.

Анализ незанятости пенсионеров позволил сделать вывод, что данный феномен связан, в том числе, и с отсутствием должного образования у респондентов. Так, пенсионеры без высшего образования чаще других обращают внимание на нежелание работодателей принимать на работу пенсионеров. Респонденты с высшим образованием отмечали отсутствие вакансий, соответствующих их квалификации. Описанные тенденции могут быть разными проявлениями одной и той же проблемы. У пенсионеров без высшего образования возникают трудности с поиском работы, поскольку они не обладают должным уровнем квалификации в условиях современного уровня развития экономики. Респонденты с высшим образованием, которые вправе рассчитывать на вакансии, соответствующие их квалификации, тем не менее не получают их, поскольку их компетенции уже не соответствуют требованиям рынка труда. В связи с этим в условиях ожидаемого в Китае повышения пенсионного возраста более поздний выход на пенсию необходимо сопровождать введением программ профессионального обучения и профессиональной переподготовки для граждан пенсионного и предпенсионного возраста.

Правительство Китая осознает важность решения проблемы образования пожилых. Так, в «Плане образования взрослых на 2016–2020 годы» поставлена цель иметь, по меньшей мере, один университет для пожилых в каждом городе и создать в 30 % поселков учебные центры для пожилых [15, с. 9].

Нельзя не отметить, что желание пенсионеров продолжить трудовую деятельность имеет выраженные экономические мотивы. В связи с этим требуется система мер, которые сделали бы трудовую деятельность экономически выгодной для пожилых.

Ссылки / References

1. World Population Prospects 2019. Highlights. New York, 2019. 39 p. // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 27.07.2021).
2. Ke Meng. China's Pension Reforms. Political Institutions, Skill Formation and Pension Policy in China. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. 253 p.
3. Henry C., Fraga F., Tang Yu What drives old age work in China? // International Labor Office, Research Department. Working Paper. № 40. December 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_659543.pdf (дата обращения: 01.08.2021).
4. Цзинтин В. Система пенсионного обеспечения в Китае: взгляд эконом-социолога // Социология и право. 2019. № 3. С. 47–53.
5. В Китае объявили о повышении пенсионного возраста // РИА Новости. 05.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210305/kitay-1600032876.html> (дата обращения: 29.07.2021).
6. Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / [М. К. Горшков и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н. Е. Тихонова. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.
7. Отчет об исследовании «Последующее социальное обследование пожилых людей в Китае» // Институт исследований пожилых людей Китайского народного университета (на кит. языке). URL: http://class.ruc.edu.cn/_local/A/C8/C1/E7CD54DD4D41F4BD6DE281043FD_10F38E30_1A56C5.pdf?e=.pdf (дата обращения: 13.01.2021).
8. Понятия и определения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_30/isswww.exe/stg/d020/vved-5.htm (дата обращения: 27.07.2021).
9. Ван Шусинь. Анализ занятости населения старшего Китая // Население и экономика. 1990. № 3. С. 35–39 (на кит. языке).
10. Цянь Синь, Цзян Сянцюнь. Анализ факторов, влияющих на стремление пожилых людей к трудоустройству в городе Китая // Журнал народонаселения. 2006. № 5. С. 24–29 (на кит. языке).
11. Уведомление народного правительства провинции Ляонин о печати и распространении плана развития населения провинции Ляонин (2016–2030 гг.) // Документы народного правительства провинции Ляонин. 2018. № 20 (на кит. языке). URL: http://www.ln.gov.cn/zfx/zfwj/szfwj/zfwj2011_125195/201807/t20180703_3273280.html (дата обращения: 25.05.2021).

12. Лянь Цяньпин. Эмпирический анализ готовности пожилых людей к повторному трудоустройству в контексте демографического дивиденда пожилых людей // Вестник института Сючан. 2018. № 7. С. 76–78 (на кит. языке).
13. Средняя годовая заработная плата работников городских частных предприятий в 2019 году составила 53 604 юаня // Национальное бюро статистики (на кит. языке). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202005/t20200515_1745763.html (дата обращения 15.05.2021).
14. Лю Бинь, Гао Инбо. Исследование развития человеческих ресурсов пожилых людей на фоне старения населения // Современная экономика. 2020. № 8. С. 119–122 (на кит. языке).
15. Inclusive Future of Work The People's Republic of China Country brief prepared for the 1st EWG under the 2019 Brazilian presidency of the BRICS // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_732870.pdf (дата обращения: 02.08.2021).

Problems of forming a regional quasi-market of social services: from paternalism to competition

A. A. Vlasova¹, A.-A. V. Galanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-304-317

Research Article

The article reflects the results of the analysis of the problems of the formation of a regional quasi-market of social services using the example of the Yaroslavl region in the transition from a state monopoly to competitive relations. It was revealed that the product market boundaries and requirements for the quality of services provided were formed during the Soviet period for state and municipal social services, which creates institutional barriers to entry of socially oriented non-profit organizations into the market. The share of non-governmental social services in the provision of social services in the Yaroslavl region is no more than 20%, and the number of NGOs officially included in the register of social service providers is 3 units. Thus, the authors concluded that the quasi-market of social services is in the process of formation, and it can be described as a "proto-market". At the same time, it was determined that social oriented NGOs have a number of competitive advantages as providers of social services - they provide low transaction costs for the recipient, an expanded range of services, a greater customer focus. The formation of a sustainable regional model of social services at this stage is associated with further diversification of the subjects of social services, expanding the product boundaries of this market, introducing innovative assistance technologies and increasing both the economic and social efficiency of social services. It seems promising to create a unified regional information system in the Yaroslavl region for providers and recipients of social services, allowing residents of the region to order social services via the Internet with the right to choose a provider and conclude contracts online through authorization on the government services portal.

Keywords: non-profit organizations; quasi-market; social service provider; paternalism; socio-economic policy; social services market; managerialism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vlasova, Alexandra A. | Email: fspn@bk.ru
(correspondence author) | Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

Galanova, Alla-Anna V. | Email: allaanna.post@bk.ru
Assistant

For citation: Vlasova A. A., Galanova A.-A. V. Problems of forming a regional quasi-market of social services: from paternalism to competition // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 304-317. (in Russ.)

Проблемы формирования регионального квазирынка социальных услуг: от патернализма к конкуренции

А. А. Власова¹, А.-А. В. Галанова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-304-317
УДК 364.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье отражены результаты анализа проблем формирования регионального квазирынка социальных услуг на примере Ярославской области в условиях перехода от государственной монополии к конкурентным отношениям. Выявлено, что продуктовые границы рынка и требования к качеству предоставляемых услуг сформированы в советский период для государственных и муниципальных социальных служб, что создает институциональные барьеры для входа на рынок социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО). Доля негосударственных социальных служб в сфере предоставления социальных Ярославской области составляет не более 20 %, а количество СО НКО, официально включенных в реестр поставщиков социальных услуг, равняется 3 единицам. Авторами сделан вывод, что квазирынок социальных услуг находится в стадии формирования и его можно охарактеризовать как «проторынок». В то же время определено, что СО НКО обладают рядом конкурентных преимуществ: в том числе, они обеспечивают низкие транзакционные издержки для получателя, расширенный ассортимент предоставляемых услуг, большую клиентоориентированность и возможность кастомизации услуг. Формирование устойчивой региональной модели социального обслуживания связано с дальнейшей диверсификацией субъектов социального обслуживания, внедрением инновационных технологий помощи и повышением социально-экономической эффективности социального обслуживания. Перспективным представляется создание единой региональной информационной системы в Ярославской области для поставщиков и получателей социальных услуг, позволяющей жителям региона заказывать социальные услуги через сеть Интернет с правом выбора поставщика и заключением контрактов онлайн через авторизацию на портале государственных услуг.

Ключевые слова: некоммерческие организации; квазирынок; поставщик социальных услуг; патернализм; социально-экономическая политика; рынок социальных услуг; менеджерализм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власова Александра Александровна (автор для корреспонденции)	Email: fspn@bk.ru Кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой социальных технологий
---	--

Галанова, Алла-Анна Викторовна	Email: allaanna.post@bk.ru Ассистент кафедры социально-политических теорий
--------------------------------	--

Для цитирования: Власова А. А., Галанова А.-А. В. Проблемы формирования регионального квазирынка социальных услуг: от патернализма к конкуренции // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 304-317.

Введение

Сфера предоставления социальных услуг – важнейшая часть жизни общества. Процессы, протекающие в ней, с одной стороны, оказывают непосредственное влияние на уровень и качество жизни граждан страны [1], с другой – являются показателем успешности и эффективности фактически всех направлений деятельности социального государства, его экономической и социальной политики. Под социальной услугой в российском законодательстве понимается «действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности»¹.

В современных российских условиях наблюдаются как преобразования уже институционализированных практик предоставления социальных благ гражданам со стороны государственных социальных служб в традиционно патерналистском ключе, так и становление новых механизмов социального обслуживания на рыночных условиях с новыми игроками рынка.

Эти изменения являются ответной реакцией на те вызовы, с которыми сталкивается российское общество: трансформация социальной структуры (ориентация на средний класс при сильных тенденциях к поляризации [2]), смена парадигм социальной политики (отказ государства от монопольного положения в сфере предоставления социальных услуг в постсоветских странах [3; 4]) и, как следствие, диверсификация субъектов социальной политики, а также общемировая тенденция к менеджерелизации и повышению эффективности управления социальной сферой [5; 6] в условиях возрастания требований со стороны населения к качеству, объему и ассортименту предоставляемых социальных услуг, переход к проактивной модели социальной политики и смещение ее ориентиров во многих развитых странах с негативных моментов (борьба с нищетой и бедностью) на постановку новых позитивных целей (например, на достижение такого показателя, как валовое внутреннее счастье [7]).

Договорная форма предоставления социальных услуг является основанием для возникновения рыночных или квазирыночных отношений, перевода социального обслуживания из разряда патерналистских мер государственной заботы о благополучии граждан в категорию гражданско-правовых отношений двух активных субъектов – производителя и получателя социальных услуг [8; 9].

Появление новых активных субъектов – негосударственных некоммерческих организаций – поставщиков социальных услуг стало ответом на запросы государства и общества в сфере повышения эффективности социального обслуживания. По сведениям Минэкономразвития, в России в сфере социального обслуживания и социальной защиты на 2019 год действовало 929 социально ориентированных НКО, которым были переданы на исполнение услуги, предоставляемые за счет бюджета [10].

Все это привело к необходимости принципиальных изменений в практике социального обслуживания: как поиска новых, адекватных изменившимся условиям

¹Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ст. 3) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 20.01.2020).

теоретических подходов к изучению социальных услуг, так и формирования практических моделей в этой сфере, в том числе на региональном уровне.

Целью работы является анализ формирования регионального квазирынка социальных услуг на примере Ярославской области, в частности, выявление роли негосударственных поставщиков социальных услуг в его развитии.

1. Теоретические подходы к изучению проблемы

Традиционно в экономике социальные услуги рассматривались как особого рода товар, обладающий рядом специфических признаков (одномоментность оказания и получения услуги, зависимость ее качества от профессионализма поставщика, неосязаемость, несохраняемость, асимметричность и др.) [11; 12]. Социальные услуги являются специфического рода услугами в сфере социального обслуживания для отдельных категорий населения, представляя особый тип общественных благ [13].

Термин «квазирынок» еще в начале 1980-х годов был применен Дж. Ле Грандом. Его введение ознаменовало смещение акцентов от государственного социального обеспечения к рыночному пониманию отношений производства и потребления социальных услуг. Дж. Ле Гранд определил квазирынок (по аналогии с А. Смитом «другая невидимая рука») как особый институционализированный механизм производства и распределения социальных услуг [14; 15].

В российской социологии к категории квазирынков исследователи обратились значительно позднее, в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Наиболее полно квазирынки социальных услуг описаны в докладе П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой. [16, с. 14–17].

С. В. Сулова главным признаком квазирынка называет то, что «государство по-прежнему финансирует и регулирует производство товаров и услуг, но при этом ликвидирует собственную монополию на участие в самом производственном процессе: он становится открытым для организаций всех форм собственности [17, с. 74]. При этом С. В. Якимчук отмечает: «парадокс заключается в том, что количество нуждающихся в социальной поддержке в силу таких обстоятельств, как научно-технический прогресс и достижения в области медицины, перманентно увеличивается, а феномен социальной справедливости «плохо сочетается в экономике с понятием «оптимальность». Достижение равенства и экономическая эффективность часто противоречат друг другу» [18, с. 22].

Кроме того, исследователями с позиций квазирыночных отношений в сфере социального обслуживания заново пересматриваются проблемы качества, эффективности и результативности всей системы социального обеспечения. Термин «качество» применительно к сфере оказания социальных услуг используется крайне неудачно в силу сложности оценивания нематериальных услуг и разработки прозрачных объективных критериев качественной деятельности [19, с. 87]. Дискуссионным остаётся вопрос о том, каким должен быть инструментарий, гарантирующий возможность провести реальную оценку вышеуказанных показателей [20].

Экономическое понимание социальных услуг породило, в свою очередь, маркетинговый подход к их изучению, что позволяет определить такие параметры, как продуктовые и территориальные границы рынка социальных услуг, его субъектный состав и объем, характеристики потребителей, барьеры входа на рынок, степень концентрации и конкуренции и т. п.

В современной литературе достаточно разработаны вопросы маркетинга образовательных услуг [21; 22], услуг в области здравоохранения [23; 24]. Однако маркетинг социальных услуг в узком смысле фактически не упоминается, что связано, на наш взгляд, с патерналистским подходом к сфере социального обслуживания.

Обзор различных подходов к пониманию сущности рынка социальных услуг позволяет сделать вывод об отсутствии единой макротеории в экономических и социальных науках. Широкий подход к социальным услугам и многосубъектному рынку социальных услуг может быть основан на идеях нового социального и государственного менеджмента (New Public Management) [25; 26], что позволит ставить вопросы качества и эффективности социального обслуживания, не смещая акценты от человека как основного потребителя социальных благ к бюрократическим процедурам и административным механизмам.

2. Методы исследования

Для того чтобы обеспечить междисциплинарный подход, авторами применялись методы, характерные для маркетинговых и социологических исследований.

Выбранный подход предполагал общую характеристику рынка социальных услуг в России, определение регионального объема рынка, его сегментирование, анализ продуктовых границ, а также изучение показателей конкурентной силы и конкурентной слабости поставщиков социальных услуг.

Маркетинговый подход предполагает и такой характерный для него метод исследования, как открытый тип SWOT-анализа.

Качественная характеристика рынка была получена в ходе глубинных интервью представителей негосударственных социально ориентированных организаций, оказывающих социальные услуги населению (как входящие в реестр поставщиков социальных услуг, так и не вошедшие в него) (N=9). Топик-гайд содержал несколько смысловых блоков: проблемы входа социально ориентированных некоммерческих организаций на рынок социальных услуг в регионе, взаимодействие негосударственных и государственных (муниципальных) социальных служб в регионе, вопросы качества социальных услуг, поддержка профильными ведомствами негосударственных поставщиков социальных услуг и влияние Интернета и цифровых технологий на развитие рынка.

3. Региональный ландшафт квазирынка социальных услуг в Ярославской области

Рассмотрение регионального ландшафта социального обслуживания позволяет сформировать общую мозаичную картину социального развития общества. В Ярославской области в реестр поставщиков социальных услуг включено 58 государственных стационарных и нестационарных учреждений¹. Негосударственных организаций, входящих в реестр поставщиков социальных услуг Ярославской области на 01.01.2020, насчитывается всего 3. Однако, согласно исследованиям А. В. Соколова, еще в 2015–2016 годах в Ярославской области «2/3 некоммерческих организаций, попавших в выборку исследования, уже сейчас оказывают населению социальные услуги. НКО специализируются на предоставлении бесплатных социальных услуг,

¹Реестр поставщиков социальных услуг Ярославской области // Портал органов государственной власти Ярославской области [сайт]. URL: <http://www.yarregion.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).

связанных с организацией досуга населения и оказанием ему информационно-консультативной помощи (в т. ч. юридической). Платные услуги в настоящий момент составляют не более 9 % в работе общественных объединений, попавших в выборку исследования» [27].

Для оценки объема рынка социальных услуг в Ярославской области обратимся к анализу количества получателей такого вида услуг на территории региона.

Общее количество получателей социальных услуг за 2018 год, согласно официальным данным Правительства Ярославской области, составило 167 726 человек (включая все виды и формы социальных услуг, предоставляемых государственными и муниципальными, бюджетными и казенными учреждениями, а также негосударственными некоммерческими организациями социального обслуживания, в том числе учреждениями социального обслуживания несовершеннолетних). При этом даже в динамике за последние несколько лет доля получателей социальных услуг в негосударственных структурах – СО НКО не превышает 20 % (рис. 1).

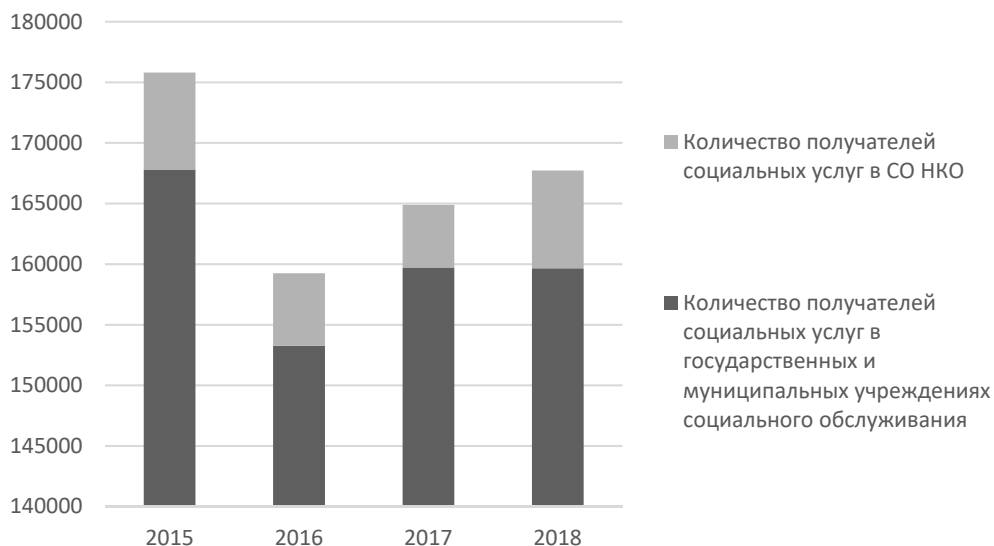

Рисунок 1. Сравнительная характеристика количества получателей социальных услуг в государственных учреждениях муниципального обслуживания населения и в социально ориентированных некоммерческих организациях

Структура субъектов социального обслуживания (исключая некоммерческие негосударственные структуры) представлена на рис. 2. Официально в реестр поставщиков социальных услуг Ярославской области включены 3 негосударственные организации, что составляет менее 10 % от общего количества поставщиков социальных услуг, зарегистрированных в реестре. В то же время общее количество СО НКО, предоставляющих социальные услуги населению региона через механизмы государственного социального заказа, компенсации затрат поставщикам социальных услуг и конкурсных процедур, от общей численности организаций социального обслуживания всех форм собственности составило – 20 % (14 организаций общественного сектора и 56 государственных и муниципальных служб).

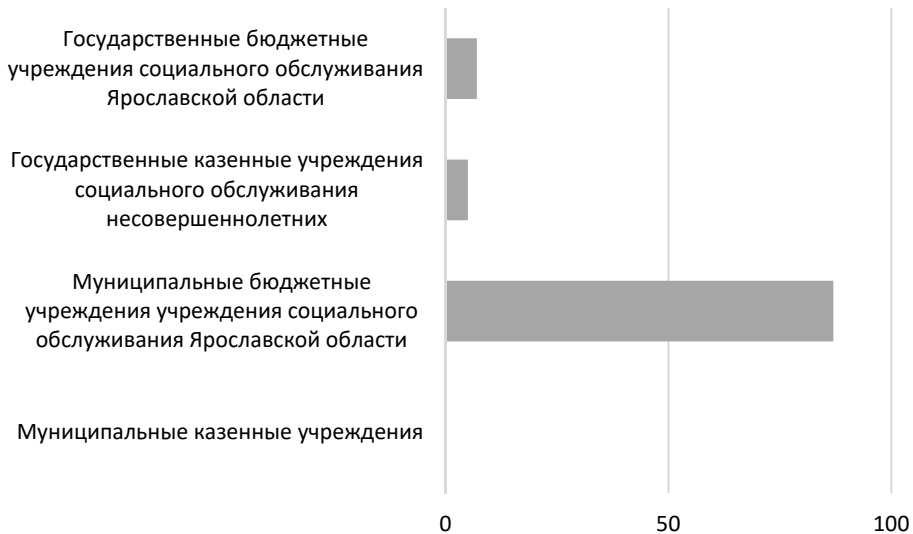

Рисунок 2. Доля получателей социальных услуг по организационно-правовым формам учреждений социального обслуживания в Ярославской области за 2018 г.

Для сравнения – в Финляндии доля социальных услуг, предоставляемых негосударственным сектором (включая коммерческие и некоммерческие организации), составляет в среднем 28 % от общего объема услуг, при этом услуги, предоставляемые частным сектором, могут достигать 55 %. Во Франции государственные и муниципальные социальные службы составляют около половины всех учреждений, оказывающих услуги постоянного ухода [28], в Германии не более 7 % приходится на государственные и муниципальные учреждения [29].

Что касается продуктового объема исследуемого квазирынка, то общее количество социальных услуг, предоставляемых государственными и муниципальными учреждениями Ярославской области, только за первое полугодие 2018 года составило более 12000 единиц, что примерно равно количеству услуг, оказанных СО НКО в Ярославской области за весь 2018 год (12890 единиц).

Одним из наиболее значимых ограничивающих факторов развития конкурентных рынков социальных услуг в продуктивном разрезе, по мнению опрошенных экспертов, является то, что набор социальных услуг, а также стандарты их оказания разрабатывались для государственных социальных служб (многие из них – еще в советский период). В свою очередь, данное обстоятельство зачастую не позволяет СО НКО входить на рынок с инновационными социальными решениями и технологиями социальной помощи. Из этого следует, что продуктовые границы рынка оказываются искусственно ограниченными тем спектром услуг, которые традиционно предоставляли государственные социальные службы.

Таким образом, удельный вес негосударственных организаций в общей численности организаций социального обслуживания всех форм собственности составил 20 % (56 государственных организаций, состоящих в реестре поставщиков услуг, и 14 СО НКО, участвующих в оказании социальных услуг населению по всем существующим механизмам поддержки СО НКО).

Отметим, что социальные службы практически не конкурируют между собой, так как имеют жесткие территориальные рамки – районы проживания обслуживаемого населения, а негосударственные СО НКО охватывают узкие сегменты потенциальных потребителей. Соответственно, говорить о наличии сопоставимых объемов предоставления социальных услуг государственными/муниципальными и негосударственными некоммерческими организациями в Ярославской области, а значит, и о наличии истинной конкуренции не приходится, а квазирынок на данном зачаточном этапе становления правильнее было бы назвать «проторынком».

Оценим далее возможные направления возникновения конкурентных отношений – по качеству предоставляемых услуг.

Конкуренция на квазирынке социальных услуг фактически не является ценовой в связи с государственным регулированием тарифов, а также неготовностью большинства получателей социальных услуг оплачивать их (этот факт отметили 5 из 9 опрошенных экспертов).

Эксперты в ходе глубинных интервью отметили, что СО НКО несут большие финансовые риски – существует существенный лаг между затратами на услуги и размером компенсации за нее от государства, ряд услуг, например, полустационарное или стационарное обслуживание, практически недоступен для НКО в силу дороговизны и требований контролирующих инстанций к помещениям, в которых эти услуги предоставляются. Как отмечается в специальном докладе Общественной палаты Российской Федерации «Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере», «тарифы и компенсации негосударственным поставщикам социальных услуг рассчитываются на основе подушевых нормативов финансирования социальных услуг» [30].

Следует отметить, что социальные услуги в форме стационарного социального обслуживания в Ярославской области оказывают только государственные социальные учреждения, СО НКО в реестре поставщиков социальных услуг Ярославской области в стационарной форме не представлено. Следовательно, государственные учреждения являются монополистами в этом сегменте рынка социальных услуг.

Надомное социальное обслуживание, таким образом, является единственным сегментом рынка, на котором представлены СО НКО, вошедшие в реестр поставщиков социальных услуг.

Вторичный анализ результатов независимой оценки качества работы учреждений социального обслуживания Ярославской области, осуществляемой Общественным советом при Департаменте труда и социальной поддержки населения Правительства Ярославской области, позволил авторам сделать следующие выводы.

У государственных учреждений социального обслуживания обнаружены низкие нормативные значения по шкале удовлетворенность условиями оказания социальных услуг (83,6 балла), несколько выше – 87,24 балла – по шкале «доброжелательность, вежливость работников организации социальной сферы».

У СО НКО, напротив, показатели по шкалам «доброжелательность и вежливость сотрудников» и «удовлетворенность условиями оказания социальных услуг» выше – 85,9 и 94,16 балла соответственно (рис. 3). Очень низко получатели социальных услуг оценили доступность услуг для инвалидов – 17,63 балла – это самый низкий показатель среди всех учреждений социального обслуживания в Ярославской области.

В целом отметим, что оценка качества оказываемых социальных услуг у государственных учреждений значительно выше практически по всем показателям, что,

вероятнее, связано со спецификой проведения опросов клиентов социальных служб. По мнению, высказанному экспертами в ходе глубинных интервью, качество предоставляемых негосударственными службами услуг может соответствовать качеству социальных услуг государственных и муниципальных социальных служб в Ярославской области: «Есть свои плюсы и минусы и у НКО и у государственных служб», «Объективно качество предоставляемых СО НКО услуг не хуже, чем соответствующие услуги, например, в комплексных территориальных центрах социального обслуживания».

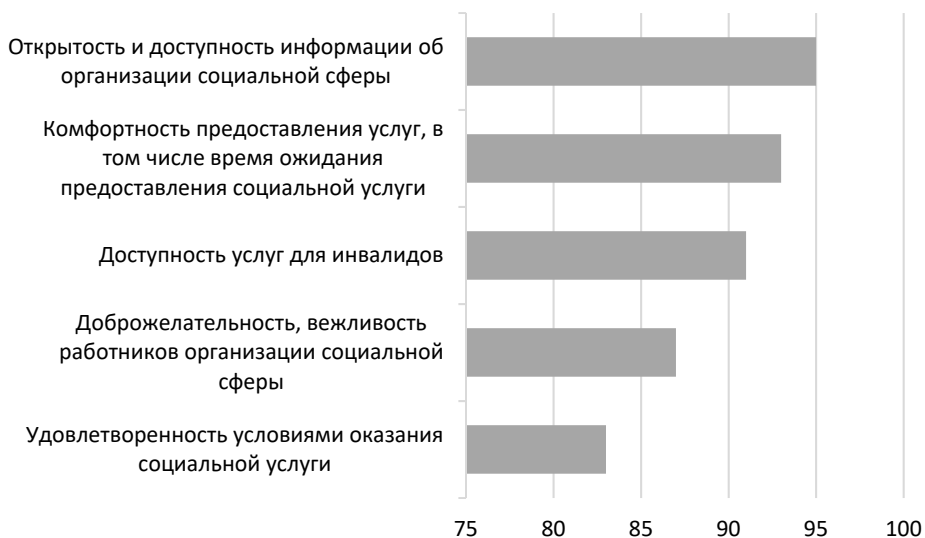

Рисунок 3. Оценка качества социальных услуг, предоставляемых СО НКО в форме социального обслуживания на дому¹.

На основании мнений экспертов, полученных в ходе интервью, а также основываясь на данных ежегодного доклада Общественной палаты Ярославской области за 2015–2018 годы и специального доклада Общественной палаты России «Участие СО НКО в оказании социальных услуг» за 2018 год, авторы провели SWOT-анализ деятельности негосударственных некоммерческих организаций-поставщиков социальных услуг в Ярославской области, представленный в таблице 1.

Полученные в ходе анализа выводы интересно сопоставить с анализом деятельности государственных (муниципальных) социальных служб. Так, в качестве угроз в ходе аналогичного SWOT-анализа деятельности территориальных центров социального обслуживания были названы такие факторы, как патерналистское и иждивенческое восприятие социальной поддержки населением, неготовность получать социальные услуги на коммерческой основе, конфликтные отношения получателей социальных услуг и сотрудников социальных служб [31, с. 139].

¹Составлено авторами на основании Протокола заседания Общественного совета при Департаменте труда и социальной поддержки населения Ярославской области от 23.10.2019 № 3. URL: <https://www.yarregion.ru/depts/dtspn/Pages/NezOtsenkaKachestva.aspx>

SWOT-анализ деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном квазирынке социальных услуг в Ярославской области

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Предоставление социальных услуг тем категориям граждан, которые не охвачены деятельностью государственных или муниципальных социальных служб (бездомные, молодые люди с ментальными нарушениями, отдельные категории семей).</p> <p>Предоставление тех видов социальных услуг, которые не предоставляются государственными или муниципальными социальными службами (услуга сиделок, сопровождаемое проживание, организация досуга и развития коммуникативного потенциала для отдельных категорий граждан).</p> <p>Снижение транзакционных издержек для получателей социальных услуг (отсутствие бюрократических процедур, необходимых для получения социальных услуг у негосударственных организаций).</p> <p>Индивидуальный подход к получателям социальных услуг (от которого во много зависит качество услуг) обеспечивается за счет небольшой клиентской базы СО НКО и их более полного понимания нужд отдельных клиентов или категорий получателей.</p> <p>Готовность к инновациям, использование инновационных технологий социальной работы в деятельности СО НКО, большая гибкость.</p>	<p>Проблемы финансирования (все опрошенные эксперты указали на эту слабую сторону, вне зависимости от форм поддержки СО НКО государством – будь то муниципальный или государственный заказ, компенсация затрат на предоставление общественно полезных услуг, гранты, субсидии, пожертвования).</p> <p>Институциональные ограничения входа на рынок – барьеры, связанные с требованиями к видам и формам услуг (инновационные формы или виды услуг, предлагаемые СО НКО, могут не попадать под номенклатуру услуг, разрабатывавшуюся для государственных (муниципальных) служб, а также не вписываться в стандарты оказания услуг, также ориентированные на государственные службы, например, иппотерапия).</p> <p>Низкий ресурсный потенциал СО НКО (эксперты отметили наличие жестких санитарно-гигиенических и пожарных требований к помещениям для стационарных форм социального обслуживания при высокой стоимости оборудования, а также необходимость создания доступной среды для инвалидов при отсутствии дополнительных источников финансирования на эти нужды для СО НКО).</p> <p>Низкий уровень информированности получателей социальных услуг о деятельности СО НКО (отметим, что фактор недоверия потенциальных клиентов к СО НКО не был указан ни одним из опрошенных экспертов).</p> <p>Низкий уровень платежеспособности получателей социальных услуг в силу особенностей их социально-экономического статуса (в сочетании с более высокими тарифами, чем в государственных (муниципальных) учреждениях) делает СО НКО менее конкурентоспособными).</p>

Возможности	Угрозы
<p>Увеличение доли СО НКО на региональном рынке социальных услуг – как за счет большего охвата потребителей, так и за счет расширения перечня оказываемых услуг.</p> <p>Дальнейшая профессионализация сектора социальных услуг (как государственных, так и негосударственных) и, как следствие, повышение эффективности работы социальных служб всех организационно-правовых форм.</p> <p>Внедрение новых форм поддержки СО НКО со стороны региональных органов власти (например, введение потребительских сертификатов) и дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, направленной на повышение роли СО НКО в оказании социальных услуг населению региона.</p> <p>Привлечение волонтерского ресурса, в том числе интеллектуального.</p>	<p>Формальное исполнение региональными и муниципальными органами власти мер по поддержке включения СО НКО в оказание социальных услуг населению.</p> <p>Усиление конкуренции со стороны государственных и муниципальных социальных служб нерыночными методами – за счет административного ресурса.</p> <p>Снижение спроса (возможно сокращение численности отдельных категорий получателей социальных услуг или снижение их платежеспособности).</p>

В целом проведенный анализ позволяет вычленить конкурентную силу СО НКО как поставщиков социальных услуг: большая гибкость, инновационность, ориентация на узкие категории потребителей, а значит, более внимательное отношение к их нуждам и потребностям, работа с теми клиентами, которые не входят в системы оказания помощи государственными службами, а также предоставление расширенного спектра социальных услуг.

В качестве конкурентной слабости СО НКО эксперты в ходе интервью отметили:

- проблемы финансирования (100 % из числа опрошенных);
- слабую ресурсную базу («Очень сложно конкурировать. Например, чтобы зайти в полустационарные услуги, надо обеспечить требования государства, стоящие немалых денег, – пожарная сигнализация, доступная среда, медицинский кабинет и т. д. Государственные организации финансируются государством, в том числе и на эти статьи, у НКО такого финансирования нет»);
- ригидность институциональной среды («Перечень услуг, тарифы и требования к ним должны быть гибкими и быстро подстраиваться под требования получателей. Процесс «заведения» новой услуги составляет от 6 месяцев до года»).

Эффективное функционирование любого рынка требует полноты информации для потребителя о видах и формах предоставляемых услуг и их качестве у разных поставщиков. Интернет и технологии на его основе способны обеспечить потребителей социальных услуг полной информацией о наличии возможностей, создать безбарьерную среду для различных категорий получателей услуг, что, в свою очередь, позволит реализовать один из основных принципов социального государства – равенство прав и недискриминационный доступ к услугам и большую социальную справедливость в обществе [32].

Органы социальной защиты населения Ярославской области с использованием автоматизированной информационной системы «Единый социальный регистр населения Ярославской области» (АС ЕСПН ЯО) направили в различные ведомства свыше 238 тысяч межведомственных запросов в электронном виде [33]. Согласно Ежегодному докладу о состоянии гражданского общества за 2018 год, 75,3 % опрошенных представителей регионального интернет-сообщества отметили повышение доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в электронном виде в Ярославской области. 34,6 % из них в течение года лично воспользовались возможностью электронного получения государственной/муниципальной услуги. Воспользовались электронными услугами некоммерческих организаций 13,4 % регионального интернет-сообщества (что на 5 процентных пунктов выше, чем в 2017 году) [34]. Наряду с этим необходимо отметить более активное и ориентированное на целевую аудиторию цифровое представительство СО НКО.

В связи с этим перспективным представляется создание единой региональной информационной системы в Ярославской области для поставщиков и получателей социальных услуг, позволяющей жителям региона заказывать социальные услуги через сеть Интернет с правом выбора поставщика и заключением контрактов онлайн через авторизацию на портале государственных услуг.

В целом тенденция к «цифровизации» социального обслуживания может быть оценена как перспективная, снижающая транзакционные издержки и барьеры доступа к рынку социальных услуг как со стороны их получателей, так и со стороны новых игроков рынка в лице социально ориентированных некоммерческих организаций, а значит, способствующая развитию квазирыночных отношений в сегменте предоставления социальных услуг.

Заключение

Проведенное исследование особенностей квазирынка социальных услуг в Ярославской области позволяет предположить, что формирование устойчивой региональной модели социального обслуживания на данном этапе связано с дальнейшей диверсификацией субъектов социального обслуживания, расширением продуктовых границ этого рынка, внедрением инновационных технологий помощи и повышением как экономической, так и социальной эффективности социального обслуживания.

В ходе исследования был выявлен ряд ограничений, не позволяющих СО НКО стать полноценными игроками регионального квазирынка. Большая их часть, по мнению экспертов, лежит в сложившейся в советский период институциональной среде социального обслуживания, выстроенной в патерналистской философии, и соответствующим этой концепции психологии и поведении потребителей. Необходимо учитывать, что создание и поддержание конкурентных отношений на квазирынке социальных услуг не является самоцелью, оно лишь должно способствовать наиболее оптимальному удовлетворению социальных потребностей общества, обеспечивать устойчивое развитие, отвечать социально-демографическим и социально-структурным изменениям. Расширение субъектного состава сферы социального обслуживания должно способствовать достижению социального благополучия как отдельного человека, региональных сообществ, так и общества в целом.

Ссылки / References

1. Kendall J., Knapp M., Forder J. Social care and the nonprofit sector in the western developed world // *The nonprofit sector: a research handbook*. 2006. Vol. 2. P. 415–431.
2. Бобков В. Н, Колмаков И. Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. № 4. С. 971–984.
3. Koldinská K. Social services in accession countries // *Social Work & Society*. 2004. Vol. 2. № 1. P. 110–117.
4. Avlijas S. Social policy reform: financing social services – practical lessons from Slovakia // *Slovak-Serbian EU Enlargement Fund*. 2015. P. 54–64.
5. Kaboolian L. The new public management: challenging the boundaries of the management vs. administration debate // *Public Administration Review*. 1998. Vol. 58. № 3. P. 189–193.
6. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Менеджериализация в социальной работе и социальной политике // *Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров*. 2012. № 2. С. 10–12.
7. Veenhoven R. Happiness in nations: Subjective appreciation of life in 56 nations 1946–1992 // *World Database of Happiness*. 2001. Vol. 44. № 6. P. 231–235.
8. Барков А. В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
9. Попова Д. Г. Услуга как объект гражданских прав и ее соотношение с категорией «Социальная услуга» // *Вестник КемГУ*. 2012. № 1. С. 351–358.
10. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере. Специальный Доклад Общественной палаты Российской Федерации // *Общественная палата Российской Федерации [сайт]*. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_uchastie_NKO_socuslugi05112019.pdf (дата обращения: 21.01.2020).
11. Neergaard U. *Social Services in General Interest in EU*. T.M.C. Asser Press. 2013. 505 p.
12. Mulgan G. Measuring social value // *Stanford social innovation review*. 2010. № 3. P. 38–43.
13. Samuelson P. A. The pure theory of public expenditure // *The Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. № 4. P. 387–389.
14. Le Grand J. *The other invisible hand: delivering public services through choice and competition*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 208 p.
15. Le Grand J. Quasi-Markets and Social Policy // *The Economic Journal*. 1991. Vol. 101. № 408. P. 1256–1267.
16. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Квазирынки социальных услуг // *Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров*. 2012. № 2. С. 14–17.
17. Сулова С. В. Некоммерческие производители на региональных квазирынках социальных услуг // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 72–89.
18. Якимчук С. В. Формирование и развитие инновационной системы управления социальной защитой в интересах роста человеческого капитала: теория, методология, практика // *Отечественный журнал социальной работы*. 2016. № 4. С. 11–31.
19. Сухов А. Н., Гераськина М. Г., Захарова А. А. Доверие клиентов к социальным работникам // *Отечественный журнал социальной работы*. 2016. № 4. С. 86–91.

20. Romanov P. Quality evaluation in social services: challenges for new public management in Russia // *Mixes, Matches, and Mistakes: New Public Management in Russia and the Former Soviet Republics*. Budapest: LGI, OSI, 2008. P. 9–53.
21. Allen R., Burgess S. The future of competition and accountability in education. London: Public Services Trust at the RSA, 2020. 29 p. URL: http://www.2020publicservicetrust.org/downloads/9_The_Future_of_Competition_and_Accountability_in%20Education.pdf (date of access: 02.02.2020).
22. Ожерельева Т. А. Развитие маркетинга образовательных услуг // *Перспективы науки и образования*. 2014. № 4. С. 153–156.
23. Flynn R., Pickard S., Williams G. Contracts and the quasi-market in community health services // *Journal of Social Policy*. 1995. Vol. 24. № 4. P. 529–550.
24. Поляков И. В., Зеленская Т. М., Чернов А. Е. Развитие маркетинга медицинских услуг в коммерческих организациях // *Экология человека*. 2004. № 4. С. 54–56.
25. Osborne S. P. The new public governance // *Public Management Review*. 2006. Vol. 8. № 3. P. 377–387.
26. Thynne I. Making sense of public management reform: driver and supporters in comparative perspective // *Public Management Review*. 2003. № 5. P. 449–459.
27. Соколов А. В., Фролов А. А. Некоммерческий сектор Ярославской области: оценка эффективности деятельности в 2015 г. // *Власть*. 2016. № 8. С. 74–78.
28. Study on Social Services of General Interest Final Report. European Commission // Official website of the European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=794> (date of access: 06.02.2020).
29. Polacek R., McDaid D. Study on social services of general interest final report // LSE Research Online. 2012. URL: https://eprints.lse.ac.uk/43342/1/study_on_social_services_of_general_interest%28LSERO%29.pdf (date of access: 06.02.2020).
30. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере. Специальный Доклад Общественной палаты Российской Федерации. М., 2019 // Общественная палата Российской Федерации : [сайт]. URL: https://opuo.ru/wp-content/uploads/2020/02/doklad_uchastie_NKO_socuslugi05112019.pdf (дата обращения: 21.01.2020).
31. Лотова И. П. Оценка эффективности деятельности учреждения социального обслуживания // *Отечественный журнал социальной работы*. 2016. № 4. С. 136–147.
32. Pestoff V., & Brandsen T. Public Governance and the third sector: opportunities for co-production and innovation? // Conference of the European Group of Public Administration. 2009. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.951.5418&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
33. Оказание государственных услуг в электронном виде и межведомственное взаимодействие в рамках АС ЕСПН ЯО. Методические рекомендации Департамента труда и социальной поддержки населения Ярославской области. Ярославль. Департамент труда и социальной поддержки населения Ярославской области, 2018. 40 с.
34. Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2018 году. 2019. 144 с. // Общественная палата Ярославской области [сайт]. URL: <https://opuo.yarregion.ru/documents/doklady/> (дата обращения: 05.01.2020).

Communicative tools for organizing a dialogue in network book sand bloginge

L. G. Antonova¹, K. A. Ryzhenkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-318-325

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the communicative tools for organizing dialogue relations in network book blogging, which is presented as an active intellectual news platform, a video hosting site that is interesting for its capabilities of educational content and technologies for promoting new products of cinema, theater and book products in the space of virtual discourse. The authors consider the problems of communicative competence of the blogger and the basics of effective communication in the context of blog discourse, present the basic requirements for organizing the news content of the recording, the way of self-presentation and the choice of tools for virtual interaction of the blogger-booktuber with subscribers. When describing the real tools of the virtual dialogue of the blogger-booktuber, the authors refer to the blog discourse of Nikolai Zharinov on the youtube channel Artifix. On specific examples of video recording, the ways of self-presentation of the blogger, the strategy of his interaction with the target audience, his choice of style and language elements of influence are analyzed. Particular attention is paid to the methods of selection and theme of intellectual content for the programs of this author, the creative features of the individual author's commenting on information. The authors prove that online blogging is a unique communicative environment that allows the blogger to be a creative, self-sufficient competent person, successfully combine the public and intimate in a network dialogue. Each booktuber blogger strives for "effective communication", which is understood as such a dialogue interaction that allows the speaker to achieve the goal and solve a set of communicative tasks: socio-cultural education, successful self-presentation, competent promotion of an intellectual cognitive product-novelties of the book market.

Keywords: virtual discourse; network book blogging; blogger-booktuber; communicative competence of the blogger; educational content; youtube channel Artifix

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonova, Liubov G. (correspondence author)	E-mail: antonova_liubov@mail.ru Doc. Sc. (Pedagogical Sc.), Department chair
Ryzhenkova, Ksenia A.	E-mail: kryzhenkova@bk.ru Student

Funding: P. G. Demidov Yaroslavl State University, project VIP-011.

For citation: Antonova L. G., Ryzhenkova K. A. Communicative tools for organizing a dialogue in network book sand bloginge // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 318-325. (in Russ.)

Коммуникативные инструменты организации диалога в сетевом книжном блогинге

Л. Г. Антонова¹, К. А. Рыженкова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-318-325
УДК 81.42

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются коммуникативные инструменты организации диалоговых отношений в сетевом книжном блогинге, который представлен как активная интеллектуальная новостная площадка, видеохостинговый сайт, интересный своими возможностями просветительского контента и технологиями продвижения новинок киноискусства, театрального дела и книжной продукции в пространстве виртуального дискурса. Авторы рассматривают проблемы коммуникативной компетентности блогера и основы эффективной коммуникации в контексте блогодискурса, представляют основные требования к организации новостного контента записи, способам самопрезентации и выбору инструментов виртуального взаимодействия блогера-буктьюбера с подписчиками. При описании реальных инструментов виртуального диалога блогера-буктьюбера авторы обращаются к блогодискурсу Николая Жаринова на youtube-канале Artifix. На конкретных примерах видеозаписи анализируются способы самопрезентации блогера, стратегии его взаимодействия с целевой аудиторией, выбор им стилизованных и языковых элементов воздействия. Особое внимание уделено способам отбора и тематике интеллектуального контента для программ данного автора, креативным особенностям индивидуально-авторского комментирования информации. Авторы доказывают, что сетевой книжный блогинг является уникальной коммуникативной средой, которая позволяет блогеру быть креативной, самодостаточной компетентной личностью, успешно сочетать публичное и интимное в сетевом диалоге. Каждый блогер-буктьюбер стремится к «эффективной коммуникации», под которой понимается диалоговое взаимодействие, позволяющее говорящему достичь поставленной цели и решить комплекс коммуникативных задач: социально-культурного просветительства, успешной самопрезентации, грамотного продвижения интеллектуального познавательного продукта – новинок книжного рынка.

Ключевые слова: виртуальный дискурс; сетевой книжный блогинг; блогер-буктьюбер; коммуникативная компетентность блогера; просветительский контент; Youtube-канал Artifix

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова, Любовь Геннадьевна (автор для корреспонденции)	E-mail: antonova_lubov@mail.ru Доктор педагогических наук, зав. кафедрой теории и практики коммуникации
Рыженкова, Ксения Андреевна	E-mail: kryzhenkova@bk.ru Магистрант факультета филологии и коммуникации

Финансирование: ЯрГУ, проект № ВИП-011

Для цитирования: Антонова Л. Г., Рыженкова К. А. Коммуникативные инструменты организации диалога в сетевом книжном блогинге // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 318-325.

© Антонова Л. Г., Рыженкова К. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Развитие интернет-коммуникации существенным образом повлияло на современную культуру, в том числе и на культуру получения новостной информации в гуманитарной сфере. Наиболее яркие характеристики переживаемого нами «культурного сдвига», обусловленного возможностями интернет-общения, состоят, по мнению исследователей, прежде в «открытом доступе к разным видам информационного контента» во всемирной электронной сети, возникновении социальных сетей как «общественных структур взаимосвязанных субъектов», а в связи с этим в «изменении соотношения приватности и публичности в разных речевых жанрах при общении в сети» и возникновении «новых форматов и жанров общения» [1, с. 192–193].

Развитие медиасреды и совершенствование медиатехнологий привели к созданию крупных информационных платформ, которые предоставляют пользователям услуги хранения, доставки и показа видеоконтента. К числу таких платформ с широким охватом целевой аудитории относится YouTube – видеохостинговый сайт, пользователи которого могут загружать, просматривать, оценивать, комментировать, добавлять в избранное и делиться теми или иными видеозаписями. Благодаря простоте и удобству использования, YouTube стал популярнейшим видеохостингом и вторым сайтом в мире по количеству посетителей. В числе дополнительных признаков привлекательности следует назвать «интерактивность (возможность общения читателя и автора), высокую степень демократичности общения, отсутствие цензуры (за исключением запретов на перепосты экстремистского содержания), выраженную игровую коммуникативную тональность многих сообщений, высокую скорость распространения информации» [Там же. С. 196–197]. Но для гуманитариев видеохостинговый сайт прежде всего интересен своими **возможностями просветительского контента** и технологиями продвижения новинок киноискусства, театрального дела и, конечно, книжной продукции.

И в первую очередь встает вопрос о **коммуникативной компетентности блогера**. Этот вопрос неоднократно рассматривался в числе важных при анализе проблем эффективной коммуникации в блогодискурсе. В первую очередь для успешной коммуникации блогер как языковая личность в интернет-коммуникации должен владеть определенными знаниями, представлениями, умениями и навыками, необходимыми для поддержания общения и обмена информацией в рамках соответствующей ситуации общения. Принято считать, что коммуникативная компетентность языковой личности блогера складывается из трех составляющих: энциклопедической, лингвистической и интерактивной [2, с. 58]. Под *энциклопедической компетенцией* в данном случае понимается способность человека «вербально описывать положение дел в том или ином фрагменте мира», например, в какой-то предметной области. О *лингвистической компетенции* пользователя будет непосредственно свидетельствовать способность «правильного использования арсенала определенного языка для достижения тех или иных целей». И самая важная – *интерактивная – компетенция* проявляется в способности участника виртуального дискурса к установлению *языкового контакта* с партнером по коммуникации при соблюдении *правил общения*, принятых в данном языковом коллективе. Поскольку речь участников виртуального блогодискурса – это *сплав устной и письменной речи*, то для адекватной коммуникации в Сети блогер должен знать все эти особенности

и уметь правильно употреблять и воспринимать эту «новую устно-письменную форму речи» [Там же. С. 59].

И еще одно важное условие успешного блогодискурса, о котором так верно говорит В. И. Карасик, – «возможность выбора информации и источника информирования» и возрастание значимости «карнавализации» и «игровой составляющей в культуре», что неизбежно ведет за собой «развлекательную функцию» в сетевом общении, которая и обеспечивает талантливому блогеру «доминирование в неофициальном общении» [1, с. 163–164].

Таким образом, социальные сети и видеохостинги позволяют блогерам реализовать свое желание представить себя наиболее благоприятным образом; помогают создать персональный «идеальный» образ ведущего благодаря «самопрезентации» перед виртуальным участником разговора. Не обходится здесь без «ювенилизации самопредставления» (В. И. Карасик), что ярко отражается в новых жанрах сетевого дискурса с *маркированной креативностью* – блогах (сетевых дневниках), пирожках (смешных поэтически оформленных жизненных наблюдениях) и демотиваторах (поликодовых текстах с изображением и подписью к нему, иронически оценивающей картинку). По мнению исследователей, именно «*подчеркнутая авторская позиция*» комментаторов-блогеров, высокая степень «*интертекстуальности сообщений*» и обеспечивают тот устойчивый интерес пользователей различных сетевых аккаунтов, которые и принято называть «коммуникативными сообществами, объединенными сходным мировосприятием» их участников [Там же. С. 205].

Именно на таком популярном сообществе, обеспечивающем активный интерес пользователей к чтению как форме «интеллектуального труда» и продвигающем новинки книжной индустрии, мы и остановимся. Контент на ютубе, имеющий отношение к книжным обзорам, называют **буктьюбом (booktube)**. Соответственно, авторы таких youtube-каналов – *буктьюберы*. Это направление стало достаточно популярным в блогодискурсе, но, к сожалению, в этом виде **интеллектуального новостного дискурса** пока недостаточно профессионалов для организации эффективного качественного интернет-диалога.

Серьезным исключением можно назвать блогодискурс **Николая Жаринова¹ на youtube-канале Artifix** [3; 4; 5].

Данный канал демонстрирует все новейшие достижения блогодискурса в направлении популяризации литературы и искусства в режиме интеллектуального новостного сайта. Он насчитывает 641 тысячу подписчиков (на 05.06.2021) и является профессионально-организованным проектом с несколькими ведущими, каждый из которых ведёт свою подрубрику. Важный инструмент организации **интернет-диалога** – имиджевая концепция журнала, которая ярко и креативно заявлена при входе на портал: «*Мы команда влюблённых в искусство людей, которые стремятся поделиться этой любовью со своей аудиторией. Для Artifex нет неинтересных проектов – любое искусство имеет право быть увиденным и услышанным. А мы видим искусство практически во всём и знаем, как правильно его преподнести*» [3]. Таким образом, авторы канала позиционируют себя как профессионалы в обла-

¹Николай Жаринов – главный редактор YouTube-канала Artifex Ru, имеет филологическое образование, является преподавателем вуза. Он автор научно-популярных книг: «Исповедь литературоведа...», «Тайная жизнь шедевров...» и др. В течение последних лет занимает одну из первых позиций в рейтинге блогеров-буктьюберов.

сти разных видов искусств, они знают, как привлечь аудиторию к изучению и пониманию произведений искусства и продуктов книжной индустрии. Для подписчиков важно, что устроители позиционируют себя как *«профессионалы»*, а значит, полученной информации на этом канале можно доверять, ее можно использовать, ею можно делиться с другими подписчиками.

Имиджевая заставка, которая сопровождает деятельность канала, выполнена в классической инсталляционной манере со смысловыми видеофайлами и удачно дополняет грамотно созданный имиджевый образ канала в интернет-диалоге со зрителями.

Таким образом, **актуализация внешних признаков качественного контента** YouTube-канала Artifex Ru позволяет реализовать задачи креативного продвижения информации и «ювенилизация самопредставления» (В. И. Карасик) в новых формах сетевого дискурса, о чем мы говорили в начале статьи.

Но основной и важнейший инструмент сетевого диалога связан с созданием **качественного контента**, который, как известно, остаётся в сети и продолжает набирать просмотры и комментарии даже спустя годы после публикации. Не менее значим и выбор своего **«особенного»** стиля подачи информации и **средств воздействия** на свою аудиторию.

Все **программы Николая Жаринова** отличаются непревзойденным вкусом в отборе и подаче новостного контента. Как правило, блогер предлагает интересные обзоры книжных новинок или оригинальную интерпретацию ранее вышедших книг, в которых особое внимание уделено осмыслению философских и историко-культурных проблем.

Так, например, одна из последних его работ – **«Топ 10 книг, меняющих жизнь (Исповедь литературоведа)»** – посвящена аналитическому разбору известных книг, которые позволяют заново осмыслить прочитанное [5]. Выбирая подобное название для видеопрограммы, автор ориентирует подписчика на *продуктивное, смысловое восприятие информации*, позволяющее после целенаправленного и креативного просмотра программы осознать роль книги и чтения в жизни человека.

Автор блога оправданно выбирает в качестве жанра интерактивного диалога **разговор со зрителем; беседу**. На протяжении всего видеоролика собеседники являются полноправными участниками речевого действия, происходит обмен «равноправными», равнозначными репликами, суждениями, размышлениями. Кроме того, ведущий предполагает и реакции «второго адресата» – ждет комментариев зрителей непосредственно в чате на информацию из видеоматериалов, которые демонстрируются в ходе беседы.

Особо следует сказать о выборе **тактических приемах организации диалога** в программах Николая Жаринова. Как правило, он, как умелый блогер-буктьюбер, выбирает две основные тактики.

Первая, лидирующая, – тактика самопродвижения. Блогер пытается показать зрителю, что он является компетентным в том материале, о котором он рассказывает, так зритель узнает, что перед ним не просто блогер, а специалист-филолог, для которого анализ нового литературного произведения – «интересная и ответственная задача». И эта тактика успешно реализуется, благодаря уверенному, креативному изложению материала и выверенному, но очень самодостаточному в коммуникативном отношении поведению блогера. Так, автор может дать

свое личное, ассоциативное мнение о книге и часто делает это без опоры на известные литературоведческие подходы в анализе: «Это сплошной, нескончаемый поток ассоциаций, впечатлений, переживаний. Не текст, а извилистая река, в течении которой нарушаются правила русского языка, обрывки советских газет соседствуют с библейскими аллюзиями, кусками подслушанных разговоров» (о романах С. Соколова). Вот, например, как автор анализирует концепцию нашумевшего романа Джулиана Барнса «Нечего бояться»: «Наверное, каждый из людей думал о своих последних словах. Покинуть этот мир с напутствием, уйти изящно, как Чехов, с бокалом шампанского, или Оскар Уайльд, бросивший вызов занавескам» [5].

В дополнении к такому нетрадиционному анализу текста – ироничный тон, который часто сменяет эпическую тональность беседы, что помогает блогеру «уравновесить» содержательную плотность информативного текста. Например: «Вообще, читать Достоевского в тот момент, когда Вам не очень хорошо на душе, с одной стороны, может быть, и не совсем правильным решением, но с другой стороны, а вдруг поможет...» [Там же]. Эта фраза была сказана блогером с шуточным подтекстом, но все правильно понимают смысловое наполнение этого высказывания в концептуальном поле программы.

Вторая тактика, дополняющая диалоговую стратегию поведения, – *тактика гомилетическая* (пояснение примером, разъяснение). Николай Жаринов, как умелый автор познавательной программы, пытается доказать, что чтение – интереснейшая интеллектуальная деятельность, которая обеспечивает человеку серьезное саморазвитие. Обратим внимание, что этой тактики придерживаются все блогеры-буктьюберы, поскольку основная функция подобных программ – просветительская. В анализируемом видеофрагменте пояснение и разъяснение сопровождает анализ сюжетной линии книги и характеристики трудного авторского подтекста. Вот характерная для блогера оценочная фраза: «Это книга, полная грусти, бездонной тоски человека, столкнувшегося с бездной, но не нашедшего веру, потому что выбор безверия был выбором сердца». Кроме того, автор канала, описывая книгу, может сказать, как эта книга «отразилась» на его жизненной эстетике: «Следующая книга, мимо которой вообще не могу пройти, потому что это было уже то, что полностью перевернула моё сознание...» или «Курт Воннегут. «Бойня номер пять». То, что нужно прочитать и что точно изменит Ваше мировоззрение» [Там же]. Когда зритель видит подобные фразы-откровения и признания, это, во-первых, вызывает большее доверие, поскольку автор поделился чем-то личным, а во-вторых, такие реплики, несомненно, дополнительный словесный стимул к выбору книги и ее прочтению.

Итак, автором были использованы именно эти тактики диалогового поведения, поскольку буктьюбинг, как интегрированная модель блогодискурса, объединяет *стратегии информирования и воздействия* и *стратегию приватности* с предпочтением *непринужденного и доверительного общения*.

Тактические приемы организации диалога хорошо «поддерживаются» грамотным отбором *языковых элементов*, которые подчеркивают **креативный вербальный имидж блогера**, говорящего на одном языке со своими подписчиками.

Например, к числу вербальных приемов интимизации диалога следует отнести использование молодежного сленга или разговорных прецедентов: *спойлерить*,

финишить, явная белиберда, дешёвую поделку из серии «помоги-себе-сам»; эмоционально-оценочные слова: вау, бум, хорош. В ходе интеллектуальной беседы они прекрасно «соседствуют» с книжной лексикой: эстетика, фальшь; публицистическими мотивационными установками: поверьте, учиться хорошо – это того стоит; хорошего вам учебного года, готовьтесь к школе; читайте правильные книги и риторическими вопросами и утверждениями: но куда приводит его это милосердие?; что значит, быть приговорённым к смерти?; что значит возродиться?; а в итоге?; выражено удивительное человеколюбие... [5].

Особое место в **вербальном паспорте говорящего** занимают развернутые оценочные реплики: «я очень люблю этот роман по многим причинам...»; «самое интересно в Достоевском то, что...»; «в этом романе как будто нет ни капли радости...»; «с одной стороны..., но с другой...»; «лично для меня это...»; «а вот это и интересно»; «это же, наверно, самая лучшая картина понимания»; «книги Достоевского – это не мотивационные книги». Не менее значимы активные диалоговые пристройки к собеседникам: «и, знаете что?», «сейчас я постараюсь пояснить, как именно это происходит»; «вы не видите следов...»; «ваш взгляд прикован к мельчайшим деталям...»; «и вам, действительно, хочется сбежать»; «и вот, мы видим с вами...»; «когда вам не очень хорошо на душе...»; «вот ещё одна интересная деталь»; «и теперь смотрите...»; «и снова мы получаем отсылку к...»; «вы знаете, этот год уникальный...»; «мы обязательно вернёмся к вам еще раз...» [3].

Как мы видим, в речи ведущего программы встречаются *разнообразные лексические элементы*. Принципы дискурса и диалога требуют естественного тона общения, выбора устно-речевых оборотов речи с целью сохранения научно-популярного, доверительного и дружеского контекста медийного диалога.

Выводы

Сетевой блогодискурс представляет собой общение в социальной сети в структуре взаимосвязанных субъектов, имеющих общие интересы. Электронный режим общения существенным образом повлиял на способы и содержание такой коммуникации. В сетевом блогодискурсе, благодаря возможности общения в социальных медиа напрямую, между блогерами и их подписчиками произошло размытие границ между публичностью и приватностью: получить ответ на выступление, публикацию или проблемный вопрос можно непосредственно в чате при просмотре или в комментариях сразу после эфира. Это значительно повышает «режим доверия» участников виртуального диалога.

Успешная коммуникация в блогодискурсе поддерживается грамотно выбранными креативными приемами коммуникативного поведения блогера: ярко выраженной авторской позицией, открытой аргументацией, оценочностью, нестандартностью в стилевом и жанровом оформлении записи. Все эти тактические приемы в организации эффективного успешного блогодискурса и экспрессивные средства воздействия обеспечивают востребованность того или иного канала, злободневность и актуальность его информационного контента и в итоге могут сделать блогера и его сайт узнаваемыми и популярными.

Важные наблюдения были сделаны при аналитическом описании сетевого книжного блогинга буктьюбера Николая Жаринова на youtube-канале Artifix. Автор-блогер как личность, активно взаимодействующая с своими подписчиками

в блогодискурсе, грамотно эффективно использующая тактические приемы самопрезентации и просветительского сопровождения, действительно успешно и грамотно сможет преподнести себя массовой аудитории и продемонстрировать свою коммуникативную компетенцию и успешный опыт сетевого диалога.

Наша практика прикладного описания сетевого интерактивного взаимодействия подтверждает, что в лучших примерах блогодискурса перед массовой аудиторией предстает креативная личность автора-блогера, который искренне заинтересован в представлении и анализе актуальных гуманитарных и социокультурных проблем и стремится найти им разумное объяснение и решение в просветительском диалоге со своими подписчиками.

Ссылки / References

1. Карасик В. И. Языковые мосты понимания: монография. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
2. Лутовинова О. В. Коммуникативное пространство виртуальной языковой личности // Известия ВГПУ. 2012. № 11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-virtualnoy-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения 20.07.21).
3. Жаринов Н. Достоевский «Идиот» [Исповедь литературоведа] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fspa_1fKdvw&t=423s. (дата обращения: 30.05.2021).
4. Жаринов Н. Толстой vs Ницше I Горький «На дне» [Исповедь литературоведа] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N162o4IBfes&t=1s> (дата обращения: 30.05.2021).
5. Жаринов Н. Топ 10 книг, меняющих жизнь [Исповедь литературоведа] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yddFxeeAhVQ&list=WL&index=2&t=90s>. (дата обращения: 30.05.2021).

Dialogue with the reader in the journalism of F. M. Dostoevsky (on the example of the article “The Case of the Dzhunkovskys with their own children”)

S. A. Besogonova¹, E. A. Fedorova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-326-333

Research Article
Full text in Russian

The purpose of this article is analyze the methods of organizing the author's dialogue with his reader. the journalistic texts of F. M. Dostoevsky, taken from the "Diary of a Writer" for 1876 and 1877 are the material for this article.

The article discusses the ideas of the dialogue of M. M. Bakhtin, Yu. M. Lotman and others and explains how the reader enters into communication with the author. In addition, the methods of organizing a dialogue with the reader in the journalism of F. M. Dostoevsky on the topic of child suffering are analyzed: the articles «Berries» (in the case of S. L. Kroneberg) and «A simple but complicated case» (in the case of E. K. Kornilova) are reviewed in detail, the article «The case of the Dzhunkovskys with their own children» is analyzed in detail. On the basis of the communicative analysis, the speech tactics used during Dostoevsky's dialogue with his reader are distinguished: the tactics of opposition, the tactics of concession, the tactics of generalization, and others, as well as different types of dialogical relations (agreement and disagreement), different vectors of the author's attention (the court, the Dzhunkovsky family, the reader) are described and features of autocommunication. In addition, parallels are drawn with Dostoevsky's literary text-the novel "The Brothers Karamazov": reflections on the episode about a child's tear are given.

Keywords: F. M. Dostoevsky; The Writer's Diary; speech tactics; dialogue; autocommunication; humanism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Besogonova, Svetlana A. | E-mail: bess.sweta@yandex.ru
(correspondence author) | Student

Fedorova, Elena A. | Email: sole11@yandex.ru
| Doc. Sc. (Philology), Associate Professor

Funding: RFBR, project 18-012-90036

For citation: Besogonova S. A., Fedorova E. A. Dialogue with the reader in the journalism of F. M. Dostoevsky (on the example of the article «The Case of the Dzhunkovskys with their own children») // Social'nye i gumanitarne znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 326-333. (in Russ.)

Диалог с читателем в публицистике Ф. М. Достоевского (на примере статьи «Дело Джунковских с родными детьми»)

С. А. Бесогонова¹, Е. А. Федорова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-326-333
УДК 821.161.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью настоящей статьи является анализ приемов организации диалога автора со своим читателем. Материалом для статьи послужили публицистические тексты Ф. М. Достоевского, взятые из «Дневника писателя» за 1876 и 1877 гг.

В статье рассматриваются идеи диалога М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и других исследователей, объясняется, каким образом читатель вступает в коммуникацию с автором. Кроме того, анализируются приемы организации диалога с читателем в публицистике Ф. М. Достоевского на тему страдания ребенка: обзорно рассматриваются статьи «Ягодки» (по делу С. Л. Кронеберга) и «Простое, но мудреное дело» (по делу Е. К. Корниловой), подробно проанализирована статья «Дело Джунковских с родными детьми». На основе коммуникативного анализа выделяются речевые тактики, используемые в ходе диалога Достоевского со своим читателем: тактика противопоставления, тактика уступки, тактика обобщения и другие, а также описываются разные виды диалогических отношений (согласие и несогласие), разные векторы авторского внимания (суд, семья Джунковских, читатель) и особенности автокоммуникации. Кроме того, проводятся параллели с художественным текстом Достоевского – романом «Братья Карамазовы»: приведены размышления над речью Ивана Карамазова о слезинке ребенка.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; Дневник писателя; речевые тактики; диалог; автокоммуникация; гуманизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бесогонова Светлана Александровна | Email: bess.sweta@yandex.ru
(автор для корреспонденции) | Магистрант факультета филологии и коммуникации

Федорова, Елена Алексеевна | Email: sole11@yandex.ru
| Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
теории и практики коммуникации

Финансирование: РФФИ, проект № 18-012-90036 «Достоевский в средней и высшей школе: проблемы и новые подходы».

Для цитирования: Бесогонова С. А., Федорова Е. А. Диалог с читателем в публицистике Ф. М. Достоевского (на примере статьи «Дело Джунковских с родными детьми») // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 3. С. 326-333.

Обычно понятие «диалог» используется в двух областях коммуникации – житейски-бытовой и научно-философской. В первом случае диалог означает собеседование двух лиц. Во втором – информационное взаимодействие людей как субъектов, независимо от использованных речевых или иных семиотических средств, его целью является повышение степени их духовной общности или достижение этой общности [1, с. 150].

Выявляя сущностную основу диалога, В. А. Подорога рассматривает специфику структуры коммуникации: «Диалог – это живая форма общения, по крайней мере, двух субъектов, которые разными способами включаются в единое поле высказывания. Речь, обращенная к другому, уже несет в себе фрагменты речи того, к кому она обращена, диалог – это пред-понимающая структура смысла» [2, с. 278]. Э. В. Сайко отмечает, что «диалог, будучи формой общения, имеет свою самостоятельную природу, определяющую соответствующую специфическую роль его в культурно-историческом процессе: диалог- общение не равен общению» [3].

Идея диалога пронизывает всю онтологию М. М. Бахтина. В книге «Проблемы поэтики Достоевского» содержится характерное высказывание: «Быть – значит общаться диалогически» [4, с. 338]. Основные категории, описывающие конкретный поступок, – это «я для себя», «другой для меня» и «я для другого». Философия диалога Бахтина оказывается логически полной и завершенной. В ранних произведениях – «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» (начало 20-х годов XX века) – Бахтин представляет феноменологию «я». В книге о Достоевском (конец 20-х годов XX века) предлагается описание диалога «я» и «ты». В поздних работах – в частности, в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (30–40-е годы XX века) – показана третья ступень диалога: ситуация подчинения «я» другому, выражаясь словами Бахтина, «одержания» «я» другим [5, с. 84–85].

На наш взгляд, наиболее «диалогичным» из всего текстового пространства является публицистический текст, поскольку он нацелен на донесение до читателя общезначимой информации и одновременное воздействие на него. Публицистический текст не просто информирует читателя, а формирует в нем достойного собеседника, со-мыслителя или оппонента.

Для создания благоприятной, плодотворной диалоговой атмосферы в тексте должен содержаться богатый диалоговый ресурс – то самое ценное ядро публицистического текста, складывающееся из его содержания, достоверности, эмоциональности, дискуссионности, актуальности, значимости для большинства [6].

Важно осознавать, что в процессе восприятия читатель становится субъектом единого творчески-рецептивного процесса. Он не просто воспринимает текст как готовую данность, а отвечает на художественную мысль писателя аналогичными движениями своей художественной мысли, то есть вступает с ним в диалог.

Текст читателя рождается из встречи сложного текстового потенциала автора и жизненного, эстетического опыта читателя. Это сотворчество реализуется на трех уровнях: внимания, соучастия, открытия. На уровне внимания читатель вступает в коммуникацию с автором, следуя его художественной логике, созерцая мир, созданный его творческим воображением, внимая его мыслям и чувствам, постигая его авторскую установку. Очевидно, что можно говорить об установке каждого писателя на определенный тип читательского восприятия, вниманием которого он овладевает. Установка задается автором при помощи «системы раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую

реакцию». Только в этом случае текст «впишется» в контекст жизни читателя и прежде всего настоящего бытия, по отношению к которому он как бы станет событием. Но чтобы коммуникация читателя с автором осуществилась, необходимо, чтобы реципиент уловил сюжетно-композиционный, словесно-образный и словесно-интонационный строй текста, то есть то, что вслед за Л. С. Выготским в психологии искусства называют эмоциями формы и эмоциями содержания.

Нам мыслится интересным публицистический текст, который выстраивается наравне с текстом художественным. К примеру, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского.

«Дневник писателя» является публицистическим и одновременно художественным произведением. Замысел нового издания Достоевский вынашивает в конце 60-х гг., вскоре после того, как прекратили свое существование журналы «Время» и «Эпоха». Живя за границей в 1867–1871 гг., Ф. М. Достоевский мечтает возвратиться к публицистической деятельности, о чем свидетельствуют его письма [7, с. 145]. Вот что он пишет С. А. Ивановой, своей племяннице, переводчице, 29 сентября 1867 г.: «Хочу издавать, возвратясь, нечто вроде газеты. Я даже помнится, Вам говорил это вскользь, но здесь теперь совершенно выяснилось и форма и цель... А для этого надо быть дома и видеть и слышать все своими глазами» [8, т. 28, с. 224]. «Дневник писателя», таким образом, несет в себе публицистический дискурс.

Однако нельзя отрицать и того, что в «Дневнике писателя» Достоевский отражал своё видение мира, свои размышления о глобальных проблемах. О создании практически всех своих произведений Достоевский пишет именно в «Дневнике писателя», что позволяет исследователям более полно понять автора.

Интересно, что, к примеру, М. М. Бахтин предельно критичен к публицистике Достоевского. Он называет Достоевского «рядовым публицистом своего времени», утверждает, что письмо к реальному адресату было наиболее чуждым ему («ненастоящим») словесным жанром [4, с. 325]. Эта асимметрия в оценках романа и публицистики, вероятно, наложила тень на литературную репутацию «Дневника писателя» на протяжении длительного периода (30–80-е гг. XX в.).

Каким же образом выстраивается диалог автора и читателя в публицистике Достоевского?

По мнению Ф. А. Ермошина, в «Дневнике писателя» Достоевский предоставляет своего рода «трибуну» «...не столько потенциальным “друзьям”, сколько, в первую очередь, предполагаемым “врагам”. Истина, по мысли Достоевского, рождалась не только в диалоге, но и в споре» [9, с. 23]. Адресаты писателя схожи: это мелкая и средняя интеллигенция – учителя, судейские работники, военные, чиновники, врачи, инженеры, студенты, лица духовного звания. «Лица» внутренних читателей особенно интересны в контексте собственно дневниковой составляющей издания, то есть автокоммуникации (термин введен Ю. М. Лотманом, предполагает взаимоотношения в структуре «Я–Я» [1, с. 229], в которой выделяются «Я»-автора и «Я»-читателя).

Стоит отметить, что в своей публицистике Достоевский не раз обращался к теме ребенка и его страданий. В целом детская тема у Достоевского стоит особняком в его творчестве. Прежде всего это связано с его собственными детьми и переживаниями за них. Известно, с какой любовью Достоевский относился к своим детям и как тяжело переживал потерю своего первого ребенка. Воспоминания о детстве имели для Достоевского огромное значение. Он пронес через всю жизнь дорогие и радостные воспоминания о ранних своих годах и о родительском доме. Позже он писал:

«Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какие впечатления, большею частью, выносит из своего детства уже теперешняя современная нам молодежь?» [10, с. 151].

Теме детства посвящены многие страницы «Дневника писателя». Особенно болезненно воспринимал писатель факты, связанные с детьми, которые выносились на публичное обсуждение в залы нового российского суда присяжных заседателей. Дело Кроненберга вызвало широкий отклик в средствах массовой коммуникации. Достоевский также включился в общий диалог-размышление о судьбе ребенка. К страницам «Дневника писателя», посвященным делу Кроненберга, обращались многие современные исследователи [7; 11; 12].

Кроненберга судили за то, что тот жестоко высек свою семилетнюю дочь шпицрутенами. Подсудимого оправдали благодаря видному адвокату Спасовичу, который в своей речи назвал поступок отца всего лишь «наказанием» за детские пороки, предел которому не установлен, а значит, не существует. Достоевский выступил против аргументов Спасовича: в февральском номере «Дневника писателя» 1876 года он, возмущенный решением суда, поместил подробный комментарий относительно защитной речи адвоката Спасовича. Писатель считал, что адекватного объяснения истязаниям быть не может: «... нельзя, говорю я, это создание, имеющее ангельский лик, несравненно чистейшее и безгрешнейшее, чем мы с вами, г-н Спасович <...> нельзя, говорю я, драть ее девятью рябиновыми “шпицрутенами”, и драть четверть часа, не слушая ее криков: “папа, папа!”...» [8, т. 22, с. 67].

Достоевский показал, как в начале речи адвокат сознательно ослабляет свою коммуникативную позицию, желая вызвать доверие у слушателя: «Предполагаемый хитрец сам ищет защиты, да еще у вас же, у тех, которых собирался надувать! Таким приемом г-н Спасович сразу разбивает лед недоверчивости и хоть одной капелькой, а уже профильтровывается в ваше сердце» [Там же. С. 58]. Затем, показывая себя сторонником прогресса, адвокат использует тактику самопрезентации. Наконец, адвокат осуществляет психологическую девальвацию личности жертвы («если вы примете в соображение натуру дитяти»), а также использует лесть по отношению к слушателям («вы оправдываете, потому что глубокое понимание дела непременно ведет к тому, что тогда многое объяснится и покажется естественным»). Кроме того, Достоевский иронизирует над попыткой защитника Спасовича говорить на языке народа: «Вместо дитяти семи лет, вместо ангела, – перед нами явится девочка «шустрая», девочка хитрая, крикса, с дурным характером, которая кричит, когда ее только поставят в угол, которая «горазда кричать» (какие русизмы!), лгунья, воровка, неопрятная и с скверным затаенным пороком» [Там же. С. 60].

Статьи, посвященные делу Кроненберга, явились настоящим гуманистическим манифестом, призывающим к уважению личности ребенка. «Слушайте, – обращается Достоевский к своему читателю, – мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности, даже и при порочной какой-нибудь в них привычке, – к их безответственности и к трогательной их беззащитности» [Там же. С. 68–69].

Ф. М. Достоевский сыграл важную роль и в деле Е. К. Корниловой: беременная женщина выбросила в окошко свою падчерицу и тут же призналась в содеянном. Достоевский написал о деле Корниловой большую статью в октябре 1876 г. в «Дневнике писателя» под названием «Простое, но мудреное дело». Простое, с одной стороны, дело показалось Достоевскому неоднозначным. Своим читателям Достоевский объяснил, что Корниловой, которая оказалась довольно добрым человеком, руководил «аффект беременности», при котором женщина помимо своей воли может совершать поступки, противоречащие ее настоящим, сознательным желаниям. А сослать ее в Сибирь – значит лишить уже двух живых существ (во время следствия Корнилова родила дочь) права на нормальную жизнь в полной семье.

Только благодаря статьям Достоевского в «Дневнике писателя» прежний приговор по делу Корниловой был кассирован, и 22 апреля 1877 г., когда вторично решалось её дело с новым составом суда и присяжных заседателей, Корнилова была оправдана. Достоевский посвятил этому статью «Освобождение подсудимой Корниловой» в апрельском «Дневнике писателя» за 1877 г. и главу первую «Заключительное разъяснение одного прежнего факта» в декабрьском «Дневнике писателя» за 1877 г.

Мы обратимся к статье «Дело родителей Джунковских с родными детьми» (1877). Достоевский, с его вниманием к становлению российского суда, не мог не отреагировать на это дело. История Джунковских производит жуткое впечатление: эти родители секли своих детей, заставляли спать в грязной комнате с одним рваным одеялом, закрывали в холодном туалете, морили голодом. Но Джунковских в процессе судебного разбирательства оправдали: им удалось доказать, что дети заслужили наказание, потому что воровали и совершали другие дурные проступки.

Достоевский сам определяет своего адресата – это Джунковские, с одной стороны, а с другой – его читатель. Публицист сочиняет «фантастическую речь председателя суда» и адресуется виновным свой приговор, но не уголовного суда, а суда совести и человечности.

Свой комментарий по поводу дела Джунковских Достоевский начинает с тактики противопоставления, которая станет основой его статьи. Писатель противопоставляет «написанный закон» и человеческий закон: «О, конечно, есть такой суд, который может их обвинить и ясно указать за что, но не уголовный же суд с присяжными заседателями, судящий по написанному закону. А в написанных законах нигде нет статьи, ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям» [8, т. 25, С. 183].

Нельзя отрицать несогласие публициста с решением суда, поэтому это несогласие и становится ведущим в этих диалоговых отношениях. Публицист не соглашается не только с решением суда, но и с равнодушным отношением к детям.

Используя тактику обобщения, Достоевский делится с читателем своими размышлениями о проблемах в законодательной сфере: «А в написанных законах нигде нет статьи, ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям. Иначе пришлось бы судить пол-России, – куды, гораздо больше» [Там же]. Об этом же можно прочитать в его статье, посвященной делу Кронеберга. Обобщенность Достоевский подчеркивает на морфологическом уровне, употребляя личные местоимения множественного числа: «У нас в судах случается» и глаголы 1 лица мн. ч. «вспомним», «заметим». Автор, используя интимный жанр беседы, сокращает дистанцию между собой и читателем, делится своим недовольством относительно судебной системы Российской Империи. Он приобщает читателей к этой проблеме, делая ее всеобщей.

Но главное для писателя – пробуждение самосознания в отцах «случайного семейства», людях с «ленивыми», а не жестокими сердцами [Там же. С. 185]. Достоевский пытается встать на их место, сочувствует им. Использование риторических вопросов для суггестии не раз повторяются в речи публициста: «Тяжело ли им среди современного хаоса жизни, в котором так трудно что-нибудь понять? Или так мало ответила современная жизнь на их духовные стремления, на их желания, вопросы? Или, наконец, от непонимания кругом происходящего разложились и их понятия и уже больше не собрались и наступило разочарование?» [Там же. С. 184–185].

В своей статье Достоевский часто обращается к тактике уступки, которую условно можно назвать «да, но...». С ее помощью он доказывает свою позицию и становится убедительным для родителей и читателя: «То, что они секли розгами по лицу мертвую сестру за то, что она когда-то на них жаловалась, конечно, возмутительно и омерзительно. Но постараемся быть беспристрастнее и, клянусь вам, увидим, что даже и это лишь детская шалость, именно – это детская «фантастичность» [Там же. С. 186–187].

Достоевский ведет своего адресата (родителей и читателя) к диалогу согласия. Постепенно дистанция между автором и адресатом сокращается: сначала он пишет об отцах «случайного семейства» «они», – затем прямо обращается – «вы»: «Вы не холодные эгоисты. Ищите же любви и копите любовь в сердцах ваших» [Там же. С. 193]. Наконец, автор присоединяет себя к своему адресату, чтобы обратиться к высшей «инстанции» – Богу: «Если уж перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станет тогда с нами самими? Вспомните тоже, что лишь для детей и для их золотых головок Спаситель Наш обещал нам сократить времена и сроки [Там же]. Напоминание о Страшном суде должно обратить читателя к евангельской истине. Теперь Достоевский организует диалог с согласным читателем, надеясь на то, что тот имеет такие же морально-нравственные ориентиры, что и сам автор.

Мысли Достоевского относительно страдания ребенка отражены не только в его публицистике, но и в художественном творчестве. Так, в итоговом романе «Братья Карамазовы» (1880) этот мотив звучит в словах Ивана Карамазова. Герой Достоевского приводит примеры страданий детей из современной писателю действительности (в том числе, это дело Джунковских) и говорит: «Для чего познавать это чёртово добро и зло, когда это столько стоит? Да весь мир познания не стоит тогда этих слёзок ребёнка к „боженьке“... Пока ещё время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре неискуплёнными слезами своими к „боженьке“!» [8, т. 14, с. 220].

Иван Карамазов – это герой радикальный, атеист. В контексте внутреннего бунта (диалога с Алешей) Иван готов отказаться от высшей гармонии и всемирного счастья, если они достигаются детскими слезами и унижением. В своем атеизме Иван не близок автору – носителю веры. Так, почему же Достоевский вкладывает в уста Ивана мысли о страдании ребенка?

В действительности, мнения Алеши и Ивана – это «квинтэссенция взглядов» самого писателя. Итогом разговора становится отрицательный ответ Алеши на возможность существования гармонии и истины, достигнутых при помощи детоубийства, что полностью совпадает с мыслями самого Ивана. В этот момент предельно заостряется постановка вопроса о гуманизме: одна слезинка ребёнка противопоставляется достигнутой такой ценой мировой гармонии.

Таким образом, в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский предположил, что должен был бы сказать этим родителям председатель суда, который дал им возможность остаться безнаказанными. От лица этого председателя Достоевский говорил, что Джунковским еще предстоит суд их собственной совести, и в первую очередь им стоит задуматься над вопросом о том, почему дети вообще совершали проступки. По мысли Достоевского, причины эти, конечно, заключаются в поведении родителей. «Не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю», – такой подход к воспитанию ребенка только развращает, ранит безгрешную и чистую еще душу так сильно, что она либо закрывается, либо учится хитрить. Достоевский напоминал родителям о том, что любовь – это труд и долг, а сам горячо верил в силу любви и бессилие насилия морального и физического.

Ссылки / References

1. Каган М. С. О педагогическом аспекте теории диалога // Диалог в образовании: сб. материалов конференции. Серия «Symposium», выпуск 22. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 150–152.
2. Новая философская энциклопедия. Т. I. М.: Мысль, 2000. 721 с.
3. Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999. С. 9–32.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
5. Бонецкая Н. К. М. М. Бахтин и традиции русской философии // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 83–93.
6. Шалимова Е. В. Специфика диалога в публицистическом тексте: трехмерная картина взаимоотношений // Baikal Research Journal. Иркутск: БГУ, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-dialoga-v-publitsisticheskom-tekste-trehmernaya-kartina-vzaimootnosheniy> (дата обращения: 10.04.2021).
7. Гаврилова Л. А. Двухнаправленность авторского замысла в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2015. № 2. С. 145–150.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.
9. Ермошин Ф. А. Автор и читатель в публицистике Достоевского 70-х гг. XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 263 с.
10. Безрукова Т. В. Социология детства в романах Ф. М. Достоевского // Инженерные технологии и системы. Саранск, 2007. С. 151–155.
11. Немкевич И. В. Дело Кроненберга: «ступенька лестницы» к правам ребенка // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гомель, 2016. № 2 (95). С. 94–97.
12. Фёдорова Е. А. Сопоставительный анализ аргументации Ф. М. Достоевского и В. Д. Спасовича (по делу С. Л. Кроненберга 1876 г.) // Сопоставительные исследования 2018. Вып. 15. Воронеж: РИТМ, 2018. С. 218–221.

Spelling of complex nouns with components bio-, eco-, organic-

E. M. Melnikova¹, A. S. Tomina¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-334-344

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the consideration of the problem of spelling of complex nouns with components bio-, eco-, organic-. It is noted that words with these related roots of foreign language origin, united by synonymous semes 'natural', 'safety', 'utility', are widely used in modern speech. The authors consider the spelling norm in relation to words with these components and the reflection of the norm in real writing practice. The complexity and inconsistency of the spelling rule for spelling complex words leads to the appearance of variants of their spelling and the inconsistency of the usus with the norm. The bio- root, the most mastered, recorded in reference books and spelling dictionaries that require it to be written together with a subsequent part, is presented in the usus not only in continuous, but also in hyphenated and separate design. The same variability is observed for the eco-component. The article concludes that these elements significantly expand their compatibility with different bases and receive special semantic emphasis in the text, including with the help of hyphenated and separate spelling. For the organic- component there is no single spelling rule: the foreign language origin of this related component and the consonant base do not solve the issue of a single spelling of words that are considered dictionary. It is noted that the separate design and postposition in relation to the second element of the combination gives this component the status of an application - an unchangeable adjective - in line with the trend towards analyticism in the grammatical system of the modern Russian language.

Keywords: spelling; spelling of complex nouns; continuous spelling; separate spelling; hyphenated spelling; foreign language roots; norm; usus; active processes in Russian

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Melnikova, Ekaterina M. | E-mail: em09@mail.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Tomina, Anastasia S. | E-mail: anastasiya.tomina.1996@mail.ru
Student

For citation: Melnikova E. M., Tomina A. S. Spelling of complex nouns with components bio-, eco-, organic- // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2021. Vol. 7, No 3. P. 334-344. (in Russ.)

Орфография сложных существительных с компонентами био-, эко-, органик-

Е. М. Мельникова¹, А. С. Томина¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2021-3-334-344
УДК 81'35

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена рассмотрению проблемы орфографического оформления сложных существительных с компонентами био-, эко-, органик-. Отмечается, что слова с данными связанными корнями иноязычного происхождения, объединяемыми синонимичными семами 'натуральность', 'безопасность', 'полезность', получают в современной речи широкое распространение. Авторы рассматривают орфографическую норму в отношении слов с данными компонентами и отражение нормы в реальной письменной практике. Сложность и противоречивость орфографического правила правописания сложных слов ведёт к появлению вариантов их написания и несоответствию узуса норме. Корень био-, наиболее освоенный, зафиксированный в справочниках и орфографических словарях, требующих его слитного написания с последующей частью, в узусе представлен не только в слитном, но и в дефисном и раздельном оформлении. Такая же вариативность наблюдается и в отношении компонента эко-. В статье делается вывод о том, что данные элементы значительно расширяют свою сочетаемость с разными основами и в тексте получают особое смысловое выделение, в том числе с помощью дефисного и раздельного написания. Для компонента органик- не существует единого орфографического правила: иноязычное происхождение этого связанного компонента и основа на согласный не решают вопроса единого написания слов, которые считаются словарными. Отмечается, что раздельное оформление и постпозиция по отношению ко второму элементу сочетания придаёт данному компоненту статус приложения – неизменяемого прилагательного – в русле тенденции к аналитизму в грамматической системе современного русского языка.

Ключевые слова: орфография, правописание сложных существительных; слитное написание; раздельное написание; дефисное написание; иноязычные корни; норма; узус; активные процессы в русском языке

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельникова, Екатерина Михайловна
(автор для корреспонденции)

Email: em09@mail.ru
ORCID 0000-0002-9795-0971
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка

Томина, Анастасия Сергеевна

E-mail: anastasiya.tomina.1996@mail.ru
Бакалавр по направлению «Педагогическое
образование» (профиль «Филологическое образование»)

Для цитирования: Мельникова Е. М., Томина А. С. Орфография сложных существительных с компонентами био-, эко-, органик- // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Том 7, № 2. С. 334-344.

© Мельникова Е. М., Томина А. С., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Язык отражает действительность, частью которой становится стремление человека XXI века следить за собственным здоровьем, физической формой – важными составляющими успеха. Продукты питания, содержащие полезные компоненты, предметы обихода, снижающие вероятность аллергии и безопасные для окружающей среды, – это новая реальность современного человека, приводящая к появлению в лексиконе новых слов. Так, в современной речи всё чаще встречаются существительные с компонентами *био-, эко-, органик-*. Рекламные тексты, надписи на упаковках товаров, призванные привлечь внимание покупателя, включают данные элементы в описание продукта; ‘натуральность’ и ‘безопасность’ становятся объединяющими семами, часто приводящими к контекстуальной синонимии в их употреблении.

В данной статье рассмотрены проблемы орфографии имён существительных с компонентами *био-, эко-, органик-*, приобретающих статус сложного слова, которое в соответствии с правилами может получать слитное, дефисное оформление и, уже на уровне словосочетания, писаться раздельно.

Правила правописания сложных слов – одни из самых противоречивых в русской орфографии. Формулировка многих положений в них далеко не всегда соответствует требованиям к орфографическому правилу, среди которых называются адекватность проблеме, адекватность материалу, логическая непротиворечивость, терминологическая корректность, отсутствие избыточных критериев, достаточная полнота списка исключений [1, с. 124–126].

Трудности кодификации написания сложных имён существительных обусловлены разными причинами. Во-первых, не всегда понятен статус одного из компонентов сложного слова. Если это приставка, то, как известно, приставки пишутся слитно с последующей частью слова, хотя и здесь есть исключения (*экс-депутат, сверх-я, супер-эго, экстра-класс* и др. исключения) [2, с. 74–76]. Если это корень, то важно определение статуса слова – сложное или сложносокращённое: «сложносокращённые существительные пишутся слитно» (за исключением некоторых единичных случаев) [Там же. С. 79–80]; сложные существительные могут писаться по-разному – и слитно, и через дефис. Если один из компонентов является отдельным словом, то речь идёт о словосочетании с приложением и о раздельном написании.

Во-вторых, в основу орфографических правил могут быть положены разные критерии выбора слитного / дефисного / раздельного написания сложного слова, и ни один из них не лишён довольно объёмных списков исключений. Наличие или отсутствие соединительной гласной в сложном имени существительном; характер основы первого компонента (оканчивается на гласный или согласный); склоняемость или несклоняемость компонентов; способность компонентов употребляться в качестве самостоятельного слова; а также «препозиция или постпозиция одной из частей сложного образования; собственный или нарицательный характер имени в составе сложного образования; формальный или семантический повтор основ сложного образования; словообразовательная производность от слов с определённым написанием» [3, с. 58] – данные критерии в своей совокупности учитываются авторами ПАСа («Полного академического справочника» под ред. В. В. Лопатина) [4] и отражаются в РОСе («Русском орфографическом словаре») [5] и в комментировании правил в «Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике» [6], на Орфографическом академическом ресурсе «Академос» [7]. Помимо данных, предлагаются и другие подходы к формулировкам правил. Так, Н. А. Еськова вводит критерий цельнооформленности, по которому «слитно пишутся соединения элементов,

образующие морфологически цельноформленные существительные, признаком чего является склонение только второго элемента»; «через дефис пишутся соединения элементов, не обладающие свойством цельноформленности, соединения, цельноформленность или нецельноформленность которых не может быть установлена», а также «цельноформленные соединения, в первой части которых выступают существительные в именительном падеже с ненулевой флексией» и «соединения, к которым не может быть применён критерий цельноформленности» [8, с. 63–66]. Несмотря на то, что данные формулировки устраняют многие исключения, как отмечает автор, «предлагаемые правила вносят значительные изменения в то, что принято сейчас» [Там же. С. 67], то есть не соответствуют существующей орфографической норме и предполагают «ломку» сложившейся системы.

Критерии формулировки правил правописания сложных имён прилагательных также разнообразны и противоречивы в реальной практике: среди них называют словообразовательный, семантико-синтаксический, семантический, формально-семантический, функционально-стилистический [9, с. 70], формально-грамматический (учёт суффикса прилагательного в первой части слова) [10]; см. также [11].

Иноязычное происхождение компонентов сложного слова ещё более затрудняет применение правил: «в сфере иноязычной лексики существует довольно большое количество слов, написание которых не подпадает ни под одно правило правописания» [12, с. 224]. Часто норма, представленная в своде действующих правил, «указывается для конкретного слова, а не для всей категории связанных орфографической оппозицией слов в целом ... Пользуясь действующими "Правилами ...", можно получить конкретные рекомендации по написанию только тех иноязычных слов, которые в них упомянуты в качестве примеров» [Там же. С. 217].

Рассмотрим орфографическое оформление сложных существительных с иноязычными компонентами *био-, эко-, органик-* в современной письменной речи.

Компонент *био-*, который называют связанным интернациональным корнем, давно и прочно закрепившийся в русском языке, необходимо писать слитно с последующим словом. В справочнике Д. Э. Розенталя отмечается, что сложные существительные с элементами *авто-, агро-, аэро-, био-, вело-, гелио-, гео-, гидро-* и др. «независимо от числа названных элементов или других слов в основе» пишутся слитно [13, с. 43]. Новый справочник В. В. Лопатина уточняет данное правило, отмечая иноязычное происхождение подобных элементов и тип основы: слитно пишутся «сложные слова с первой иноязычной (интернациональной) частью, кончающейся на гласную» [4, с. 103]. В ПАСе в этом же разделе отмечен и корень *эко-* (отсутствующий в справочнике Д. Э. Розенталя). Ср. также замечание Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой о связанном характере данных корней, являющемся одним из критериев слитного написания: «Понятие первой иноязычной части на гласную, с нашей точки зрения, необходимо уточнить таким параметром, как неупотребляемость в качестве отдельного слова. Это позволяет не применять его к словам *макси, мини, миди*, а также ко многим другим самостоятельным иноязычным словам с финалью на гласную (типа *видео, диско, медиа, порно, радио*)» [1, с. 178–179]. Таким образом, уточнённое правило имеет следующую формулировку: «Сложные существительные с первой частью, иноязычной по происхождению, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно» [Там же. С. 179].

В реальной речевой практике наблюдаются отступления от данного правила. Био- и эко- могут присоединяться к последующей части с помощью дефиса и даже отделяться пробелом, при этом одно и то же слово получает в разных текстах различное оформление:

– слитное и дефисное:

(1) **Биоеда** – грибные, ягодные консервы и сушеные грибы (<https://www.instagram.com>) / **био-еда** – это здоровые продукты (<http://priroda.su/>).

(2) *Насколько экологична одежда из **биохлопка**?* (<https://www.instagram.com/asya.mitskevich/>) / *Для изготовления нитей используем не обычный, а **био-хлопок*** (<https://www.instagram.com/imorganicblog>).

(3) **Экомолоко** «Эконива» цельное (<https://www.ekoniva-moloko.com>) / **Эко-молоко** и **эко-сыр** из молока (<https://www.ekoniva-apk.ru/>).

(4) **Экоприправа** фирмы «Эко» / **Эко-приправы** – уникальные и натуральные жидкие специи (<https://www.instagram.com/imorganicblog>).

(5) **Экошуба** в морозы (<https://rebbeka.ru>) / **Эко-шубы**: восемь преимуществ и два недостатка (<https://www.yapokupayu.ru/blogs>).

(6) Особенности ухода за **экозамшей** (<https://romatex.ru>) / **Эко-замша** – достойная альтернатива и правильный выбор (<https://popolo4kam.ru>).

(7) Плотная холщовая **экосумка** (<http://eco-perenoska.ru>) / **Эко-сумки**, авоськи (<https://www.pinterest.ru>).

(8) **Экостиль** в интерьере – особенности и преимущества (<https://dizain.guru>) / Современный интерьер в **эко-стиле**: особенности дизайна (<https://design-homes.ru>).

– слитное и раздельное (часто встречающееся в названии товара и выполняющее, вероятно, функцию смыслового выделения и привлечения внимания покупателя):

(9) Одеяло *kariguz* **биобамбук** (<https://www.avito.ru>) / Подушка бамбуковая «**Био Бамбук**» (<https://www.kariguz.ru>).

(10) *Сколько служит **экокожа** на диване?* (<https://newline-mag.com/>) / Рюкзак женский **эко кожа** (<https://yourbox.spb.ru>).

– слитное, дефисное и раздельное:

(11) Украинские производители могут войти в сегмент **биоблок** в Европе (<https://latifundist.com>) / **Био-Яблоки** Роял Гала / Купить **БИО яблоки** (<https://fruity-mail.ru>).

(12) Тонкие носочки для младенцев из 100 % **бишерсти**, Groedo (<https://www.bezhimii.ru>) / Недавно купила на пробу 100 % **био-шерсть** (органическая шерсть, Германия) (<https://www.livemaster.ru>) / Наматрасник из овечьей шерсти «**Био Шерсть**» (<http://postela.ru>).

(13) Где заказать **экоеду** в городе ... (<https://issuu.com>) / Покупайте в интернет магазине **Эко-Еда** с доставкой по Москве и регионам (<https://eco-eda.ru/>) / **эко еда** в Санкт-Петербурге (<https://etnoportal.ru/spb>).

(14) Где купить **экоовощи**? (<https://lookbio.ru>) / **Эко-овощи**. А зачем? (<https://www.1tv.ru>) / **Эко фрукты** и **овощи** – Сеть овощных баз (<https://asktel.ru>).

(15) Пекарня «**Экохлеб**» (<https://www.yell.ru>) / **Эко-Хлеб** в России (<https://www.product.ru>) / Хлебцы **Эко хлеб** с ядрами семечек (<https://dobryankarus.ru>).

Как мы видим, в современной речевой практике расширяется список основ, к которым присоединяются элементы био- и эко- (ср. приводимые в РОСе существительные с био-: *биоактиватор, биоакустика, биоархитектура, биоастронавтика, биотака, биобаланс, биобиблиография, биовентилятор, биоволны, биогаз, биогель, биогельминты, биоген, биогенез* и др. – около 185 единиц, среди которых уже фиксируются *биойогурт, биокефир, бионаполнитель, биоотходы, биоробот, биотворог* [5, с. 49–50]; с эко-: *экогенез, экододом, экозащита, экокатастрофа, эконожа, экоконтроль, экология, экомедицина, эконадзор, эконапиток, экопарк, экопитание, экополис, экополитика, экопосёлок, экопродукт, экорегиион, экоресурсы, экосад, экосводка, экосистема, экослужба, экосфера, экотип, экотуризм, экоцентр, экоцид, экоэнергетика* [Там же. С. 842]). Помимо приведённых примеров, нам встретились следующие новые словоупотребления:

(16) **Биоговядина** для детского питания (<https://ekoniva-apk.ru>).

(17) **Масло льняное Биолён** – инструкция по применению (<https://www.lsgotar.ru>).

(18) **Экокакао** – порошок алкализованный для вас (<https://www.elle-craft.ru>).

(19) **Экомасло** детское «Белита-Витэкс» для ухода и массажа (<https://irecommend.ru>).

(20) Аннотация к книге «**ЭКОМЯСО** собственного производства. Как избежать ошибок и сэкономить время и деньги. Птица, кролик» (<https://www.labyrinth.ru>).

(21) **Экосухофрукты** из Узбекистана с частных ферм и сушились в тени или на солнце, высоким температурам и обработке серой не подвергались (<http://ecociroed.ru>).

(22) **Голубика** – голубая **экоягода** (<http://www.accbud.ua>).

Подобная «новизна», своеобразный языковой эксперимент в образовании новых слов становятся, вероятно, одной из причин вариативности написания данных единиц. Кроме того, лингвисты указывают на существование моды на дефисные написания: «В узусе тенденция к употреблению дефиса столь сильна, что встречается дефисное написание даже уже давно освоенных и кодифицированных в слитном написании слов» [1, с. 145–146].

Вариативность написания существительных с компонентом эко- может быть вызвана и двоякой трактовкой сложного слова. Так, краткая формулировка правила в РОСе «эко ... – первая часть сложных слов, пишется слитно» [5, с. 842] в «Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике» дополняется следующим комментарием: «пишется слитно как первая часть сложных существительных, иноязычная по происхождению, оканчивающаяся на гласную и самостоятельно не употребляющаяся или пишется слитно как первая часть сложносокращённых существительных, напр.: *экогенез, экозащита, экология, экомедицина, экопитание, экополитика, экоресурсы, экосистема, экосфера, экотехнологии, экоцид* ... В современном языке обычно является сокращением слова *экологический*» [6, с. 486]. Разделительный союз *или* в данном комментарии указывает на невозможность однозначного определения статуса слова как сложного / сложносокращённого. Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова, рассматривая проблему формального неразличения сложносокращённого слова и сложного слова, состоящего из частей – самостоятельно употребляющихся существительных (*спортклуб* и *джаз-клуб, туроператор* и *интернет-провайдер, пионервожатый* и *шеф-повар*) – отмечают: «Можно предположить, что решающим фактором в данном случае оказывается закрепившееся написание:

слитно написанное слово «прочитывается» как сложносокращённое, а написанное с дефисом – как сложное существительное с первой частью, совпадающей с самостоятельным словом» [2, с. 165]. Компонент *эко-* не употребляется в качестве самостоятельного слова, но наблюдение, сделанное лингвистами в отношении самостоятельных частей-слов, актуально и для таких случаев: дефисные и особенно раздельные написания компонента *эко-* и даже компонента *био-*, подкрепляемые выделением их с помощью буквенного регистра (*ЭКО овощи, Эко-Хлеб, Эко Хлеб, ЭКО фрукты, БИО-Яблоки, БИО яблоки, БИО Шерсть* и под.), свидетельствуют, наверное, о некоей дополнительной смысловой нагрузке на данные элементы в сознании пишущих, о представлении их в качестве самостоятельных, полноценных единиц речи. Ср.: *экосистема* = «экологическая система», но *экохлеб/эко-хлеб/эко хлеб* – это не совсем «экологический хлеб», а «хлеб, произведённый по экологически безопасным технологиям»: по сведениям Роспотребнадзора, компонент *эко-* должен указывать на то, что «в ходе производства, транспортировки, хранения, использования или утилизации товара не наносится (или минимизирован) вред для окружающей среды» (<http://50.gospotrebnadzor.ru/news>). По-новому, видимо, осознаётся компонент *био-* в приведённых выше примерах: его первоначальное предназначение – указание на продукцию переработки молока, обогащённую пробиотиками и/или пребиотиками (ГОСТ Р 52738-2007 «Молоко и продукты переработки молока. Термины и определения»). Присоединение данных компонентов, актуализирующих семы 'полезный', 'безопасный', 'натуральный', к тематически разнообразным основам является маркетинговым приёмом производителей, стимулирующим тем самым покупку товаров (Ср.:

(23) *Кофе органик в зернах, или биокофе* – это уникальный продукт, при производстве которого производители используют исключительно органические составляющие (поэтому и кофе так называется) (<https://www.coffeemag.ru>).

Компонент *органик-*, относительно недавно появившийся в русской речи, пока не зафиксирован справочниками по правописанию, существительных с ним нет в РОСе и в «Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике». Орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН также не комментирует сложные слова с данным элементом (существительное *химик-органик* не рассматриваем) [7].

Знак «*органик*» на современных товарах свидетельствует о том, что «органические продукты» произведены «с использованием технологий, обеспечивающих их производство из сырья, полученного без применения пестицидов и других средств защиты растений, химических удобрений, стимуляторов роста и откорма животных, антибиотиков, гормональных и ветеринарных препаратов, ГМО, не подвергнутого обработке с использованием ионизирующего излучения» (СанПиН 2.3.2.2354-08 «Дополнения и изменения № 8 к санитарно-эпидемиологическим правилам СанПиН 2.3.2.1078-01 "Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов"»).

Национальный корпус русского языка фиксирует употребление компонента *органик* в составе сложного слова в значении «органический» с 2012 г.:

(24) – *Цены на органик-молоко будут примерно в 1, 5 раза выше, то есть продукт будет доступен для людей со средним достатком, – сказал «Известиям» министр сельского хозяйства Ульяновской области Александр Чепухин, подчеркивая,*

что смысл проекта не в низкой стоимости продукта, а в его высоком качестве (М. Казанцева «Moloko Holdings Inc. вложит 8 млрд рублей в российское экомолоко» // Известия, 2012.10.16);

(25) Ну да, на слингах по 8 тысяч никто не делает маркетинг – миллион тканей и расцветок))) **органик-фуд** туда же, натуральные ткани типа как в мандуке по 5 тыщ – ну я так мимо пробежала (коллективный. Форум: Холивар).

Ср. также употребление компонента *органик* в качестве постпозитивного определения в 2004 г.:

(26) Только покупай **цуккини «органик»** (по 2 штуки в пакете продается) (Наши дети: Малыши до года (форум)).

Правила, сформулированные в ПАСе, не предлагают однозначного решения в выборе написания слов с *органик-* (этот элемент не упоминается). Факторы несклоняемости первого компонента и основы, оканчивающейся на согласный, не являются решающими. Не играет решающей роли в выборе написания и критерий несамостоятельности данного элемента: в п. 2 §121 отмечается, что сложные существительные, первая часть которых встречается только в составе сложных слов, могут писаться и слитно, и через дефис [4, с. 110]. И в целом слова с компонентом *органик-* попадают, вероятно, в сферу действия правила §121: «Во всех прочих случаях (не охваченных §119–120) слитное или дефисное написание существительных регламентируется в словарном порядке» [Там же. С. 110–111]. То же встречаем в комментарии к правилу в «Объяснительном русском орфографическом словаре-справочнике»: «Написание сложных существительных с не употребляющейся самостоятельно первой частью на согласную определяется по орфографическому словарю» [6, с. 557]. Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова отмечают, что «данная группа слов представляет собой тот фрагмент лексического состава сложных существительных, который орфографически описывается не конкретным правилом в строгом смысле этого слова, а по существу для каждого слова в отдельности» и считают, что определяющими признаками для обращения к словарю являются следующие: «первая часть слова имеет финаль на согласную и отдельно не употребляется» [1, с. 180–181].

В речевой практике существительные с компонентом *органик-* оформляются по-разному. Встречаются дефисные написания:

(27) Первая **органик-водка** России «Чистые росы» (<https://krasnoeibeloe.ru>).

(28) ... Я в ближайшее время поеду на рынок, поддерживу не отечественного фермера, а наших братьев с Кавказа – у них хоть может и не **органик-фрукты**, а выращены под щедрым южным солнцем (<https://vegetarian.ru>).

Факт недостаточной освоенности данного компонента подтверждается тем, что в речевой практике он может использоваться в написании буквами латиницы:

(29) В составе натурального **organic-чая** исключено наличие усилителей вкуса и запаха, консервантов, ГМО, пестицидов и других вредных соединений (<https://teaplace.com.ua>).

(30) Чистая вода и **organic еда** (<https://www.ulitka.com/forum>).

Вариативность орфографического оформления сложных слов с компонентом *органик-* представлена возможностью дефисного и раздельного написания:

(31) **Органик-еда** – это здоровые продукты (https://www.instagram.com/_matyana) / **Органик еда** – грибные, ягодные консервы и сушеные грибы (https://www.instagram.com/katrin_ecotruie).

(32) **Органик-одежда** из хлопка и конопли (<https://www.instagram.com/eco.irk>) / **Органик одежда** «Гринэра» (<https://www.instagram.com/imorganicblog>).

(33) Производство **органик-яиц** (<https://agrobook.ru>) / **Органик яйца** и сыр: обзор продуктов с экофермы «Алёховщина» (<https://m.vk.com>).

(34) Детское бельё из **органик-хлопка** (<https://www.instagram.com/asya.mitskevich>) / **Органик хлопок**. Всё лучшее – детям (<https://www.babysling.ru>).

(35) Indigo Style **Органик-шампунь** терапевтический без сульфатов и парабенов / Indigo Style **Органик шампунь** цитрусовый без сульфатов и парабенов (<https://www.ozon.ru>).

(36) **Органик-контроль** по-европейски (<https://agri-news.ru>) / Биойогурт Слобода «**Органик контроль**» – отзывы (<https://otzovik.com>).

Дефисные написания существительных с элементом *органик-*, присоединяющимся к тематически разнообразным основам, достаточно частотны в современной практике письма. «В группах слов, написание которых определяется не правилом, а словарём, – отмечают Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова, – регулятором написания, ограничивающим орфографический хаос, зачастую становится влияние ближайшего прецедента. Для сложных слов орфографическим прецедентом является написание слов с той же первой или второй частью. Группы слов с одинаковой первой или второй частью стремятся к единообразному написанию, написанию по аналогии» [5, с. 182]. Возможно, именно дефисные написания с данным компонентом будут кодифицированы. Н. А. Еськова отмечает: «Если проследить за изменениями, которые происходят в написании сложных существительных, они оказываются однонаправленными: дефисные написания заменяются слитными. Когда образования с компонентами типа *авиа-*, *авто-* и пр. были «новинками», они чаще писались через дефис. Замена слитными написаниями была сначала стихийной, теперь существует правило» [8, с. 68]. Отразится ли эта тенденция на правописании существительных с компонентом *органик-*, вопрос спорный. Слитные написания в современной практике не встречаются. Возможно, слитному написанию будут мешать такие факторы, как начальная гласная в основе второй части (**орангиккодежда*, **органик(ъ)еда*), начальная *к-* последующей основы (**органикконтроль*, **органиккрем*).

Раздельные написания с компонентом *органик-* переводят его в статус приложения. Заимствованное аналитическое прилагательное *органик*, синонимичное, вероятно, прилагательному «органический», активно отражает работу закона экономии речевых средств и в целом усиление аналитизма в грамматической системе русского языка. Выбор между словосочетанием *органический кофе* и *органик кофе* / *органик-кофе*, *органическая водка* и *органик-водка* осуществляется в пользу более компактных сочетаний с неизменяемыми прилагательными. Нужно отметить, что та же тенденция просматривается и в отношении сложных слов с компонентами *био-* и *эко-*: в рекламном тексте слова *биояблоки* / *био-яблоки* / *био яблоки*, *эко-магазин*, *органик-хлопок* / *органик хлопок* и под. явно доминируют над словосочетаниями *яблоки БИО-сорта*, *биоорганические яблоки*, *магазин полезных и экологически чистых продуктов*, *органический хлопок*.

Как правило, неизменяемое прилагательное находится в постпозиции. Случаи подобного оформления компонентов *био-*, *эко-*, *органик-* также встречаются в практике современного письма:

(37) **ПРОДУКТЫ БИО** (<https://shop.italianweek>).

(38) **Ткань эко** *оптом* (<https://star-tex.ru>).

(39) **Молочные продукты ОРГАНИК** (<https://ryabinki.ru>).

«Практика письма, – отмечают Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова, – установила довольно стабильную норму для слов этого типа: за небольшим исключением все неизменяемые постпозитивные определения пишутся отдельно, независимо от того, является это определение определением-приложением или определением-прилагательным: *время икс, час ник, величина альфа, птица феникс, брюки клёш, блуза стретч, воротник апаш, юбка гофре, рукав реглан, платье мини, кофе глясе ...* » [1, с. 170]. Однако в узусе представлена «вся палитра системных возможностей», поскольку «осознаваемая носителями языка неоднозначность постпозитивных неизменяемых определений приводит и к наличию колебаний в написании и в стихийном установлении для отдельных слов (словосочетаний) дефисного написания, противоречащего общей тенденции» [Там же. С. 171]. Приведём примеры:

(40) **Крем Био** для лица увлажняющий для нормальной и комбинированной кожи (<https://www.wildberries.ru>) / **Крем-био** для тела облепиховый (<https://www.asna.ru>).

(41) **Indigo, шампунь органик** Гуалуруновый (<https://cosmetic-sun.ru>) / **Шампунь-органик** Birch SPA для окрашенных волос на березовом соке (<https://www.eapteka.ru>).

Таким образом, в современной речи, особенно в текстах, создаваемых для продвижения на рынке того или иного продукта, получают активное распространение сложные слова с компонентами *био-, эко-, органик-*, объединяемыми синонимичными семами 'натуральность', 'безопасность', 'полезность'.

Орфографическое оформление связанных компонентов иноязычного происхождения *био-, эко-, органик-* в составе сложного имени существительного в современной практике письма вариативно. Несоответствие узуса норме объясняется разными факторами, среди которых важным является сложность и противоречивость орфографического правила. Выбор слитного / дефисного / раздельного написания, основанный на критериях понимания слова как сложного / сложносокращённого / части словосочетания, происхождения первого компонента сложного слова, характера его основы, склоняемости / несклоняемости, свободы / связанности, его позиции по отношению ко второму компоненту и др., приводит к увеличению объёма правила и формированию списков многочисленных исключений.

Степень освоенности иноязычного компонента важна для формирования традиции написания слов, его включающих, и формирования нормы, однако для реальной практики письма она не играет решающей роли. Так, корень *био-*, наиболее освоенный из рассмотренных иноязычных компонентов, зафиксированный в справочниках и орфографических словарях, требующих его слитного написания с последующей частью, в узусе представлен не только в слитном, но и в дефисном и раздельном оформлении. Такая же вариативность наблюдается и в отношении компонента *эко-*, описанного в ПАСе. Данные элементы значительно расширяют свою сочетаемость с разными основами и в рекламном тексте получают особое смысловое выделение, в том числе с помощью дефисного и раздельного написания.

Однозначного правила правописания существительных с компонентом *органик-*, относительно недавно появившимся в русском языке и ещё не зафиксированным в справочниках, не существует: иноязычное происхождение этого связанного компонента и основа на согласный не решают вопроса единого написания слов с ним.

В практике письма встречаются дефисные и раздельные написания. Раздельное оформление и постпозиция по отношению ко второму элементу сочетания придаёт данному компоненту статус приложения – неизменяемого прилагательного – и отражает тем самым тенденцию к аналитизму в грамматической системе современного русского языка.

Ссылки / References

1. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Проблемы нормы и кодификации правописания сложных существительных // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 1. С. 119–199.
2. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 187 с.
3. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 57–76.
4. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 432 с.
5. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 896 с.
6. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник / Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова; Е. В. Бешенкова (отв. ред.), О. Е. Иванова, Л. К. Чельцова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 592 с.
7. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». URL: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 23.07.2021).
8. Еськова Н. А. Слитные / дефисные написания существительных и цельнооформленность слова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2009. С. 59–68.
9. Сидорова Е. Г. Проблемы и противоречия кодификации сложных прилагательных в русском языке // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17. № 4. С. 68–80.
10. Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. М.: Русский язык, 1983. 879 с.
11. Борунова С. Н. О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2009. С. 73–99.
12. Нечаева И. В. Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2009. С. 213–239.
13. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И. Б. Голуб. М.: Айрис-пресс, 2008. 368 с.